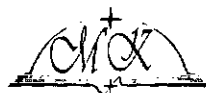

Элифас Леви
(Альфонс-Луи Констант)

НАУКА О ДУХАХ

Перевод с французского И. В. Харуна

Нижний Новгород

Издатель А. Г. Москвичев

2013

УДК 133.4

ББК 86.42

КТК 001

Л36

Éliphas Lévi

LA SCIENCE DES ESPRITS:

révélation du dogme secret des kabbalistes, esprit occulte des Évangiles,
appréciation des doctrines et des phénomènes spirites

PARIS

GERMER BAILLIÈRE, LIBRAIRE- ÉDITEUR

1865

Леви, Э.

Л36 Наука о духах / Э. Леви; пер. с фр. И. В. Харуна. - Н. Новгород: А. Москвичев. 2013. - 364 с.

ISBN 978-5-904844-14-1

Представляем вашему вниманию последнюю из работ, издававшихся Элифасом Леви прижизненно - «Наука о духах». Это впервые переведенный на русский язык труд, который поможет проникнуть в историю изучения духов. «Науку о духах» Элифас разделил на три части. В первой речь идет о «духах» евангельских легенд. Вторая часть посвящена духам как существам, т.е. демонам, душам усопшим и прочим. В третьей части Элифас переходит к рассмотрению спиритических феноменов, некромантии, начиная со случаев, описанных в Библии, и заканчивая современным спиритизмом. Книга будет полезна всем, интересующимся классическим оккультизмом, в особенности, сторонникам французской оккультной Школы.

ISBN 978-5-904844-14-1

© Москвичев А. Г.,
издание на русском языке,
оформление, 2013

© Харун И. В., перевод
на русский язык, 2013

Éliphas Lévi

LA SCIENCE DES ESPRITS:

révélation du dogme secret des kabbalistes, esprit occulte des Évangiles, appréciation des doctrines et des phénomènes spirites

PARIS

GERMER BAILLIÈRE, LIBRAIRE- ÉDITEUR

1865

Элифас Леви

НАУКА О ДУХАХ

(откровение секретного догмата каббалистов,

тайный дух Евангелий,

оценка спиритических учений и феноменов)

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Элифас Леви, он же Альфонс Луи Констант (1810–1875), знаковая личность в истории западного оккультизма, так называемый «реформатор» оккультизма во Франции. Во многом именно его работы в конце XIX века, а особенно в начале XX, пробуждали повышенный интерес к оккультизму в интеллектуальных кругах всей Европы. На долгое время Элифас стал одним из главных авторитетов в вопросах оккультизма. Особым авторитетом его книги пользовались у французских мартинистов, в частности, у Станисласа де Гуайты¹, Жерара Энкоса (более известного как Папиус). Основные книги Элифаса Леви переведены почти на все европейские языки и регулярно переиздаются.

Настоящая книга, «Наука о духах», – последняя из изданных прижизненно. И хотя Элифас Леви еще в течение 10 лет своей жизни постоянно писал, оставив после себя огромное количество материалов, при жизни так ничего больше и не публиковал, но распространял эти материалы только среди своих учеников.

Настоящую книгу Элифас Леви разделил на три части. В первой речь идет о «духах» Евангельских легенд. Проще говоря, о подлинном смысле историй о Христе, содержащихся в Евангелиях, как канонических, так и апокрифических. Здесь же он приводит иудейскую версию о том, кем был Христос.

¹ Автор книги «Ключ к Черной магии», №9999. Смотрите в нашем магазине magic-kniga.ru

Вторая часть посвящена духам как существам, т.е. демонам, душам усопшим и пр., согласно каббалистическим учениям, содержащимся в книгах: «Каббалистическая пневматология», «Книга о круговращении душ» и «Сефер ха-дерушим» из сборника «Разоблаченная каббала» (в 2-х томах на латыни, 1677 г. и 1684 г.), составленного бароном Кнорром фон Розенротом, причем Элифас Леви дает, как сам он пишет, – «не просто их краткое изложение, но в некотором роде квинтэссенцию». Итак, он начинает с изложения идеи «единства всех душ людей», утверждает, что души всех людей являются как бы клеточками единого живого существа – Адама, и тем самым жизнь каждой души непосредственно зависит от жизней других душ. Далее рассматривается смерть человека, отделение души от тела, а также неполное отделение, когда душа остается привязанной к труп, и так он объясняет случаи вампиризма. Далее Элифас Леви приводит свой перевод с еврейского фрагмента одного древнего гримуара (Ключика Соломона), в котором представлена иерархия добрых и злых духов. Здесь же он приводит и тридцать восемь каббалистических догматов, в том виде, в каком они изложены в другом сборнике каббалистов, изданном Писторием.

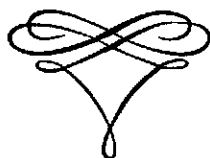
В третьей части Элифас Леви переходит к рассмотрению спиритических феноменов, некромантии, вызывания «духов мертвых», начиная со случаев, описанных в Библии, и заканчивая современным спиритизмом. Но здесь, как и в предыдущих своих книгах, он отстаивает и обосновывает свою точку зрения, согласно которой все эти феномены к реальным душам умерших не имеют никакого отношения; эти «духи», в лучшем случае, являются лишь отпечатками душ умерших, сохраняющихся в астральном свете, и они не обладают никаким самосознанием, иначе говоря, это память умерших людей; в худшем случае это «лярвы», астральные сущности, создаваемые экзальтированным воображением самих вызывающих, и

живущих за их счет, подпитывающиеся психической энергией людей, участвующих в спиритических сеансах.

Далее идет объемное Приложение, в которое Элифас Леви поместил свои очерки на самые разные темы. Завершает книгу Эпилог, составленный на манер Евангельских историй, в котором Элифас Леви попытался выразить свое видение второго пришествия Христа.

Книга будет полезна всем, серьезно интересующимся классическим оккультизмом, в особенности, сторонникам французской оккультной Школы.

Иван Харун

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕАЛЬНЫЕ ДУХИ

Введение

История Иисуса согласно талмудистам

Первая легенда: Как одна женщина плакала, что не может стать матерью, и как у нее родилась дочь, которая стала Богородицей.

Вторая легенда: Как Бог захотел, чтобы один старый плотник женился на девице царских кровей.

Третья легенда: Как дева стала матерью без греха, и о тревогах Иосифа.

Четвертая легенда: Почему смеялась и плакала Мария, возвращаясь в Вифлеем, и о двух ее повитухах – Зельме и Саломее.

Пятая легенда: Как дитя плотника укротило желчь змей.

Шестая легенда: О великом и чудесном стаде, которое собралось вокруг ребенка из яслей.

Седьмая легенда: Пальма в пустыне.

Восьмая легенда: Трое нищих.

Девятая легенда: Как по прибытии Спасителя в Египет пали золотые и серебряные идола, и о умерших развратниках.

Десятая легенда: Как, когда Иисус вернулся из Египта, пленники разбили свои цепи.

Одиннадцатая легенда: Апологии святого детства

Двенадцатая легенда: Смерть плотника Иосифа.

Тринадцатая легенда: Нагорная проповедь.

Четырнадцатая легенда: Некоторые слова Иисуса Христа, которых нет в канонических Евангелиях, и которые были нам переданы преданием первых веков.

Пятнадцатая легенда: Десница и шуица Иисуса, Фавор и пустыня, люди, организованные группами.

Шестнадцатая легенда: Что такое причастие.

Семнадцатая легенда: Суд над Иисусом.

Восемнадцатая легенда: Петр и Иоанн.

Девятнадцатая легенда: Видение Агасфера.

Двадцатая легенда: Царство Мессии.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ГИПОТЕТИЧНЫЕ ДУХИ, ИЛИ ТЕОРИИ КАББАЛИСТОВ ОБ АНГЕЛАХ, ДЕМОНАХ И ДУШАХ МЕРТВЫХ

Глава 1. Единство и сплоченность духов.

Глава 2. Переход духов, или тайна смерти.

- Глава 3. Об иерархии и классификации духов.
- Глава 4. Каббалистические догматы (извлеченные из сборника каббалистов Пистория).

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

ЛОЖНЫЕ ДУХИ, ИЛИ ПРИЗРАКИ

ВИДЕНИЯ, ВЫЗЫВАНИЯ, ФЕНОМЕНЫ НЕКРОМАНТИИ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

- Глава 1. Духи в Библии. Дух Елифаза и тень Самуила, вызванная волшебницей из Аэндора.
- Глава 2. (Продолжение предыдущей). Воскресшие мертвые. Сын сонамитянки. Могила Елисея.
- Глава 3. Духи в Евангелии. Демоны, одержимые и привидения.
- Глава 4. История святого Спиридона и его дочери Ирины.
- Глава 5. Тайны древних посвящений. Вызывания с помощью крови. Ритуалы теургии. Христианство – враг крови.
- Глава 6. Последние посвященные древнего мира: Аполлоний Тианский, Максим Эфесский и Юлиан. Язычники революции. Один иерофант Цереры в девятнадцатом веке.
- Глава 7. Духи средневековья. Дьявол всегда играет главную роль в комедии чудес. Архиепископ Удон из Магдебурга. Дьякон Раймонд. Вампиры. Дома с привидениями.

СОВРЕМЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Глава 1. Вертящиеся и говорящие столы.

Глава 2. Последнее слово о спиритизме.

ДИАЛОГ МЕЖДУ ЧИТАТЕЛЕМ И АВТОРОМ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сила католической идеи, соединенная с духом, а не с буквой святых книг, и как ее нужно противопоставлять грезам современных новаторов.

О католической истине: против скептиков, спиритов и современных еретиков

План и Материалы.

Некоторые мысли графа Де Местра.

Четыре характеристики Абсолюта применительно к религии: Истина, Реальность, Разум, Правда.

Чудеса.

Трудности догмата самого по себе.

Дух любви. План предполагаемого сочинения.

Жизнь святой Анны, матери святой Девы.

ЭПИЛОГ,
СОСТАВЛЕННЫЙ НА МАНЕР
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЛЕГЕНД, И РЕЗЮМИРУЮЩИЙ ДУХ
ЭТОГО ТРУДА

1. Живые и мертвые.
2. Поникший философ.
3. Умиравший поэт.
4. Новый Никодим.
5. Гробница святого Иоанна.
6. Прощанье с Голгофой.
7. Последнее видение.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы объявили о новых исследованиях по оккультной философии.

Первая серия этих исследований уже опубликована².

Под художественным и поэтическим видом апологии мы скрыли от невежд и показали просвещенным искателям самые великие тайны науки.

Сегодня мы приступаем ко второй серии, той, в которой пойдет речь о науке духов.

Это исследование разделено на три части.

В первой, под заглавием «Реальные духи», мы поведем речь о Боге и о человеке, соединившемся и идеализировавшемся в личности Иисуса Христа.

Во второй, под заглавием «Гипотетичные духи», мы поговорим об ангелах, демонах и душах усопших, опираясь на кабалистические и магические учения.

В третьей, посвященной ложным духам, или призракам, мы будем вести речь о вызываниях, и мы рассмотрим феномены и учения спиритов.

Наука необходимо предполагает: Бога; изучение духа человека в его самых высших устремлениях; исследование гипотез, относящихся к неизвестным духам; и отрицание призраков.

² Речь идет о книге «Сказки и символы с их объяснением, где раскрыты великие секреты управления универсальным магнетизмом и основополагающие начала великого дела», изданной в 1862. - Прим. перев.

Мы сказали о Боге в нашем «Догмате и ритуале высшей магии», что Бог для нас есть не что иное, как АЗОТ³ мудрецов.

Г-н де Мирвилль, который не понял этого слова, объяснил его совершенно естественно, совершив орфографическую ошибку, которую он приписал нам, и наивно себе представил, что мы поклоняемся газу азоту.

Слово АЗОТ⁴, употреблявшееся посвященным ученым Василием Валентином для обозначения мирового действующего начала, составлено из первой и последних букв алфавитов еврейского, греческого и латинского языков.⁴

Оно эквивалентно слову INRI⁵ масонов, и обозначает начало и конец, т.е. Абсолют в трех мирах.

Пад наукой – Бог, в каббалистической науке – Абсолют, в оккультной физике – Мировое действующее начало.

Итак, это имя выражает три вещи:

- 1) Божественную гипотезу,
- 2) Философский синтез,
- 3) Физический синтез.

То есть – веру, идею и силу.

Мы даем эти объяснения не для г-на де Мирвилля, который слишком наивный от своей доброй веры, и который

3 Слово азот, обозначающее соответствующий газ, на французском пишется с немой буквой «е» в конце (Azote), тогда как здесь речь и идет об алхимическом Азоте, который Элифас пишет, как Azoth, хотя произносятся слова одинаково. Чтобы сделать эту разницу на русском, будем добавлять «ь». – Прим. перев.

4 То есть AZΩT. Прим. перев.

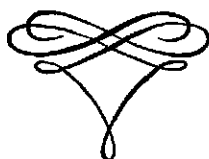
5 INRI – надпись на кресте Христа, обычно расшифровывающаяся, как Иисус Назарин Царь Иудейский. – Прим. перев.

слишком предвзятый, чтобы понять нас, и точно так же не на-
пасть снова.

Таковы, как мы это знаем, методы той школы, к которой
он принадлежит.

Мы даем это объяснение для тех из наших читателей, ко-
торые ищут лишь истины, и мы начинаем нашу книгу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ РЕАЛЬНЫЕ ДУХИ

ВВЕДЕНИЕ

– Бог, или творящий дух, которого наука вынуждена принять в качестве первопричины;

– Бог, который является необходимой гипотезой, на которой основываются все аксиомы;

– Человек, или сотворенный дух, чья видимая жизнь начинается и кончается, но чья мысль бессмертна;

– Посредник, или дух Христа, человека, осверхчеловеческого мышлю; Бога, очеловеченного трудом и страданиями, – таков тройной предмет науки о духах.

Человек, будучи не способен ничего понять выше себя, идеализируется, чтобы понять Бога. Христос через свои возвышенные мысли и свои восхитительные добродетели, реализовал этот идеал. Поэтому-то по Иисусу Христу нужно изучать Бога, и, так как посредник также является и прообразом, и моделью человечества, то в нем же нужно изучать и человека, рассматриваемого исключительно с точки зрения духа.

Наука о духах, таким образом, целиком сводится к науке об Иисусе Христе.

Ангелы и демоны являются существами чисто гипотетическими или сказочными; они находятся в поэзии и не могут принадлежать науке.

Так ограничимся же людьми, изучим Иисуса Христа и попытаемся найти Бога.

Чем меньше определяют Бога, тем больше вынуждены в Него верить. Отрицать неопределенного и неизвестного Бога, существующее и разумное Начало существования и разума, – это значит, безрассудно утверждать самое неясное и самое нелепое из всех отрицаний; так что Прудон, это воплощенное противоречие, мог ли он сказать с разумом, что атеизм есть отрицательным догматом, и он устанавливает самое смехотворное из всех верований – нерелигиозное верование.

Но определенный Бог по необходимости являлся бы предельным [конечным] Богом, и все так называемые религии, открытые материальным и частным образом, рассыпаются, как только их коснется разум; так что есть всего лишь одна религия, и Виктор Гюго хорошо сказал, когда выразился: «Я протестую во имя религии против всех религий».

Если бы Бог уполномочил лишь одного Моисея, то Он не позволил бы быть Иисусу. Если бы Он уполномочил лишь одного Иисуса, то Он не позволил бы быть Магомету. Здесь может быть лишь один божественный закон, но в этом низшем мире есть множество судей и большая толпа адвокатов, которые непрестанно пытаются построить, несмотря на ее постоянные крушения, Вавилонскую Башню из человеческих противоречий.

Паскаль, – этот религиозный атеист, этот суеверный скептик, который сомневался во всем перед лицом нестигаемой логики чисел, и который верил в бога янсенистов, основываясь на вере в один амулет, – так вот, этот Паскаль, вопреки себе, не будучи католиком, из-за того что он слишком хотел быть католиком, не побоялся сказать, что лишь одна Римская Церковь угрожает адом тем, кто не пристаёт к ее догматам,

так что всегда лучше в нее верить, как будто бесчеловечная угроза является разумным основанием, и как будто в вопросах веры страх должен привести к вере.

Создавать тьму, чтобы усилить страх, удваивать мрачность тайн, требовать слепого послушания, – вот черная магия религий; это секрет горделивого духовенства, которые желают священником заместить Бога, храмом – саму религию, а исполнением обязанностей – добродетели. Таково было преступление Магов, которые все погибли в неизбежной ответной реакции; таково было преступление еврейских священников, против которых выступил Иисус, и которые распяли Иисуса.

Неужто небо наложило на нас строгий закон, нарушение которого влечет к вечным мукам, не сделав при этом ясным и очевидным для всех объявление этого самого закона! Неужто истина, или, скорее, закрытая книга, которая его содержит, должна быть исключительным уделом нескольких безжалостных фанатиков, а почти все человечество должно быть брошено в пучину заблуждений и неизбежности бесконечного проклятья! Нет! Проклят лишь тот, кто в это верит. А Бог, которому таковой поклоняется, напоминает тех чудовищных идолов Мексики, губы которых непрестанно увлажняли окровавленными сердцами. Обособленная религия не есть религия католическая. «Католическая» означает вселенская.

Овладеть фатальными силами и управлять ими, сделав из них рычаг разума, – таков великий секрет магии. Воззвать к самым слепым и самым сильным страстям и загнать их в рабское послушание, – вот как создается всемогущество. Поэтому, ввергнуть ум под власть грез, возбудить до бесконечности алчность и страх обещаниями и угрозами, которые будут считать сверхъестественными, потому что они будут против естества, – это создать армию из огромного множества слабых

голов и трусливых сердец, которые станут отважными ради прибыли или из-за страха, и с этой армией отправиться на завоевание мира, – вот великая мечта священства и весь политический секрет понтификов черной магии. И наоборот, – просвещать невежество, раскрепощать волю, избавлять людей от страха и управлять ими любовью, сделать восприимчивыми ко всякой истине и правде, не требовать от веры ничего, кроме гипотез, необходимых разумом, и тем самым привести всех людей к единому, простому, утешающему и цивилизирующему догмату, – вот божественная реальность, вот что Евангелие дало миру.

Евангелие – это дух Иисуса, и этот дух – дух божественный. Вот наше четко сформулированное исповедание веры о божественности Иисуса Христа.

Мои слова суть дух и жизнь, – сказал этот великий открыватель, – плоть здесь не причем [Ин. 6:63].

Евангелие – это история его духа, а не хроники его плоти.

Человек по плоти, Бог по духу.

Он умер и воскрес.

Если будете жить моим духом, – сказал он своим апостолам, – то ваша плоть будет моей плотью и ваша кровь будет моей кровью, – и эти столь возвышенно духовные вещи, материализованные глупостью варварских теологов, дали нам кровавые просфоры и людоедское причастие.

Пришло время не смешивать больше духа с плотью. Наука о духах – это различение духов, и когда дух Иисуса Христа будет понят, то дух тот, которого Церковь называет, и которого она почитает под именами дух знания, дух разума, дух силы, дух начинания или совета, и, как следствие, дух свободы, ког-

да этот дух, – говорю я, – будет понят, то больше не потребуют предсказаний от сна, от каталепсии, от сомнамбулизма или от вертящихся столов. Наука духов имеет основанием познание духа Иисуса Христа, который есть самое возвышенное выражение разумных и любящих устремлений человечества.

Иисус, – человек света и блага, – заранее предчувствовался и приветствовался посвященными всех культов. Египет, под именем Гора, поклонялся ему еще спящему на лоне Изиды; Индия называла его Кришной и изображала его на грудях Деваки; друиды возвели статую деве, которая должна была его родить; Моисей и пророки предварили Евангельскую эпопею величественными дифирамбами; Магомет признал его и не возражал, кроме как против идолопоклонения его плоти. Так что человечество христианское от начала мира. Одетое в индийские, египетские, еврейские или турецкие наряды, человечество везде одно и то же, и догмат мировой. Так провозгласим же сегодня католичество мира и не будем отлучать даже тех, которые желают оградиться от других на том небе, на котором облака славы образуются из дыма костра, на котором под ними и ради них горит почти все человечество. Придет время, и оно близко, когда подобные идеи будут вызывать у всего мира такой ужас, что их больше не посмеют преподавать во всеуслышание, и что память об инквизиторах всех культов будет осуждена в свою очередь и навсегда.

Одна из великих пирамид Египта была наполовину сокрыта под горами песка. Орды кочевников пустыни из века в век нагромождали на ней уродливые и нечестивые строения, дабы ее больше не было видно. Пришел великий князь, он захотел расчистить это место, чтобы построить там храм; он выкопал груды мусора, он взобрался на них, он уничтожил их, и великая пирамида предстала во всем своем величии.

Это – притча.

Война, которую философия ведет против Церкви не уничтожит ее, но освободит; ибо Церковь – это общество людей, которые одушевлены духом Иисуса Христа. По мере того как религиозные суеверия, или скорее иррелигиозные, спадают, поднимается Евангелие, оно неизменно, оно вечно, оно нерушимо, квадратное в основании и простое, как пирамиды. В силе всегда есть логика; силы без разума были бы силами без радиуса действия и, как следствие, без результата. Если же Евангелие является силой, значит в нем есть логика.

Логика, или разум, логос высшей силы – это Бог. Этот разум, эта мировая логика просвещает все разумные души; она светит во мраке сомнения; она пронзает, она проникает, она разрывает тьму невежества, и тьма не может ее объять, схватить, охватить, заточить. Этот разум говорит устами мудрецов, он весь оказался в одном человеке, который был поэтому назван логосом, ставшим плотью, или великим воплощенным разумом.

Чудеса этого человека были чудесами света, т.е. сознания и разума. Он дал людям понять, что истинная религия – это человеколюбие [филантропия]. Это слово новое во французском, но оно встречается буквально на греческом в Евангелии от Иоанна.⁶ Он дал им увидеть, что Бога нужно искать ни в таком-то городе, ни на такой-то горе, ни в храме, но в духе и в истине. Его учение было просто, как жизнь. Любить Бога, т.е. дух и истину, более чего бы то ни было, и ближнего, как самого себя, – вот, – сказал он, – весь закон.

Вот как он открывал глаза слепым, заставлял слушать глухих, а хромых ходить прямо. Чудеса, которые он творил в умах людей, пересказывались в той аллегоричной форме, такой любимой на Востоке. Его слово стало хлебом, который умножал-

⁶ В Евангелии от Иоанна слово *φιλανθρωπία* не встречается, но встречается в Деяниях апостолов (Деян. 28:2) и в послании Павла к Титу (Тит. 3:4). – Прим. перев.

ся, его душевная сила – ногой, идущей по волнам, рукой, укрощающей бури. Легенды умножались со все возрастающим восхищением его учеников. Это были волшебные сказки, наподобие сказок из «Тысяча и одна ночь», но для варварских веков, которые мы считаем пройденными, но которые еще не закончились, было в порядке вещей принять эти прелестные выдумки за материальные и грубые реалии, и обсуждать материнскую девственность Марии анатомически, вложить в руки Иисуса невидимую и чудесную пекарню по умножению хлебов в пустыни, и видеть, как струится самая настоящая кровь, кровь людоедская и возмутительная, на белых и чистых просфорах, которые протестуют против крови, и которые навсегда провозгласили завершение жертвоприношений.

Евангелие принадлежит науке не иначе, как памятник веры, а не как исторический документ. Это символ великих чаяний человечества. Это идеальная легенда о совершенном человеке. Эту легенду Индия уже создала в общих чертах, когда рассказывала о чудесном воплощении Вишну в личности Кришны. Кришна также сын девы. Целомудренная Деваки, кормящая грудью своего божественного сына, находится в индийском Пантеоне и напоминает образ Марии. Возле колыбели Кришны находится символическая фигура осла; его мать увозит его, чтобы спасти его от завистливого царя, который хочет его смерти. Если бы Веды не были древнее Евангелия, можно было бы подумать, что все это скопировано с нашего Нового Завета. Означает ли это, что все это мелочно и не содержит ничего божественного? Мы думаем, что нужно прийти к диаметрально противоположному заключению.

Дух Евангелия вечен, и его выражение есть выражение чаяний человечества, древних как мир. Идея воплощения, т.е. проявления Бога в человеке, находится во всех догматах древних святилищ; книга тайн Сифра Дзениута, которая содержит самые высокие доктрины иудаизма о Боге, представляет нам

божество, выходящим из человечества, как свет, а человечество, спускающимся из божественности, как тень, так что Бог творит человека, а человек в свою очередь призван реализовать и как бы сотворить идею Бога.

То, что Евангелие является символической книгой, того апостолы от нас и не скрывают. Христос есть основание, – говорит святой Пётр, – и на основании этом одни строят из камня, другие из дерева, иные из соломы. Придет огонь испытания, и все, что не окажется твердым, сгорит [1 Кор. 3:11-13]. Так вот можно объяснить тот выбор, который позже был сделан в пользу канонических книг, и то окончательное отвержение апокрифических Евангелий.

Святой Иоанн, со своей стороны, говорит нам: «Многое и другое сделали. сказал Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» [Ин. 21:25]. Итак, поле истории ограничено, но поле аллегории безмерно, и если бы святой Иоанн не хотел этими словами указать на истинную протяженность Евангелий, то он сказал нелепость.

Но когда апостолы умолкли, заговорила очевидность. Как, например, можно доказать разумным людям, что дьявол, т.е. вымышленный персонаж, изображающий зло, никогда материально и в действительности не переносил Иисуса на такую высокую башню, с которой можно было увидеть все царства земные? [Мф. 4:8] Евангелие полно подобных историй, составленных в еврейском духе, которые всегда окутывали свои секретные учения загадками и образами; в духе самого Иисуса, который, по словам Евангелистов, почти никогда не говорил без притчи. Талмуд весь целиком составлен этим методом, и Маймонид говорил, что самые очевидные нелепости этой книги открывают секреты самой возвышенной мудрости. «Заметим лишь, – говорит аббат Кьярини, в своей Теории

иудаизма,⁷ – что для изучения Талмуда помимо всего прочего крайне необходимо охватить взглядом религиозные древности всех восточных народов, дабы не списывать на счет одного иудаизма, как это обычно делают, тот аллегорический стиль и ту неумеренную любовь к священным сказкам, которые являются общими для всех толкователей восточных религий.»

Не означает ли это, что под всеми этими аллегориями реальная личность Христа исчезает и уничтожается? Нужно ли думать, вместе с Дюпюи и Вольнеем, что человеческое и личное существование Иисуса настолько же сомнительно, как и существование Осириса, настолько же сказочно, как и существование индийского Кришны? Как можно осмелиться утверждать это, видя, что Иисус Христос до сих пор живет в своих делах, до сих пор присутствует в своем духе, который уже изменил и определенно преобразил все лицо земли? Можно сомневаться в существовании Гомера, но какого Гомера? – Разве что того, о ком говорят комментаторы, но разве нет Илиады и Одиссеи? Разве эти божественные поэмы сочинились сами собой? А насколько далеки эти удивительные книги от живой поэмы христианства, от этой Илиады мучеников, где бросается вызов богам, и они побеждаются женщинами и детьми? От этой Одиссеи Церкви, которая после стольких гонений и бурь прибыла величественной нищенкой на порог дворца цезарей, и метнула победоносной рукой стрелы, которые пронзили сердца ее врагов, и воссела на престоле мира.

Дух Иисуса существует куда более определенно и куда более очевидно, чем гений Гомера. Но этот дух есть дух самоотречения и самопожертвования, и поэтому-то он божественен. Чем меньше человек ищет себя, тем больше находит себя. Чем больше он самоотрекается, тем больше заслуживает усыновления небом. Чем больше забывает о себе, тем боль-

7 Luigi Aloisi Chiarini. Théorie du judaïsme: applique à la réforme des Israélites de tous les pays de l'Europe, 1830. – Прим. перев.

ше вспоминает о себе. – Вот, в нескольких словах, великие секреты всемогущества христианства. Иисус, который дал эти заповеди, также дал и пример. Он самоуничтожился перед лицом своего дела. Человек перешел в символ, и именно так он сделался Богом. Евангелие говорит нам, что он привел своих учеников на одну гору, и что он преобразился в их присутствии. Его лицо стало солнцем и его одежды стали белы, как снег, т.е. человек исчез в свете нового откровения. А позже предание, довершая эту легенду, сказало, что Иисус, вознесшись на небо, ничего не оставил от себя на земле, кроме своего духа, разлитого по всей Церкви, и неизгладимого отпечатка от своих ног на вершине той горы.

Зачем же теперь искать в Назарете ли, в Вифлееме ли, колыбель ребенка, который был Иисусом Христом, в надежде отыскать по каким-то обрывкам его пеленок следы его чисто человеческой жизни? Мастерская Иосифа давным-давно разрушилась, а пеленки Спасителя, отстиранные Девой, пошли на перевязку ран человечества. Иисус воскрес. Его здесь больше нет, что вы ищите живого между мертвыми? [Лк. 24:5]

Евангелие – это преображенный Иисус; это эпопея его восхитительного духа, это чудеса его нравственности, изображенные самыми трогательными образами. Не нужно стирать ни одного слова из этой книги; не нужно добавлять к ней ни одной буквы. Ибо это божественный завет человека, который самоуничтожился ради нас. Так будем же искать там светильники для веры, а не сведения для истории утешительных верований, и не научные вероятности. Когда древние ваятели Востока изображали богов, они придавали им уродливые и чудовищные формы, дабы дать всем понять, что боги не являются людьми. Поэтому-то Евангелисты, разбавляя свои рассказы физически невозможными или явно противоречащими фактами, хотели дать нам понять, что они пишут не простую историю, но глубокий символ, и что здесь, как и во всех свя-

щенных книгах, буква, которая убивает, служит покровом духу, который один только животворит! [2 Кор. 3:6].

Итак, богохульно, поистине святотатственно искать помимо отпечатка, который он оставил на горе при своем вознесении на небо, чисто человеческие и материальные следы этого человека, который через самые совершенные жертвы дематериализовался, смешавшись неким образом с Богом. Но если все-таки этого желают, если враждебные критики христианства желают исторических документов об этом человеке, то не нужно извращать Евангелие, и обвинять его в переменчивой фантазии; не нужно на основании его чудес, понятых буквально, давать смешные объяснения. Иисус был иудеем; он жил и умер среди иудеев.

Именно иудеи его знали, его отвергли, его обвинили и осудили, и если девятнадцать веков спустя после его прославления хотят пересмотреть его житие, то нужно послушать иудеев. Итак, иудеи, несмотря на смешные утверждения Дюкюи и Вольнея, свидетельствуют о реальном существовании Иисуса, и еще обвиняют его в многочисленных преступлениях; их воспоминания записаны в Талмуде, – этом огромном справочнике, наполненном их преданиями. Жития Иисуса, отредактированные талмудистами и снабженные ненавистными комментариями, были записаны каббалистами и раввинами. Мы знаем их два: Сефер Толедот Йешу⁸ и Маасэ Талуй⁹, или история о повешенном. Мы искали и нашли эти книги, беспристрастный анализ которых мы и даем, отбрасывая лишь бредни и нападки. Читая эти книги, можно понять, почему величественная и древняя мудрость Израиля отторгла и пренебрегла нашими тайнами. Какое прискорбное непонимание отделяет отцов от детей. Как если бы мы говорили, что

8 תולדות ישו - «родословие Иисуса», имя Йешу является сокращенным вариантом Йешуа, т.е. Иисус. – Прим. перев.

9 Или га-Маасэ бе'Талуй – «История о повешенном», есть на русском языке под заглавием «История о повешенном, или История Йешу из Нацрата». – Прим. перев.

есть иной бог, кроме Бога! Как если бы Давид богохульствовал, когда сказал учителям земли: Вы – боги, но вы умрете как человеки [Пс. 81:6-7]; как если бы сам Иисус не сказал: Я возвращаюсь к Отцу моему и Отцу вашему, к Богу моему и Богу вашему! [Ин. 20:17], но зачем защищать дело в суде, где нет судий? Я вижу здесь лишь заинтересованные стороны. Я вижу блестящего г-на Ренана¹⁰, я вижу г-на Вейо¹¹, – этого печально известного ультрамонтаниста, – а за этими двумя скомпрометированными адвокатами находится плебей, больше ревностный, чем остроумный. Так за кого я пишу? Моя книга будет не понята моим веком, если я не потопчусь по одной из борозд, пропаханных этими тружениками необъятных земель; но что мне до этого? Я посвятил свою жизнь истине, и я это говорю для тех, кто хочет и может это понять; и если это произойдет не за день, то оно произойдет за год, а если не за год, то за век, но я спокоен, ибо я знаю, что это время настанет. Я не буду ни воодушевлен, ни обескуражен. Я не ищу новообращенных, и я не боюсь противников, я не стремлюсь ни к Фавору, ни к позорному столбу, но я смиряюсь как перед одним, так и перед другим. Истина не приходит от нас и не принадлежит нам. Безумен тот, кто ее прячет, как и тот, кто ее открывает и ею прославляется. Я видел людей, которые ее продавали, как продали Спасителя; но те, кто думали ее купить, были болванами и глупцами. Истина – не проститутка, она не продается, она отдается тем, кто ее любят, и кто ее ищут с глубокой искренностью.

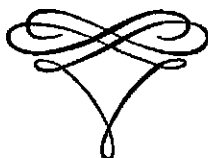
Невежество, в котором пребывает большинство христиан, относительно богословия иудеев, их толкований, их Талмуда, их Каббалы, – вот что мешает им хорошо понять гения Евангелий, рожденного в Иудее. Все иудейские богословы соглашались, признавая аллегорию в преданиях, которые из-

10 Речь, очевидно, идет о Жозефе Эрнесте Ренане (1823–1892), написавшем знаменитую «Историю происхождения христианства». – Прим. перев.

11 Очевидно, Луи Вейо (1813–1883) – журналист и писатель, ярый католик, защитник идей ультрамонтанства. – Прим. перев.

бранный народ хотел утаить от сознания невежд. Маймонид, – как мы уже говорили, – находит тем больше смысла и глубины в талмудических байках, чем более они кажутся лишними здравого смысла, ибо сама чрезмерность нелепостей является предохранителем против слепой веры, которая принимает все буквально, иерархическим предохранителем, если можно так сказать, ибо он просвещает лишь мудрецов, и все больше и больше ослепляет безумцев. Для мудрецов мы и пишем. Мы дадим сперва краткую талмудическую справку об Иисусе, затем быстро проанализируем канонические и освященные Евангелия, чтобы вывести из них гения; мы поищем в апокрифических Евангелиях эксцентричных проявлений этого мирового гения. Мы изучим самые древние гипотезы самых великих мудрецов мира. Затем мы приступим к вопросу о духах и чудесах, мы найдем их начало, мы исследуем, чтобы лучше объяснить древние, и те, которые происходят в наши дни. Мы скажем наше последнее слово о спиритизме, и вся наша книга будет не чем иным, как данью уважения истинному христианству и вечному разуму.

ИСТОРИЯ ИИСУСА ОТ ТАЛМУДИСТОВ

В год шестьсот семьдесят седьмой четвертого тысячелетия от сотворения мира¹², во дни царя Яннай, иначе называемого Александром¹³, пришла великая беда на помощь врагам Израиля.

Тогда появился один негодяй, человек без стыда и совести, вышедший из отсеченной ветви колена Иудина, которого звали Иосиф Пандера.

Этот человек был высокого роста, незаурядной силы и удивительной красоты; он провел лучшую часть своей жизни в разврате, грабежах и разбое, и проживал в Вифлееме, иудейском городе. Его соседкой была одна вдова, чью дочь звали Мария, и это та самая Мария, парикмахерша, которая многократно упоминается в Талмуде. Эта девушка, войдя в возраст отроковицы, была обручена с одним молодым человеком, по имени Йоханан, который был наделен великой скромностью, небывалой кротостью и истинным страхом Божиим.¹⁴

Итак, к несчастью случилось так, что Иосиф, проходя мимо дверей Марии, взглянул на нее и почувствовал, как в нем загорелась к ней нечистая страсть; так что он непрестанно хаживал мимо нее, но она даже не замечала его.

12 В «Истории о повешенном» написано 3760 год. – Прим. перев.

13 Александр Яннай (125 -76 гг. до н.э.) – иудейский царь, взошел на престол в 103 г. до н.э. Если эта дата верна, то вполне возможно, что история талмудистов относится не к Иисусу из Евангелий, а к «Учителю Праведности» из кумранских рукописей, реальному человеку, жившему примерно за 100 лет до Евангельского Христа, называвшему себя сыном Божиим и казненным. См. Гантлевский И.Р. История и идеология Кумранской общины. – Прим. перев.

14 В «Истории о повешенном» Иосифу и Йоханану отводятся противоположные роли. – Прим. перев.

Его охватила тоска, и его мать, видя, как он чахнет, спросила его: Почему я вижу тебя худым и бледным? И он ответил: Потому что я умираю от любви к Марии, которая обручена с другим. Его мать сказала ему: Не нужно из-за этого мучить себя и отчаиваться, сделай то, что я тебе скажу, и ты сможешь приблизиться к ней и поступить с ней по своему желанию. Иосиф Пандера выслушал свою мать, и он стал непрестанно ошиваться перед дверями дома Марии, выжидая случая, который все не представлялся. Наконец, одним субботним вечером, одевшись как Йоханан и закутав свою голову в свой плащ, он нашел Марию на ее пороге, он взял ее за руку и, ничего не говоря, провел ее в дом. Так что она думала, что это Йоханан, ее жених, и она сказала ему: Не касайся меня, час, когда я должна стать твоей, еще не пришел, и в это самое время я защищена от тебя обыкновенными недомоганиями моего пола [т.е. менструацией]; но он, не слушая ее, совершил над ней свой злой замысел и возвратился в свой дом; затем, ближе к полуночи, так как страсть снова его мучила, он встал, возвратился в дом Марии, которая начала плакать и сказала ему со страхом: Зачем пришел ты обесчестить меня во второй раз, ты, кого я считала не способным осквернить нашу помолвку, и как ты мог усугубить это преступление, ведь я тебе сказала, что состояние, в котором я нахожусь в этот момент, должно сделать меня священной перед тобой? Но он не внял ее словам. Ничего не говоря, он удовлетворил свое желание, затем он удалился и пошел своей дорогой. Итак, спустя три месяца, Йоханану сказали, что его невеста беременна, и Йоханан, в страхе, пошел к своему наставнику Симеону, сыну Шетаха, и, изложив ему суть дела, спросил, что ему делать. Его учитель ответил ему: Подозреваешь ли ты кого? Йоханан ответил: Я не подозреваю никого, кроме Иосифа Пандеры, великого распутника, который проживает по соседству. Его учитель ответил ему: Сын мой, послушай моего совета. Если этот человек один раз насладился твоей невестой, то он не сможет, чтобы не увидеть ее снова. Постарайся застигнуть его врасплох, при-

зови свидетелей и предай его суду великого Синедриона. Это сильно опечалило молодого человека, и, не желая своей невесте зла и позора, который мог бы на нее пасть, он покинул Иудею и отправился в Вавилон, где он и проживал.

Далее, Мари стала матерью одного сына, которого она назвала Йегошуа, по имени своего дяди по материнской линии, а ребенок, когда подрос, был отдан своей матерью учителю Эльханану, и он добился больших успехов, так как имел подходящий ум для обучения.

Это извлечено и дословно переведено из «Сефер Толедот Йешу».

Первые юношеские годы Иисуса рассказываются так, как они представлены талмудистскими авторами «Соты» и «Сангедрина» [части Талмуда], которые мы находим на стр. 19 книги Полемики Ехиеля.

Рабби Йегошуа, сын Перахия [Йегошуа бен-Перахия], который продолжил, после Эльханана, образование молодого Иисуса, посвятил его в секретные знания, но Яннай решил убить всех посвященных, и Йегошуа, чтобы избежать этой участи, бежал в Александрию, что в Египте.

Это убийство посвященных, замещающее убийство младенцев, кажется нам крайне замечательным, в особенности, если мы вспомним, что в 1-ой книге Царств сказано, что Саул, недавно посвященный в круг пророков, был годовалым ребенком, когда взшел на трон¹⁵. Но в действительности Саулу было более двадцати лет. Дело в том, что у посвященных пророков в Иудее, как и в современном Франк-масонстве, был обычай обозначать ступень посвящения символическим

¹⁵ В синодальном русском переводе библии это место искажено, написано так: Год был по воцарении Саула [1 Цар. 13:1], тогда как на славянском написано: Сын единого лета Саул, когда начал царствовать. – Прим. перев.

возрастом, и Евангелие, говоря об убиении детей двух лет и меньше, не противоречит утверждению Талмуда, который, в свою очередь, делает Евангельский рассказ исторически более приемлемым. Можно найти следы объявления вне закона каббалистов, всегда гонимых и изобличаемых официальной синагогой, но нигде не найти упоминаний о зверской бойне младенцев, которая вызвала бы негодование, и которая навсегда заклеила бы царство Ирода, если это Ироду, как говорит Евангелие, а не Яннаю, как предполагают талмудисты, нужно приписать тот запрет, о котором идет речь.

Здесь талмудисты начинают закутывать свои мысли в аллегории, и вот что они нам рассказывают. Итак, Иисус и его учитель бен-Перахия перебрались жить в Александрию, в дом одной богатой и ученой дамы, которая приняла их с честью и предложила им все свои сокровища. Эта дама, нужно понимать, – это персонифицированный Египет. Молодой Иисус, взглянув на нее, сказал: Эта женщина красива, но у нее один изъян в глазах, который мешает правильности ее взглядов. Эта земля красива, но это великолепное изгнание. Тогда его учитель вознегодовал на него за то, что он нашел красоту в египтянке и за то, что он восхитился землей рабства. Иисус ему ответил: Нет рабства для детей Бога, и земля, которая их носит есть всегда земля Израиля. Тогда Бен-Перахия проклял своего ученика и прогнал его со своих глаз долой. Иисус смиренно подчинился, и, часто являясь к дверям учителя, он просил его принять, но рабби оставался непреклонен. Но однажды Иисус явился, когда он читал заповеди Бога, который заповедовал любить ближнего, и учитель, тронутый сожалением, подал ему знак подойти, имея намерение его принять; но Иисус, думая, что он его снова отвергает, ушел и больше не возвращался. Наши отцы поступили дурно, – говорят на этот счет богословы Талмуда, – что оттолкнули Иисуса, не выслушав, а наипаче, что прокляли его двумя руками. Никогда не будем ударять двумя руками того, кого хотим наказать, оставим

одну, чтобы поднять его, утешить его и исцелить его! Слово, которое содержит все будущее, слово, которое должно однажды привести к примирению детей и отцов; ибо и мы прокляли иудеев, оттолкнув их двумя руками; поэтому-то теперь также нужно простить и благословить двумя руками, с одной и с другой стороны, чтобы искупить эту взаимную ошибку! Но вернемся к истории Иисуса от авторов Талмуда.

Мы увидели, что молодой посвященный был в восхищении от науки Египта и был отвергнут своим учителем за то, что возмечтал о примирении между философией изгнания и религией родины. Гонение против каббалистов утихло, и Иисус вернулся в Иудею со своим учителем, или, по крайней мере, в одно и то же с ним время. Как жил он в Египте? Конечно же, работая по своей профессии – плотником. Когда он вернулся в свой родной город, который, согласно талмудистам, был не Назаретом, но Вифлеемом, он прошел перед старцами, которые, по обычаю, собирались у ворот города, и не поприветствовал их; но когда проходил его учитель Иегошуа бен-Перахия, то Иисус поприветствовал его, чем вызвал ропот старцев. В действительности молодой человек пренебрег ими, потому что они не были посвященными в истинную науку, и считал высшим себя только того, кто открыл ему дверь к посвящению. Старцы вознегодовали и назвали его сыном нечистой женщины. Это потрясло Иисуса, ибо он всегда считал свою мать образцом чистоты. Он расспросил одного из своих дядь, того, имя которого носил, и тот ему открыл несчастье Марии и тайну его рождения. Иисус удалился с сокрушенным сердцем и не возвратился к своей матери, но начал проповедовать новую науку, науку примирения народов и мировую религию, о которой он мечтал в Египте. Тогда-то наши авторы прибыли на свадьбу в Кану, в Галилее, где Иисус встретился со своей матерью и жестко ответил ей, когда она захотела с ним поговорить: Женщина, что общего между вами и мной?¹⁶ За-

16 В Евангелии сказано так: что Мне и Тебе, Жёно? [Ин. 2:4]. Данная идиома встре-

тем, видя, что бедная женщина безропотно смирилась, у него защемило сердце, и, собрав своих учеников, он рассказал им о преступлении Пандеры и спросил их: Как вы думаете, могу ли я почитать этого человека своим отцом? – Нет! – ответили они все в один голос. – Как вы думаете, нечиста ли моя мать? – Нет, – снова ответили они. – Ну что ж, – сказал Иисус, – тогда у меня нет отца на земле, но мой отец – Бог, который на Небе, а что до моей матери, то ее девство не могло быть нарушено преступлением, на которое она не согласилась. Я буду считать ее приснодевой. Думаете ли вы, как и я? – Да, – ответили ученики. Поэтому-то, – добавляют иудейские авторы, – Иисус говорил всем тем, кто верили в него, что он сын Бога и девы. Этой апокрифической истории, целиком оскорбительной для христианских читателей, хватает определенного величия, и в ней можно заметить, что самые великие враги христианства невольно отдали дань уважения чистоте Марии и возвышенности характера Иисуса.

Здесь начинается рассказ о чудесах, и талмудисты, отнюдь не собираясь их отрицать, кажется, взялись их преувеличивать. Следовательно, воспоминания о них еще были достаточно живы среди иудеев. Но вот как они объясняют эти чудеса.

Существует, – говорят они, – в святилище живого Бога один кубический [краеугольный] камень, на котором высечены священные буквы, сочетания которых объясняют силы неизреченного имени. Это объяснение является секретным ключом ко всем наукам и ко всем скрытым силам природы. Это-то и называют Шем гамефораш.¹⁷ Этот камень охраняют два зо-

чается несколько раз в Ветхом и Новом Заветах, и из контекста явствует, что означает она не что общего между нами, а какое нам дело до этого, ведь в данном случае мать Иисуса говорит, что «вина нет у них» [Ин. 2:3], и он естественно отвечает, что нам до этого нет дела. – Прим. перев.

17 שם המפורש – иногда на русский передают словом Шемхамфораш или Шем ха-Мефораш, – «семидесяти-двукратное имя Бога», составленное из трех стихов Исхода, а именно – Исх. 14:19-21, из которого определенными сочетаниями букв получают 72 имени Бога. – Прим. перев.

лотых льва, которые рычат, как только к нему приближаются. Читатели наших трудов знают, что такое Шем гамефоран, и узнают в этих двух львах исполинских херувимов святилища, чьи чудовищные и символические фигуры способны напугать и оттолкнуть невежд. Так что, – добавляют раввины, – врата храма хорошо охранялись, а дверь в святилище открывалась лишь раз в году, и только первосвященником; но Иисус изучил в Египте великие тайны посвящения, и он изготовил невидимые ключи, с помощью которых смог проникнуть, не будучи замеченным. Он скопировал секреты этого кубического камня, спрятав их в своих чреслах¹⁸, как в греческой мифологии мы видим Зевса, прячущего Диониса; затем он вышел и начал удивлять мир. По его голосу вставали мертвые и исцелялись прокаженные; он заставил подняться из глубин моря камни, которые были там погребены века, и эти камни образовали гору на водах, и с вершины этой горы Иисус наставлял народ. Здесь мы встречаем, со всей гениальностью восточного символизма, тайный мотив ненависти священников к Иисусу. Он открыл народу истину, которую они хотели закопать лишь для себя, он разгадал тайную теологию Израиля, он сравнил ее с мудростью Египта и нашел возможным мировой религиозный синтез. Поэтому, они пытались его погубить, и послали к нему одного лживого брата, по имени Иуда Искариот, чтобы заставить его совершить некоторые ошибки и предать его врагам его. Этот-то Иуда и сподвиг Иисуса, именно в то время, когда вожди религии были более всего настроены против него, торжественно войти в Иерусалим, сопровождаемый смятением в храме. В то же время они пустили слух, что Иисус заклинает деревья и поражает их бесплодием, что он богохульничает на закон Моисея, и сам хочет, чтобы ему поклонялись, как Богу. Но хотя Иисус и ходил каждый день в храм, но, так как иудеи молятся с покрытыми головами, то он терялся в этой толпе, покрытой белыми талесами [головными накидка-

18 В «Истории о повешенном» написано так: разорвал кожу на бедре, положил пергамент под кожу и спил ее. – Прим. перев.

ми]. Иуда пообещал священникам выдать его им и учинить в то же время большой скандал, который сможет скомпрометировать его в глазах всего народа. Он пришел с толпой людей, преданных фарисеям, и, пав ниц перед Иисусом, поклонился ему. Сообщники Иуды закричали о святотатстве и хотели наброситься на Иисуса. Ученики же Иисуса попытались защитить его. Иисусу удалось убежать и скрыться в Гефсиманском Саду, где его и схватили стражники храма. Затем его посадили в тюрьму, где его охраняли сорок дней, во время которых огласили ему свое обвинение и спрашивали, не желает ли кто-либо встать в его защиту, но никто не вызвался. Итак, Иисуса подвергли бичеванию, как бунтаря, затем побили камнями, как богохульника, в месте, под названием Луд, или Лидда; затем его оставили подыхать на кресте, сделанном в виде вилки. Некоторые из его учеников, которые были богаты, выкупили его тело и сделали вид, что явно положили его в гробницу; но они унесли его тайно и закопали его на дне ручья, повернув при этом его воды, чтобы вырыть ему могилу; затем они вернули воды на место. Это объясняет, почему тело не было найдено, когда ученики заявили, что их учитель воскрес.

На этот основной рассказ авторы Сефер Толедот Йешу наложили самые смешные байки, очевидно взятые из христианских легенд, только измененных или извращенных. Поэтому-то мы находим там историю о вознесении Симона Мага, перенесенную на самого Иисуса Христа, с явным намерением смешать Мессию христиан со знаменитым шарлатаном. Поэтому также Симон-Петр Кифа смешивается там с Симеоном Столпником, – очевидное доказательство малой исторической ценности этой Сефер [Книги], которая явно составлялась на протяжении многих веков после начала христианской эры. Талмудические документы очень серьезны, ибо Талмуд является сборником всех иудейских преданий, и исключительно в нем, вне христианских памятников, нужно искать воспоминания об этом столь важном для истории персонаже,

по этого-то и не знают, или этим пренебрегают, все невежественные писатели.

Эти предания, отпечатки, каковыми они и должны быть, помимо презрения и ненависти к тому мудрецу, которого расценивали иудеи, содержат ценные признания в пользу христианских верований.

Действительно, из рассказов Талмуда следует, что согласно иудейским преданиям:

- 1) Иисус действительно существовал;
- 2) Что он родился в Вифлееме;
- 3) Что его мать, безупречных нравов, была лишь невестой одного праведного и богобоязненного человека, а поэтому и неспособного злоупотребить своей невестой;

Что необычное рождение Иисуса объясняется лишь чудом или преступлением, которое иудеи были вынуждены предположить, ведь они признавали высокую нравственность молодой девы, но не допускали чуда;

Что Иисус подвергался гонениям Синагогой из-за тайны его рождения, и еще более – из-за превосходства его учения;

Что это учение предполагало посвящение в секреты самого высшего богословия евреев, по большинству положений согласного с трансцендентальной философией египетских посвященных;

- 4) Что он совершал удивительные вещи, исцеляя больных, воскрешая мертвых и угадывая сокровища;

- 5) Что его не смогли осудить и умертвить иначе, как через предательство;
- 6) Что его тело не смогли найти, когда его ученики объявили, что он воскрес.

Большого мы и не можем требовать от еврейских богословов, противников Иисуса Христа.

Утверждения Талмуда и Сефер Толедот Йешу повторяются в Нецахон Яшан¹⁹, или в древней книге Победы, в Полемике раввина Иехиэля²⁰ и в других раввинских компиляциях. Сефер Толедот, которой иудеи приписывают большую древность, и которую они скрывали от христиан с такими большими мерами предосторожности, что эта книга долгое время была ненаходима, впервые была упомянута Раймондом Мартином из ордена Братьев Проповедников [они же доминиканцы] в конце 13-го века. Спустя немного времени Порхе Сальвати [Porchetus Salvaticus] опубликовал несколько фрагментов из этой книги, которыми пользовался Лютер, и которые находятся в трудах этого реформатора в 8-ом томе его сочинений, изданных в Йене; но еврейским текстом еще не располагали. Этот текст, найденный, наконец, Мюнстером [Munster] и Бюксторфом [Buxtorf], был издан в 1681 году Христофором Вагензейлем в Нюрнберге и во Франкфурте в сборнике, озаглавленном «Tela ignea Satanae», т.е. огненные стрелы Сатаны.

Эта книга явно была написана каким-то раввином, посвященным в тайны Каббалы, она написана внутрь и отвне [Откр. 5:1], если воспользоваться выражением святого Иоанна, этого великого христианского посвященного, т.е. она содержит и скрытый смысл, и явный. Нелепые рассказы, которыми она

19 Nizzachon Vetus, или Сефер ницахон йашан, или Книга старых побед, написана в Германии в конце 13-го века. – Прим. перев.

20 Ашер бен Иехиэль (1250-1327) – духовный лидер евреев в Германии, автор комментариев к Талмуду.

наполнена, являются притчами, которые автор хочет противопоставить Евангельским. Здесь Иисуса Христа упрекают в двух вещах: 1) в том, что выкрал или разгадал великие тайны храма; и 2) в том, что осквернил их, рассказав их простым людям, которые их исказили и плохо поняли.

Не сумев сдвинуть кубический [краеугольный] камень храма, он, – согласно автору Сефер Толедот, – изготовил глиняный камень, который предъявил народам, как истинный кубический камень Израиля. Сопоставим с этим признание, которое вырвалось у святого Павла в одном из его посланий: И одна природа может открыть Бога людям, и им непростительно не понять его. Но так как, в действительности, они не приходят к Богу мудростью, то пришлось их спасать безумием, и требовать от веры того, чего не получили от науки. *Quoniam non cognovissent per sapientiam Deum, placuit per stultitiam praedicationis salvos facere credentes.*²¹ Это-то безумие веры и не захотели понять иудеи, и называли ее глиняным камнем, как если бы вера, которая есть доверие любви, не была бы такой же прочной, а часто и более непобедимой, чем разум; как если бы любовь, которая есть смысл [разум] веры, не была бы также смыслом существования людей, занятых поисками знания. Любовь находит то, что ищет разум, она видит то, что ускользает от исследований науки. Когда же она не знает, она начинает верить, и когда утомленный разум останавливается и падает на пороге бесконечности, тогда вера распрямляет свои крылья, взмывает ввысь, рассекает облака, заставляет спуститься до самой земли сияющую лестницу Иакова, и кротко улыбается, протягивая руку своему брату [т.е. разуму].

Быть может, христианам и нужно было сперва прославить веру таким образом, чтобы заставить поверить, что они отрицают разум; поэтому-то иудеи и остались возле нас, как

21 Ибо когда не познали мудростью Бога, то благоудно было Богу юродством проповеди спасти верующих (1 Кор. 1:21). – Прим. перев.

строгие блюстители древних преданий и вечные противники всякого идолопоклонства. Это противники, которые за нами присматривают, которые нас предупреждают, и которых мы приведем однажды к себе, доказав, что раскол, который их отделил от нас, зиждется на непонимании.

В книгах, приписываемых Гермесу, можно найти следующий странный плач мудрого Трисмегиста: Увы, сын мой, наступит день, когда священные иероглифы станут идолами; знаки науки примут за богов, и Древний Египет обвинят в поклонении чудовищам. Но те, кто так будут клеветать на нас, сами будут поклоняться смерти вместо жизни, безумию вместо мудрости; они проклянут любовь и плодородие, они заполнят свои храмы костями, они расточат юность в одиночестве и слезах. Девы станут преждевременными вдовами, и будут увядать в горе, ибо мужчины забудут и осквернят священные тайны Изиды.²²

В том, что этот египетский пророк объявил заранее, иудеи обвиняют нас, что мы совершили. Мы не узнали истинного Бога, – говорят они, – и мы поклоняемся плоти повешенного. Мы сделали культ из тех мощей смерти, которые Моисей провозгласил нечистыми. Мы обрекли наших священников и наших монахов на безбрачие, которое отвергает природа, и которое осудил тот, кто сказал людям: Плодитесь и размножайтесь.

Что до морали наших Евангелий, то они признают ее чистой, они ни в чем не упрекают наших апостолов, и автор Сефер Толедот Йешу говорит, что святой Петр был рабом истинного Бога, и жил в строгости и покаянии, сочиняя гимны и живя в

²² Мне не удалось найти эту или хотя бы похожую фразу в книгах, приписываемых Гермесу, но она повторяется в книге Блаватской и других, где приводится ссылка на Шампольона; в других источниках схожая фраза приписывается египетскому жрецу из Саиса, обращавшемуся к греческому мудрецу Солону, о котором упоминает, в частности, Платон в «Тимее». – Прим. перев.

башне; что он проповедовал милосердие и кротость, советуя христианам не относится плохо к иудеям. Но, – добавляет этот же автор, – после смерти Кифы [т.е. Петра] в Риме появился другой богослов, который заявлял, что святой Петр искажил учение Учителя. Он привнес в христианские практики ложный иудаизм, угрожал тем, кто не послушается его, гееной огненной и бурлящей; в подтверждение своего учения он обещал толпам народа чудо; но так как он горделиво вознес свою голову против неба, то с неба упал камень и размоzzжил ее ему. Так гибнут все твои враги, Господи, – добавляет, заканчивая, автор этой Сефер, – а все, кто тебя любят, будут как Солнце, светящее во всю свою силу.

Так что, согласно иудеям, которые признают Сефер Толедот Йешу, их отталкивает от себя не христианство, а антихристианство.

Итак, антихристианство действительно появилось в Церкви с первых веков, и даже со времен самих апостолов. Антихрист, – говорил святой Иоанн, – это тот, кто разделяет Иисуса Христа, и он уже в мире [1 Ин. 4:3].²³

В другом месте этот апостол написал, что он не может посетить своих верующих, потому что некий возгордившийся пресвитер, по имени Диотреф, мешает им его принять [3 Ин. 1:9].

Знайτε, – говорит святой Павел, – что тайна беззакония уже совершается, доколе тот, кто теперь сдерживает, будет сдерживать до своей смерти, затем явится сын беззакония, который превознесется выше всего, называемого Богом, так что и в храме Божьем сядет, выдавая себя за Бога, пока Господь не уничтожит его духом своего слова и сверкающим светом своего второго пришествия [2 Сол. 2:3-8].

²³ В большинстве современных версий этого Послания сказано: «кто не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти», но в Вульгате и у некоторых древних святых отцов сказано так, как здесь приводит Элифас Леви. – Прим. перев.

Иисус был истинным пророком и истинным мудрецом, – говорят мусульмане, – но его ученики обезумели и стали поклоняться ему, как Богу.

Однако, и иудеи и мусульмане ошибаются, мы не поклоняемся Иисусу, как Богу, отличному от единого Бога. Мы говорим с Михаилом евреев: *Quis ut Deus?*²⁴ Мы говорим с верующими ислама: Нет бога, кроме Бога; но этому единственному, невыразимому, всеобщему Богу, мы поклоняемся ему, явившему совершенство человека в Иисусе Христе. Мы верим в сокровенное соединение божественной природы с человеческой, откуда происходит, говоря языком теологов, не смешение, но общение свойств²⁵, что принял Бог, чтобы исцелить немощи человеческой природы и облачить эту природу, которую он поднимает до себя в своей силе и своей славе. Всякая душа, наделенная внутренним чувством поклонения, всякое сердце, нуждающееся любить до бесконечности, почувствует, что в этой возвышенной идее, и только в ней, определяется и совершается религиозный идеал, что все догматические и символические мечты не могут быть чем иным, кроме как поиском и порождением этого синтеза в одночасье божественного и человеческого, что Бог в нас и мы в Боге с Иисусом Христом и через Иисуса Христа – это мир, это вера, это надежда, это любовь на земле, это вечность жизни и блаженства в небе. Вот почему ни одна религия никогда не заменит христианства в мире. Разве можно что прибавить к бесконечности? Разве есть одновременно и более величественная, и более утешительная идея, чем идея Богочеловека, устанавливающая своим примером великий закон самоотречения, который реализует пожертвование, и тем самым навсегда освящает союз, и как бы отождествление Бога с человеческой природой?

24 Кто как Бог (лат.) – буквальный перевод еврейского слова מִיכָאֵל (Михаил), – Прим. перев.

25 *Communication des idioms* или, на латыни, *communicatio idiomatum*. В православном богословии используют термин «ипостасное соединение». – Прим. перев.

Древние верили, что не всякую истину полезно рассказывать всем, по крайней мере, одним и тем же способом, и они прятали знание под покровы аллегорий. – Вот как возникли мифы. Те, кто устали от мифологических символов, должны были отвергнуть знание старого мира, все памятники которого были в той или иной мере мифологическими.

Наш век, который, вопреки всякой логике, в принципе не признает неравенство умов, гнушается мифологией. Теперь ищут исторических и материальных фактов даже в теогониях Санхуниатона и Гесиода. То, чего не понимают, то считают нелепостями и глупостями, и поэтому-то г-н Ренан, калечащий и извращающий тексты Евангельской легенды, выдумал свою так называемую «Жизнь Иисуса».²⁶

Иисус г-на Ренана типичный пастух с энтузиазмом, погруженный, не знаю в какой, умственный онанизм; наполовину безумец и наполовину плут, готовый всем пожертвовать, лишь бы ему поклонялись, оказывается, несмотря на всю кроткую поэзию, которой его окружают действительно христианские воспоминания автора, смешным и мерзким человеком. Совсем не так обстоит дело с истинным Иисусом из Евангельской легенды.

Как так случилось, что г-н Ренан, – который, как говорят, является выдающимся гебраистом, – не знал или пренебрег Сефер Толедот Йешу, талмудическими сказаниями и апокрифическими Евангелиями?

Да потому, то наш гений боялся своего холодного и материалистического воображения. Потому, что он хотел понравиться невеждам, умственная леность которых отвергает все, что требует труда для своего понимания. Потому, что ему ну-

26 «Жизнь Иисуса» – книга Эрнеста Ренана, вышедшая в 1863 году. – Прим. перев.

жен был успех, рассчитанный на моду, и пужно признать, что он добился полного успеха.

Но, понравиться – не означает хорошо сделать. Так сделайте тогда, чтобы опровергнуть г-на Ренана, нечто, что будет читаться, как его книга, – сказал нам один великий художник, который, в этом случае, быть может, не был великим критиком. Мы не можем, во имя науки, принять это определение. Сказав истину, нельзя заставить себя читать ни так же массово, ни так же жадно в один момент, – такого будут читать читатели избранные и дольше.

Евангелие – символическая книга, но это не доказывает, что Иисуса не существовало. Руссо сказал, что выдумавший подобную историю был бы более удивительным, чем герой. Мы полностью разделяем эти слова. Иисус, достаточно великий умом и сердцем, чтобы создать эту восхитительную легенду, выше того, которому глупо поклоняются, или которого еще глупее отрицают невежды; он поистине вечно живое воплощение Слова истины, и мы величаем его Сыном Бога во всем блеске и всей силе этого слова.

Вплоть до настоящего времени на Евангелие смотрели лишь как на букву, которая убивает, и как на зачерствленную корку; мы собираемся раскрыть его дух и жизнь. Мои слова, – сказал Иисус, – суть дух и жизнь, и в деле их понимания материя и плоть не причем [Ин. 6:63].

Но кто будут авторитетами в деле объяснения этого священного текста?

Знание и разум.

– Но вера их объяснила иначе.

– Слепая вера – да; просвещенная вера – нет.

– Но лишь Бог может просветить веру.

– Да, через разум и знание, которые также являются сына-ми Божьими.

Сказав это, приступим к нашему исследованию.

Слово «Христос» означает «помазанный» или «священ-ный», т.е. священник и царь.

Христианство – это иерархическая религия душ и монар-хия самого совершенного самоотречения.

Древнее христианство апостолов Иисуса было тайным учением, имеющим свои знаки, свои символы и свои различ-ные степени посвящения.

Для святых или избранных христианский догмат был высшей и глубочайшей мудростью; для простых оглашенных это было чудесное и непонятное откровение. Мы знаем, что Учитель никогда не изъяснялся, кроме как притчами, и прятал истину под прозрачным покровом образов, дабы защитить новое знание от кощунства невежд и осквернения злых. «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, – говорил он своим ученикам, – чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» [Мф. 7:6]. Также Иисус ни-чего не писал и оставил своим апостолам лишь устное преда-ние и свой метод обучения.

Итак, вот что было в основе христианского догмата:

Ум вечен; он расширяется, поскольку он живой. Жизнь ума, его расширение, – это слово, Глагол; Глагол, таким обра-зом, вечен, как и ум, а что вечно, то – Бог.

Слово [глагол] проявляется через творческое действие, которое создает форму, оно облачается в человеческую форму, и плоть, ставшая облачением Слова, стала самым Словом, когда она стала его точным выражением, поэтому Слово стало плотью [Ин. 1:14].

Совершенное Слово – это божественное единство, выраженное в жизни человека. Истинный человек – это наш Господь, глава, все верующие которого являются его членами. Человечество, расположенное на иерархической и развивающейся лестнице, имеет главой того, кто есть Бог, потому что он в то же время является лучшим из людей, тем, кто умер за других, дабы ожить во всех. Таким образом, мы все есть не что иное, как одно тело, душа которого должна быть душой Иисуса Христа, нашим прообразом и нашей моделью, Словом, ставшим плотью, Богочеловеком.

Таким образом, все у нас должно быть в принципе общими, как у членов одного тела; но в действительности каждый член должен довольствоваться тем положением, которое занимает, и иерархический порядок священен, как и воля Бога.

Христос, раскрыв закон единства, который есть законом любви, вооружил дух силой, чтобы победить эгоизм плоти, который есть разделение и смерть, и он установил один символ, именуемый Причастием, чтобы противодействовать эгоизму, который является духом разделения.

Итак, причастие не что иное есть, как любовь, изображенная общим столом, и когда Христу предстояло отдать свою плоть на страдание и смерть, то, дабы передать своим верующим хлеб братания, с которым он связывал в будущем свою постоянную мысль и свою новую жизнь, он им сказал: Ешьте его все, это плоть моя! Как сказал и о вине братания: Пейте его

все, это кровь моя, ибо я всю ее проливаю, дабы навсегда убедить вас в реальности этого символа.

Итак, причастие есть божественное и человеческое братание, и, как следствие, также и свобода; ибо разве может быть угнетение среди братьев, отцом которых является сам Бог?

Таким образом, христианство стало самым коренным изменением, и оно пришло перевернуть старый мир. Это достаточно объясняет необходимость тайн, ибо мир за прошедшие восемнадцать веков, должен стать уже менее предрасположенным, чем сегодня, к самоуничтожению, – он слишком долго жил.

Однако, Христос не желал совершать революции, кроме как духовной силой, хорошо зная, что только она не может быть слепой; он посадил зерно горчичное, и он сказал своим ученикам ждать, пока вырастет дерево; он спрятал закваску в тесте, и он захотел, чтобы ее оставили там бродить.

Вся жизнь Христа – в его учении, а все его существование (в особенности для его учеников) – в духовности. То, что он говорил, то он и делал в области духа; вот почему Евангельские книги содержат догмат и нравоучение в притчах, да и сам Учитель часто выступает действующим лицом аллегорических рассказов своих апостолов.

Будем искать доказательства этого лишь в апокрифических Евангелиях, так как приличие мешает нам взяться за освященные Евангелия. Однако, мы ни одобряем, ни поносим работы доктора Штрауса, не будучи судьями во Израиле.

Начнем с пересказа некоторых легенд, взятых из этих древних книг, так мало изученных в наши дни.

ПЕРВАЯ ЛЕГЕНДА

КАК ОДНА ЖЕНЩИНА ПЛАКАЛА, ЧТО НЕ МОЖЕТ СТАТЬ МАТЕРЬЮ, И КАК У НЕЕ РОДИЛАСЬ ДОЧЬ, КОТОРАЯ СТАЛА БОГОМАТЕРЬЮ.

Была одна женщина, по имени Анна, которая была бесплодной, потому что ее супруг удалялся от нее.

Эта женщина была грустной и опечаленной, как Синагога в ожидании Мессии.

Пришло время новой Пасхи, и она не осмеливалась облачиться в свои праздничные одежды, потому что она не была матерью, и даже ее служанки упрекали ее в бесплодии.

Итак, она пошла и упала под лавром.

Это было время, когда Рим как раз подчинил мир.

И на ветвях этого лавра она увидела воробьиное гнездо, и она горько заплакала, повторяя:

Я не мать.

Тогда дух Господень обратился к ней, сказав: Я тронут твоей скорбью, и я приведу к тебе твоего супруга;

Ибо мои унии всегда склоняются к устам плачущих.

Ты сказала: Я не дала человека миру, я же обещаю тебе нечто более радостное: ибо ты родишь женщину без греха;

Ту, которой я скажу устами человека: Вы мать моя!

Синагога породила Церковь, из которой вышел принцип католического союза; рабство породило свободу; женщина-рабыня дала мира чистую и свободную женщину.

От этих слов ум Анны прекратились слезы; она встала и побежала, ибо она предчувствовала, что ее супруг не далеко.

Она встретила его гонящим свое стадо и возвращающимся с поля, и сказавшим: Я усну этой ночью в доме своем.

И она его обняла, затем сказала ему: Завтра я перестану быть бесплодной.

И было ей по вере ее, и спустя положенный срок, она стала матерью.

Но ее ближние, которые поздравляли ее, говорили ей, как бы умеряя ее радость: Да ведь это всего лишь дочь.

– Назовем ее Мария, – ответила Анна, – и пусть мир надеется, ибо у моей дочери будет сын:

Мария будет матерью Бога.

Ее ближние не поняли, что она хотела им сказать, но она завернула дитя в белые пелены и положила ее в ею новую колыбельку, восхищаясь, насколько она красива.

Когда маленькой дочери, Марии, исполнилось три года, ее родители отдали ее в храм, и, когда они поставили ее на землю, она сама поднялась по ступеням алтаря.

Итак, в таком младенческом возрасте ее религия уже была свободна, и ее верования на нее не накладывались.

Она оставалась в храме вплоть до четырнадцатилетнего возраста и прониклась любовью к вечной красоте. Поэтому она сказала: Я буду слугой Господа.

Поэтому она никогда не была слугой человека.

Тогда дух любви еще не снизошел на землю, и рождение считалось загрязнением. Человек был дитем плоти, а христианство еще не было дитем Бога.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА

КАК БОГ ЗАХОТЕЛ, ЧТОБЫ СТАРЫЙ ПЛОТНИК ЖЕНИЛСЯ НА ДЕВЕ ЦАРСКИХ КРОВЕЙ

В то время в роду Иудином был один добрый старик, по имени Иосиф, плотник по профессии, вдовец и отец большого числа детей, хороший работник, более среднего искусен, простой в своих мыслях, но верный в своих суждениях, за что он получил прозвище Праведный, настоящий образец человека и народа, тип настоящего труженика.

Именно ему была вверена Дева, потому что бедный народ знает, чего стоит семья, и понимает лучше, чем кто бы то ни было, святость очага, чистоту девушки и достоинство матери.

Итак, Иосиф, услышав, как заиграли трубы Храма, которые объявили четырнадцатый год от рождения Марии, бросил свой топор и пошел в Иерусалим.

Там были молодцы со всех родов, желавшие получить красоту Марии; каждый тешился мыслью, что он будет ею обладать; Иосиф же думал о счастье быть ее другом и работать, чтобы кормить ее, позволяя ей самой быть своей хозяйкой.

Первосвященник сказал молодым: Возьмите в руки палки, и тот, чья палка зацветет, и кому на голову сядет голубь, тот будет супругом Марии.

Но, когда Мария посмотрела, то не нашла цветов ни на чьей палке из этих претендентов, которые хотели стать ее хозяевами, и голубь не находил, где сесть.

Тогда ради смеха позвали старого Иосифа, который держался вдали, и у него-то и расцвела палка.

Тогда сел голубь, и Мария взяла его за руку.

Иосиф сказал ей:

– Как так Господь избрал меня быть вашим супругом? Ведь я стар, и у меня большие дети.

Мария ответила ему:

– Вы праведный и вы не будете притеснять деву, которую Бог вам вверяет. Я обещала Богу, что я не буду слугой ни одному человеку, будь мне отцом.

Ибо все эти молодые, которые здесь, желали меня без любви ко мне, а я никогда не соглашусь на оскорбление от их желаний.

Иосиф сказал ей:

– Да будет так, и он отвел ее в свой дом в Назарете, где он ее оставил и вернулся работать в Капернаум.

Итак, Мария была царского и священнического рода, и она принесла рабочему Иосифу в качестве приданного наследство царства и священства.

Итак, чтобы понять достоинство Девы и стать ее защитником, простой рабочий стал священником и царем, и мир сменил учителей.

Ведь Мария не избрала своим блюстителем ни священника, ни царя, но бедного старого плотника по имени Иосиф, и сделала это потому, что он был праведен.

И таковым было начало того царства правды, которое, вопреки всем усилиям злых, в конце концов установится на земле.

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА

КАК ДЕВА СТАЛА МАТЕРЬЮ БЕЗ ГРЕХА; ТРЕВОГИ ИОСИФА

В то время Мария выходила набрать воды, и один очень красивый молодец подошел к ней у источника и говорит: Радуйся, благодатная.

Мария смутилась и поспешно вернулась к себе, но и там она нашла это же молодца, который еще раз поприветствовала ее, сказав: Ничего не бойся, я ангел Господень, и это Бог послал меня к тебе.

То, что он ей сказал еще находится в Евангелиях, где видно, что этот молодец был ангелом Гавриилом.

Но иудеи, в своей злобе, говорят, что это был солдат по имени Пандера, и что в течение многих дней он приходил к Марии.

Шесть месяцев спустя Иосиф вернулся в Назарет и был потрясен, увидев, что Дева была беременной.

Он спросил ее, как это могло с ней случиться, и она ответила со слезами: Я не нарушила своих обещаний, и я не неверна ни перед Богом, ни перед тобой.

Иосиф хорошо знал, что он не посягал на ее право, потому что она выбрала его лишь как своего друга и стража.

Однако, его сердце опечалилось, и он больше не расспрашивал ее, но думал отпустить ее.

Одной ночью, когда он заснул с этой мыслью, к нему прикоснулась какая-то рука и голос заговорил с ним.

Открыв глаза, он увидел перед собой того же ангела, который был явился Марии.

Отче, Иосиф, – сказал он ему, – ты обещал защищать Марию, почему же ты хочешь бросить ее тогда, когда она больше всего нуждается в заботе отца и друга?

Не она твоя, а ты ее; почему же ты хочешь бросить ее?

Ты обещал уважать тайны ее целомудрия; ты оставил ее девой, и ты ее нашел готовой стать матерью. Всегда почитай ее, как деву, и защищай ее, как мать.

Почему же ты объявляешь незаконным ребенка, отца которого ты не знаешь?

Разве не знаешь, что отцом ребенка всегда является Бог?

Так люби же его ради Марии, которая доверилась тебе, и храни его ради Бога, его отца. Так вы все избежите злобы людей, и твой дом будет благословен.

Иосиф обдумывал эти слова в течение остатка ночи, и как настало утро, он нашел Марию и сказал ей:

Прости мне, ибо я заставил вас краснеть, я, ваш отец; я ваш друг, и я вас заставил плакать.

Я думал отпустить вас, когда вы собираетесь стать матерью, и кто же принял бы вас, если ваш старый Иосиф бросил бы вас?

Храните ваш секрет, который есть секрет Бога; я же буду охранять вашего ребенка, который также и ребенок Бога, и возможность заботиться о котором, как о своем, будет мне честью.

Мария ответила ему: Будь благословен, потому что вечная истина заговорила в вашем сердце.

Вы можете обесчестить меня, и вы не делаете этого.

Поэтому ваше имя будет почитаемо.

И когда грядущие поколения будут называть меня Марией блаженной, вас будут называть Иосифом праведным.

И Сын Бога будет называть вас своим отцом, потому что вы подобны Богу, который праведен и благ, и он будет помогать вам до вашего последнего дня, потому что вы будете верным хранителем его рождения.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕГЕНДА

ПОЧЕМУ СМЕЯЛАСЬ И ПЛАКАЛА МАРИЯ, ВОЗВРАЩАЯСЬ В ВИФЛЕЕМ, И О ДВУХ ЕЕ ПОВИТУХАХ – ЗЕЛОМЕ И САЛОМЕЕ.

После этого Иосиф был вынужден вернуться в Вифлеем с Марией, чтобы исполнить указ Цезаря Августа.

И пока они были в дороге, Иосиф, взглянув на Марию, которая сидела на своем осле, увидел, что она плачет, и говорит ей: Почему плачете?

Мария ему ответила: Я вижу плачущим великий народ, и мое дитя мучается в лоне моем.

Ибо вот они, лежат на голой земле, как худые и наголо обстриженные овцы, и вместо пастуха у них мясники.

Иосиф осмотрелся и ничего не увидел. Тогда он подумал, что Мария страдает от своего состояния беременности.

Мгновенье спустя он еще раз взглянул на нее и видит, что она смеется, хотя ее глаза были еще влажными от слез.

Теперь вы смеетесь? – сказал он ей.

– Да, – ответила Мария, – ибо я вижу множество народа в радости, потому что мое дитя пришло разбить их цени.

– Будь покойна, – сказал Иосиф благожелательно, – надеюсь, мы вскоре прибудем, и вы сможете отдохнуть; не утомляйте себя грезами и бесполезными словами.

Тогда явился ангел и сказал Иосифу: Почему называешь ты бесполезными слова, которых ты не понимаешь?

Сними Марию, ибо время подгоняет; здесь она должна родить; и он указал ему пальцем вход в пещеру.

Итак, Мария вошла в эту пещеру, которая вся наполнилась светом, когда она сама и без боли дала своего ребенка миру.

Однако, Иосиф вышел, чтобы найти помощь, и он привел двух повитух, первую звали Зелома [в русской традиции – Гелома], а вторую – Саломея, и говорит им: Дева родила и осталась девой.

Зелома увидела небесный свет и поверила словам Иосифа, потому что она поняла, что он сказал в Духе Господнем.

Но Саломея не поверила, и так как она захотела дотронуться до Марии, то ее рука и ее сердце засохли.

Тогда Мария сжалилась над ней и говорит: Любопытство иссушает тех, кто хотят судить о вещах духовных по свидетельству чувства.

Зелома – образ веры, ты же – образ разума; она знает, потому что верит, ты же не знаешь, потому что сомневаешься; она святая и подвижная, ты же вот больная и парализованная; но если ты обнимешь моего ребенка, ты исцелишься, ибо ты станешь тогда простой, как и она, если ты согласишься любить его.

Саломея поверила слову матери; она пала ниц перед маленьким ребенком, взяла в свои руки и нежно улюлюкала, благоговейно обнимая его.

Тогда она исцелилась, и она присоединилась к Зеломе в служение Марии и Иисусу.

Затем Иисус был отнесен в хлев и уложен в ясли [кормушку для скота], как читаем в книге Евангелий, и бедные пастухи из окрестных деревень пришли поприветствовать этого ребенка нового народа, от рождения которого уже содрогнулись цари древнего мира.

ПЯТАЯ ЛЕГЕНДА

КАК ДИТЯ ПЛОТНИКА УКРОТИЛО ЖЕЛЧЬ ЗМЕЙ

А тем временем царь Ирод, испугавшись ребенка бедного ремесленника, приказал убить всех детей из Вифлеема.

Ибо узурпаторский эгоизм земли не хочет, чтобы имелось место для всего мира, и он поставил смерть караулить у дверей жизни.

Тогда Иосиф был вынужден бежать с Марией и своим сыном.

Итак, когда они были на границе Иудеи, они уселись в тени около одной пещеры, возле которой также играло несколько детей.

Вдруг, шипя, выползли из пещеры две огромные змеи, и дети бросились бежать, издавая громкие крики.

Но маленький ребенок Иисус сделал знак и змеи остановились перед ним, как бы поклоняясь, и медленно отползли как бы сонные и положили свои головы у ног его матери.

Тогда Иосиф захотел ударить их своим посохом.

Но Мария помешала этому, сказав ему: Пусть живут, ибо их яд превратился в сладость, и как только они перестали приносить вред, у вас больше нет права убивать их.

Обо мне написано, что женщине раздавит голову змея; но если змей может перестать быть злым и отравлять своими укусами, то почему бы мне не сжалиться над ним, как и над другими живыми тварями?

Бог ничего не сотворил бесполезного, и когда все твари придут в порядок, который им был предназначен, они прекратят вредить друг другу.

Разве не написано, что даже драконы и змеи земли должны хвалить Бога? Не истребляй, но научай и наставляй живых тварей.

Дети, которые сперва убежали, видя, что змеи не причинили зла Иисусу и Марии, шаг за шагом вернулись и, наконец, осмелели, чтобы играть с этими рептилиями, и змеи играли с ними, не кусая их и не раздражаясь, ибо одним взглядом своих кротких глаз и одним жестом своей нежной руки Иисус обезоружил их от их яда и их гнева.

ШЕСТАЯ ЛЕГЕНДА

О ВЕЛИКОМ И ЧУДЕСНОМ СТАДЕ, КОТОРОЕ СОБРАЛОСЬ ВОКРУГ РЕБЕНКА ИЗ ЯСЛЕЙ

Когда Иисус на руках своей матери переходил пустыню, чтобы добраться до Египта, тигры и львы выходили из своих

пещер и следовали за ним; пантеры ложились у ног Марии, чтобы служить ей подушками, когда она отдыхала; единороги разрывали землю, чтобы вскрыть источники воды; левиафаны предлагали свою тень; олени и газели без страха находились среди львов и тигров, ибо Иисус пришел принести мир в мир и распространить свою кротость на всю природу.

Это бесчисленное стадо из всех животных земли, символов всех человеческих страстей, ходило вокруг богородицы, и маленький ребенок их вел.

СЕДЬМАЯ ЛЕГЕНДА

ПАЛЬМА В ПУСТЫНЕ

Они пришли в одно безлюдное место, где не было ни животных, ни источников, ни колодцев, и когда они искали тени, то нашли лишь одну пальму.

Мария слезла со своего осла и пошла сесть в тень этой пальмы, и, увидев, что на ней полно плодов, она сказала Иосифу:

– Мне хочется вкушать этих плодов, ибо слишком жарко.

Иосиф ответил ей:

– Дерево слишком высокое, а я уже не молод.

Тогда Иисус сказал пальме: Наклонись и дай своих плодов моей матери.

Тогда пальма наклонилась и подставила свои плоды под руки Марии, которая собрала их и поднесла их Иисусу и Иосифу.

Затем, пока она оставалась в таком согнутом состоянии, Иисус сказал ей: Выпрямься! И пальма выпрямилась.

Иисус сказал ей:

– Дай нам воды из скрытого источника, который питает твои корни. И тотчас же из-под корней пальмы заструился источник.

И Иисус еще сказал пальме:

– Ты не умрешь, а будешь вновь приносить плоды в саду моего отца.

Ибо все творения были отданы людям для их пользы, и они должны подчинить всю природу через труд; тогда они скажут горам: Сравняйтесь, и горы сравняются; и деревьям: подайте плоды, и деревья наклонятся; и источникам: поднимитесь и струитесь из земли, и источники поднимутся и заструятся; и сыны женщины утешат своих матерей и скажут им: Приляг и отдохни, ибо природа повинуется нам, чтобы служить тебе.

Тогда на верхушке пальмы явился ангел; он сорвал с нее одну ветвь и взмыл в небо, чтобы пересадить пальму из пустыни в странах будущего, которые будут царством Бога.

Эта земля, где гений братства совершит чудеса труда, где мать не будет больше служанкой своим детям, где праведники не будут больше в изгнании, где у истины будет отечество;

Эта земля тогда не будет больше мачехой, потому что она будет свободной, и нечестивый антагонизм больше не будет делать ее бесплодной.

Тогда человек будет обладать всемогуществом Бога, и он скажет природе, и природа подчиниться.

Вот что хотел сказать Иаков Алфеев, апостол святого Евангелия, этой легендой о пальме.

ВОСЬМАЯ ЛЕГЕНДА

ТРИ ЗЛОДЕЯ

Мы подробно описали эту легенду; вот она во всей своей простоте, такова, какой мы ее находим в Евангелиях детства.

Святая семья Спасителя, объявленная Иродом вне закона, встретила в пустыне двух разбойников. Этих разбойников звали Тит и Думах (согласно одним) или Дисмас и Гестас (согласно другим [в Евангелии от Никодима]), мы же следуем еврейскому обычаю, называя их в нашей легенде Йохананом и Оребом, т.е. Милосердным и Кровожадным.

Один, Ореб, хотел убить святую семью.

Но Йоханан помешал этому, и, послужив сам проводником трем нашим путникам, приютил их в своей пещере.

Итак, Бог вспомнил милость и гостеприимство этого разбойника; Иисус на кресте простил ему все грехи и пообещал приютить его на небе в тот же день.

Итак, фарисеи должны были однажды распять трех злодеев, и среди этих троих должен был оказаться абсолютный праведник и кающийся грешник.

Дабы знали, что правосудие людей является лишь бичом, который наказывает, а не исцеляет, так что каждый грешник,

который участвует в исполнении смертного приговора, может стать ответственным за богоубийство.

Итак, все вы, лишенные греха, раз уж вы осмелились бросить первым камень в виновного, вспомните трех злодеев, и берегитесь попасть в середину или вправо, когда захотите бросить влево!

ДЕВЯТАЯ ЛЕГЕНДА

КАК ПО ПРИВЫТИЮ СПАСИТЕЛЯ В ЕГИПЕТ ПАЛИ ЗОЛОТЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ ИДОЛЫ, И О УМЕРШИХ РАЗВРАТНИКАХ

В Евангелиях детства и в древних летописях написано, что по рождении Спасителя свершилось множество чудес.

Итак, во-первых, смолкли оракулы в Дельфах и по всей земле, — что означает, что время древних религий прошло, и что божественное Слово, проникнув в человечество и воплотившись в Иисусе, привело к тому, что древним оракулам не осталось чего сказать, разве что, кроме того, чтобы засвидетельствовать о нем, как он прибыл в Египет.

Вторым символическим чудом пришествия Спасителя была смерть всех развратников, которые оскорбляли природу своими извращенными желаниями; это нужно понимать лишь в отношении морали, ибо чистота и целомудрие пришли явить себя миру и восстановить человеческий род.

Также прибавляют, что все горькие воды стали мягкими и питьевыми, давая тем самым понять, что доктрина о братстве должна умягчить все мысли и послужить как бы освежением душам, уставшим от ненависти и гнева.

Древние Евангелисты говорят еще, что Иисус, когда его родители расположились под чудесной пальмой из предыдущей легенды, сократил остаток пути, и что они оказались у врат в Мемфис; и тогда все идола Египта упали ниц, и статуя Изиды, уронив из своих рук Гора, сошла со своего пьедестала. Все эти поэтические образы легко понять. Учение Христа сокращает для человечества изгнание, все культы прекращаются, как только они замещены культом более совершенным, и спутанные образы уступают место образам более точным, как и эти последние в конце концов уступят место реальности.

ДЕСЯТАЯ ЛЕГЕНДА

КАК, КОГДА ИИСУС ВЕРНУЛСЯ ИЗ ЕГИПТА, ПЛЕННИКИ РАЗБИЛИ СВОИ ЦЕПИ

Зарождающиеся истины нигде не находят надежного убежища.

Иисус был вынужден покинуть Иудею, чтобы избежать смертоносных замыслов Ирода, и вот злопамятство священников захотело преследовать его в Египте.

Итак, Иосиф узнал, что Ирод умер, и он собрался вместе с Марией и своим ребенком вернуться в Назарет.

В тринадцатой главе Евангелия детства, этого одного из самых древних среди апокрифических Евангелий, читаем, что святое семейство по своем возвращении из Египта проходило мимо одной пещеры, где разбойники удерживали своих пленников.

С приближением святого ребенка разбойники слышали шум как бы от большой армии и звуки труб глашатаях, ко-

торые объявляли о приближении великого царя; тогда они в страхе разбежались.

Пленники, оставшись одни, разбили друг другу оковы и забрали все, что у них было украдено; затем они вышли, чтобы встретить великого царя и его армию, но увидели лишь ребенка, молодую женщину и старика, и они спросили их: А где же великий царь, который напугал наших врагов, и мы смогли разбить наши цепи?

– Он идет за нами, – ответил Иосиф.

И действительно, христианская идея напугала разбойников старого мира.

Их не прогоняют, они убегают сами перед светом идущего христианства, и бедные пленники разбивают друг другу свои оковы.

Великий царь и великая армия, которую слышали разбойники, – это праведный народ, царство которого должно прийти после царства символического христианства, и поэтому Иосиф и сказал: Он придет после нас.

Удивительно найти подобные идеи в таких древних легендах.

Но мы знаем, что у людей, чувство всегда предшествует понятию, и поэтому религия формулируется до философии. Сказки предшествуют догматам, затем за догматами следуют принципы, но это одна и та же истина, что зарождается, расцветает и плодоносит, последовательно развиваясь под влиянием различных времен года.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

АПОЛОГИИ СВЯТОГО ДЕТСТВА

1

Иисус и птички

Однажды ребенок Иисус играл с другими детьми; они делали глиняных птичек, и каждый отдавал предпочтение своему изделию перед другими.

Но Иисус, благословив только что сделанных им птичек, сказал им: Летите! И они взлетели.

Это относится к религиозным системам времен смуты; каждый предпочитает свою, но лишь лучшая выживет.

2

Иисус и упавший ребенок

В другой раз Иисус играл на крыше с детьми своего возраста.

Один из них упал с высоты этой крыши и умер.

Увидев это, все разбежались, кроме Иисуса.

Тогда родители мертвого ребенка подбежали с громкими криками и обвинили Иисуса в том, что тот столкнул его.

Иисус, не обращая внимания на их слова, спокойно спустился, взял этого ребенка за руку и оживил его.

Вот так обвиняют христианскую идею в тех злодеяниях, которые она исправляет.

3

Иисус и пшеничное зерно

Однажды ребенок Иисус взял пшеничное зерно и, благословив его, положил его в землю.

Это зерно проросло и одно дало столько, что хватило накормить всех нищих страны, и у Иосифа еще осталось.

Эта легенда, рассказанная Фомой Израильянином, кажется, была первой идеей аллегорического чуда с умножением хлебов. Зерно, которое Иисус посеял, есть это слово: Вы – братья, объединяйтесь!

Объединение во сто крат увеличивает ресурсы человечества, и действительно можно сказать, что хлеб умножается.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

СМЕРТЬ ПЛОТНИКА ИОСИФА

Когда подходило время старому Иосифу упокоиться, его силы ослабели, его память помрачилась и его ум ослаб.

Мария заботилась о нем с нежностью и терпением, как если бы заботилась о своем ребенке.

Настал момент агонии, и Иосиф начал мучиться, говоря: Горе, горе мне! Ибо я согрешил во время своей долгой жизни, и что станет с моей бедной душой, если Бог осудит ее строго?

Страхи ада булбуревуют меня. Ёре мне, ибо я много работал во время своей жизни, и смерть моя полна ужаса.

Тогда Иисус подошел к постели больного, и сказал ему: Иосиф, отец мой, праведник и труженик, покойся с миром.

Ад бедного работника на земле, да и как может Бог, после такой горькой и трудной жизни, мучить его еще и после смерти?

Затем, подняв глаза, Иисус увидел приближение призраков вечной ночи, скелетов с горящими глазами, ужасных демонов с мохнатыми и чудовищными членами, стонущие и бледные лярвы, черные грифы с крыльями летучей мыши и как весь ад движется по волнам густой тьмы, как кит Ионы, с открытой безмерной пастью, чтобы поглотить мир.

Иисус дыхнул на эти ужасные химеры, и они испарились, как воспоминание о сновидении.

И Иосиф теперь видел возле себя лишь Иисуса и Марию, которые держали его голову в своих руках и вытирали с его лба холодный пот, тогда как ангел смерти прикоснулся к его глазам веточкой лилии, аромат которой, кажется, вызвал во всем его теле вечный покой и улыбку.

Ангелы веры, надежды и любви приняли его душу, и его тело было предано земле.

Но Иисус повелел, чтобы он сохранился от разложения, ибо, – сказал он, – смерть всего лишь сон в ожидании того, что царство злых пройдет.

Тогда придет мое царство, царство правды и братства, и я вспомню о своем отце, старом и смелом работнике.

Я разбужу его от его сна смерти, и он придет сесть возле меня на пиру всеобщего причастия.

Так пусть же гроб будет ему, как куколка для трудолюбивых насекомых, которые прядут свой саван и ждут другой жизни, более свободной и более яркой.

Спи же, Иосиф, Спи, бедный труженик! Когда ты проснешься, ты будешь уже наследником неба, и своим трудом ты сможешь завоевать мир.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

После того, как Иисус в одном видении оттолкнул ногой все короны земли, которые ему предложил гений зла, которому они принадлежат, и который предложил ему купить тиранию ценой рабства, как это было в законе старого мира;

После того, как победив голод, гордыню и тщеславие, Иисус, мирно его победив, взошел на гору и, в окружении пастухов и грешников, начал свою первую проповедь:

Блаженны нищие духом, ибо им принадлежит Царство Небесное!

Что означает: Горе рабам эгоистичного богатства, ибо они соберут себе вечную нищету!

Блаженны кроткие, ибо они будут обладать землей!

Это как если бы он сказал:

Горе жаждущим царствовать на земле с помощью насилия, ибо власть ускользнет от них!

Блаженны плачущие, ибо они утешатся!

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся!

Пищие и обездоленные, вознадейтесь же! христианство открывает перед вами дверь будущего счастья!

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут!

Поймем, что это означает также: Горе безжалостным людям, ибо они не найдут жалости к себе!

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят!

Бог, это истина и правда.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими!

Один из наших поэтов сказал: любовь сильнее войны. Грубая сила прошла и закончилась, но спокойный разум, сам себе хозяин, всегда будет торжествовать и возобновлять силу!

Блаженны преследуемые за правду, ибо их есть Царство Небесное!

Прощением мученики доказывают свою царственность. Кто преследует, тот отрекается, и кто страдает, тот сопротивляется. Сопротивляться – это власть, а власть – это царство.

Не нарушить пришел я, но исполнить, – еще сказал сын плотника, провозглашая этим самым прогресс; и то, что он сказал тогда иудаизму, то мы можем сказать и католицизму, мы, люди религиозного прогресса; мы, ученики и продолжатели его дела!

Если праведность ваша, – сказал он, – не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в царство небесное, а мы можем сказать:

Если вы не лучше и не праведнее самых ревностных людей древнего мира и средневековья, то вы не войдете во всемирное объединение исполнившегося христианства.

Христос сказал: Гневающийся на брата своего, подлежит суду; а мы говорим: Не заботящийся о брате своем и относящийся как к чужому к одному из членов человеческой семьи, заслуживает быть отвергнутым семьей и осужденным, как братоубийца.

Христос сказал: Всегда прощайте; а мы говорим: Даже не оскорбляйтесь на зло, которое могут вам сделать. Злые люди – больны, заботьтесь о них, и не раздражайтесь на них.

Он сказал: Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. А мы говорим: Прежде чем сесть за стол, спросите себя, не нуждается ли в чем-нибудь брат ваш; и отнесите сперва часть вашего хлеба тому, кто в нем нуждается, а затем идите и садитесь на пиру причастия, и Бог признает вас за своих детей.

Он сказал: Кто покидает жену свою, тот прелюбодей; и кто бросает подругу свою, тот толкает ее на проституцию [Элифас здесь невероятно исказил высказывание Христа из Мф. 5:32]. А мы говорим: Кто бесчестит женщину, оскорбляет свою мать, и кто женит свою дочь ради денег, тот продает свою дочь, и кто покупает или продает женщину, тот бесчестит ее; ибо сущ-

ность брака – любовь²⁷, а супружеские отношения без любви – это нечистота.

Христос сказал: Не клянитесь вовсе, но да будет слово ваше священо. А мы скажем: Чтобы слово было священо, нужно чтобы оно было свободно. Освободим ум; закроем уста лишь лжи. Кто заглушает истинное слово, тот богоубийца. Осуждать – это не отвечать. Преследовать идею – это оправдывать эту идею. Разумный человек, который говорит не вовремя, может ошибаться, но, чтобы его судить, нужно выслушать. Кого заставляют замолчать, тот всегда прав. Что до порока и глупости, то здравый смысл сам налагает на них молчание.

Он сказал: Подставь левую щеку, если тебя ударят в правую; и кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и плащ. А мы скажем нашим братьям: Когда вас оклеветали за то, что вы сказали истину, еще раз предстаньте перед судом, и когда претерпите оскорбления и клевету, то с радостью примите нищету и смерть в презрении. Чем больше ваши враги вас ударяют, тем слабее они становятся; чем больше вы страдаете, тем сильнее вы становитесь.

Христос сказал: Не будьте лицемерами. А мы говорим: Отдавайте всяческую честь всякому, меньше говорите о морали и меньше будьте бесчестными. Будьте искренними и смиренными, и не пытайтесь прикрывать мерзости скотины под крыльями ангела.

Он сказал: Невозможно служить Богу и деньгам. А мы говорим: Собственность не уважается, если ее начало не в работе, а ее правило не в братстве объединения.

27 Под любовью [amour] мы понимаем не физический закон полов; любовь – это абсолют человеческих чувств и страстей; наши страсти управляются христианским законом и должны быть монархичными. – Прим. автора.

Он сказал: Не судите, да не судимы будете.

А мы говорим: Превратите карательные меры в гигиену морали, поднимайте падающего, а не ударяйте его; оказывайте моральным больным моральный уход, а не безбожные наказания; не кружитесь в кровавом кругу, наказывая убийство убийством, ибо действуя так, вы дадите некое оправдание убийцам, и вы продолжаете войну каннибалов. Если вы хотите, чтобы человекоубийство действительно было преступлением, сделайте так, чтобы оно никогда не было правом, и вспомните того осужденного, который сказал: Убив, я сыграл своей головой; вы берете, я плачу, – мы квиты.

И мысленно он добавил: Мы равны.

Христос сказал: Ищите же прежде царствия Божия и правды его, и остальное приложится вам.

А мы говорим: Царство Божие не есть царство голода для Лазаря и оргий для неправедного богача. Царство Божие есть солнце для всех и земля для всех, это братство в труде, это когда проституция становится невозможной благодаря уважению к женщине, это социальная лестница, доступная всеми своими ступенями труду и заслугам каждого. Это труд ради всех; это семья для всех, это собственность всех, это царство разума, это священство любви, это причастие каждого всех, и всех каждого, это божественное и человеческое единство, Бог, живущий в человечестве, Христос воскресший и живущий в великом теле христианского народа, свобода прогрессивная и подчиненная порядку, равенство, относительно порядка иерархии, и братство, распределяемое между всеми по законам гармонии, которая есть вечная мудрость.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

НЕКОТОРЫЕ СЛОВА ИИСУСА ХРИСТА, КОТОРЫХ НЕТ В КАНОНИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЯХ, НО КОТОРЫЕ БЫЛИ НАМ ПЕРЕДАНЫ ПРЕДАНИЕМ ПЕРВЫХ ВЕКОВ.

Однажды, когда Иисус был со своими учениками на границе Иудеи, которая соседствовала с пустыней, они заблудились в горах

Они встретили одного пастуха, который лежал в тени смоковницы, и они спросили у него дорогу.

Пастух, который был нерадив, не потрудился ни встать, ни ответить, но лишь протянул ногу в направлении, куда им следовало идти, даже не глядя на них.

Когда же они пошли туда, то встретили девушку, которая возвращалась от источника, неся на голове кувшин с водой.

Они и у нее спросили путь, и эта девушка не только указала им их путь, но, бросив все свои дела, пошла перед ними и оставила их лишь, когда вывела их на их дорогу.

Учитель, – сказал святой Петр, – каково будет воздаяние этой столь прилежной и любезной девушке?

– Она выйдет замуж за того ленивого пастуха, – ответил Иисус.

И так как ученики были удивлены, то он сказал им: Счастье этой женщины в том, чтобы быть матерью, и когда она спасет своей любовью человека, с которым она разделит свои собственные добродетели, тогда она станет матерью дважды,

ибо ее супруг и ребенок, которого ей даст ее супруг, равно нуждаются в ней.

Всякая жертва любви увеличивает любовь, а все, что увеличивает любовь, увеличивает счастье. Имеющий уши да услышит.

Тогда Иоани, самый любимый ученик, подошел к Учителю и сказал ему: Я верю вашему слову, и я знаю, что так будет в вашем царстве.

Счастье самоотречения будет там первой ценой жертвы, и там будут воздавать тому, кто будет делать добро, тем, что будут предоставлять ему возможность сделать еще больше добра.

Но скажите мне, когда придет ваше царство, и по какому признаку люди узнают его.

Иисус ответил: Когда двое будут одно, когда внутреннее будет наружным, и когда мужчина и женщина не будут больше ни мужчиной, ни женщиной;

То есть, когда прекратится вражда между ведением и любовью, между разумом и верой, между свободой и послушанием;

Когда Евангельская мысль, которая есть братство, будет реализована в политических и социальных формах;

И когда женщина станет чистой сестрой и возлюбленной супругой мужчины, как перед обществом, так и перед Богом, так что не будет вражды между двумя полами.

Это слово, приведенное папой св. Клементом, современником Апостолов, является полной программой социального обновления, осуществляемого христианской идеей.

Еще Иисус сказал: Жизнь – это банк; будьте умелыми ростовщиками. Дающий получает больше принимающего. Итак, если вы хотите обогатиться, отдавайте.

ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

ДЕСНИЦА И ШУИЦА ИИСУСА, ФАВОР И ПУСТЫНЯ, ЛЮДИ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ ГРУППАМИ

Иисус открылся своим трем самым умным ученикам в виде центра человечества, находящегося между человеком закона и учения Моисеем (в прошлом) и человеком протеста и непокорного пророчества Илией [см. Мф. 17].

Таково значение того преображения на Фаворе, где Петр захотел построить три скинии [кущи]: одну для Моисея, одну для Христа, и третью для Илии; но время для синтеза еще было не пришло.

Не будем забывать, что Евангелисты пустили в ход всю эзотерическую, или скрытую, часть Евангелия, и вместо того, чтобы сказать: Иисус вознес дух своих учеников на великую высоту и дал им понять всю истину своего учения, они сказали: Иисус повел их на гору и преобразился пред ними, и просияло лицо его, как солнце, одежды же его сделались белыми, как снег [Мф. 17:2].

Иоанн и Иаков тогда сказали ему: Учитель, дай нам сесть у тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, когда придет твое царство [Мк. 10:37].

Иисус им ответил: Я могу дать вам часть моей чаши и моего крещения, но дать сесть у меня по правую сторону и по ле-

вую – не мне вам давать, это место оставлено тем, кто предназначен к этому моим Отцом.

Итак, Иисус ждал еще двоих человек, чтобы дополнить свое учение и исполнить свое дело; человек справа, т.е. человек закона и организации; и человек слева, т.е. человек роста, любви и гармонии.

Что до социальной организации, то Иисус в общих чертах указал на нее в притче об умножении хлебов, где мы читаем [Мк. 6:39], что Иисус разделил людей на группы по сто и по пятидесяти, *secundum contubernia* [на товарищества; в синодальном переводе – отделениями], чтобы они жили или могли бы жить вместе. Затем он разделил между всеми пять хлебов и две рыбы, которые представляют собой первый аванс верующей бедности сообществу, и сообщество так умножает эти скудные ресурсы, что оставшимся можно наполнить двенадцать коробов.

Здесь то, что мы утверждаем по поводу символизма Евангельских чудес, достаточно доказывается нелепостью буквы и материальной невозможностью факта, чтобы доказать который, д-р Штраус приложил столько труда.

Но смысл притчи восхитительный, притча необходима, когда истина опасна или ее нет смысла раскрывать.

Итак, разве Иисус не сказал: Имею еще много чего сказать вам, но вы не можете сейчас вместить этого. Дух ведения придет и вы узнаете истину во всей ее полноте. Сперва весь старый мир должен был разрушиться и погибнуть; затем этот дух должен был прийти и обновить лицо земли.

Быть может, мы живем во время этого всемирного разрушения, но мы укрепляем наше сердце и мы надеемся; ибо над

руинами мы уже видим, как парит небесный голубь, и дыхание обновленного откровения уже поднимает тучи с Востока.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

ЧТО ТАКОЕ ПРИЧАСТИЕ

Чтобы показать, что все имеют право на хлеб, который питает и на вино, которое укрепляет, Иисус, говоря от имени человека, сказал хлебу: Это плоть моя, а вину: Это кровь моя.

И хлеб действительно является плотью человека, как и вино истинно является кровью тех, кто его пьет; ибо хлеб обновляет плоть, а вино разогревает кровь.

Итак, Иисус, продолжая говорить от имени человека, сказал: Хлеб, который я завоевал своими трудами и своей смертью, есть плоть моя, и я даю ее всем, дабы все ее ели; вино мое есть кровь моя, и я наливаю его всем, дабы все ее пили и жили моей жизнью.

Вот так Христос установил единство божественное и человеческое, дав ему основанием причастие хлебом и вином, к которому все призваны Богом, и в котором никому не могут отказать.

Итак, кто несправедливо лишает своего брата его части хлеба причастия, тот отрывает и присваивает кусок плоти Христа; и он, таким образом, ест то, что должно было стать плотью его брата, и через это богоубийственное людоедство, вместо причастия к человечеству, он причащается к его палачам. Но чтобы причастие хлебом было возможным в действительности, а не в образе, нужно, чтобы больше не было ленивых. «Кто не работает, тот да не ест» [2 Сол. 3:10].

И чтобы причастие вином не было распутством, нужно, чтобы больше не было пьяниц. Совет людям!

СЕМНАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

ПРИГОВОР ИИСУСА

Мы не будем повторять здесь фактов, сообщаемых четырьмя Евангелистами, потому что они известны всем.

Великая драма страстей вот уже восемнадцать с половиной веков является приговором, вынесенным священниками и царями, кровавым осуждением законов старого мира, и бессмертным протестом осужденных против общества богоубийц.

Одно-единственное из апокрифических, или секретных, Евангелий, Евангелие от Никодима, прибавляет к рассказу четырех кое-какие крайне замечательные обстоятельства; вот они:

Когда Пилат ввел Иисуса в преторий, чтобы спрашивать его, то римские орлы и образы богов, которых держали знаменосцы, сами наклонились перед царем будущего.

Раздосадованные иудеи закричали: Цезарь предан. Вот как отдают этому человеку почести власти.

Пилат и сам был удивлен, и спросил у знаменосцев, что означает случившееся; последние заявили, что это было против их воли, и что они ничего не могут сделать.

Пилат привел из претория самых сильных людей и наиболее враждебных к Иисусу (это были те, кто часом позже, бичевали его и одели на него терновый венец), затем он вручил

им знамена, посоветовав крепко их держать; но образы богов склонились и во второй раз перед Иисусом на виду у всего мира, и было доказано, что сила людей ничего не может против изменения идей, и что самые защищаемые властью религиозные знаки падают сами и склоняются перед символами, протестуя против приговора людей и сочувствуя агонии мучеников.

Итак, Иисус был тайно расспрошен Пилатом, затем его вновь поставили перед иудеями, и выслушали его обвинителей; это были, как известно, начальники священников, старейшины народа, фарисеи, книжники и богословы, т.е. все, кто были значимыми и уважаемыми в иудейском народе.

Пилат спросил, не найдется ли свидетелей в оправдание. Сперва воцарилась тишина, ибо редкие друзья Иисуса боялись.

Наконец Закхей, мытарь, несмело поднял голос, чтобы сказать, что Иисус пил и ел в его доме, а затем тронул его сердце мудростью своих слов. Смех и свист толпы не позволил ему закончить, ибо мытари считались людьми бесчестными, и фарисеи сочли свидетельство Закхея, как дополнительное доказательство против Иисуса.

После Закхея к погам проконсула бросилась одна женщина, вся в слезах; но ей не позволили даже сказать и слова; крик осуждения подняла вся толпа: Это Магдалена, проститутка, это та, что вылила на ноги этого бродяги дорогие духи, за которые заплатила своим телом; она достойна его, а он достоин ее! Анафема на этих нечестивцев!

Однако, тут стал пробираться сквозь толпу слепой из Иерихона и кричал, размахивая руками, чтобы его услышали: Я родился слепым, а Иисус сделал меня зрячим!

– Он рака!– закричали священники; не слушайте его, ему нельзя верить; мы изгнали его из Синагоги.

– Я был мертв, и он меня воскресил, – сказал тогда один человек из Вифании по имени Лазарь.

Пилат и римляне закатились смехом; саддукеи издавали дикие крики, и Лазарь был изгнан ликторами.

Тогда вышла одна богатая и важная дама, и сказала: Я вдова, зовут меня Серафия [в православной традиции Вероника], и я болела кровотечением, которое медленно убивало меня.

Однажды проходил Иисус, сопровождаемый толпой нищих, которых он поучал, женщинами из народа, которых он утешал, и больными, которых он исцелял.

Я подошла к нему, ничего не говоря, и лишь коснулась края одежды его; и тогда меня охватило благоговение и волнение, ибо я почувствовала, что исцелилась.

При этих словах иудеи начали роптать; однако они сдерживали свои протесты, потому что Серафия была богатой и всеми уважаемой.

Тогда Пилат взял слово и сказал: Выведите эту даму, ее нельзя допускать к свидетельству в этом деле, ибо по законам вашим, как и законам всего Востока, свидетельство женщины ничего не значит в суде.

После Сарафии никто больше не осмелился поднять голос в защиту Иисуса; тех, кого считали людьми честными, обвиняли его, и не нашлось кому защищать его, кроме людей не внушающих доверия, подозреваемых в проказе или разврате, черни и женщин.

Итак, он был приговорен, но не нашлось выражения, которое бы определяло его преступления; тогда в насмешку написали: Это царь иудейский.

Серафия, которую впоследствии стали звать Вероникой, видя, что ее свидетельство не может спасти ее Спасителя, ушла в слезах и стала ждать его у ворот, когда он вышел из города со взваленным на себя крестом, и, несмотря на крики палачей и удары солдат, она подбежала к нему и вытерла ему лицо платком, который сохранил кровавый отпечаток черт лица Иисуса.

И мученики первых веков не имели другого образа своего учителя, кроме этих кровавых следов, которые отмечают место черт лица Иисуса на платке Серафии.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

ПЕТР И ИОАНН

Имел Иисус одного не очень умного ученика, но тот его очень любил и беззаветно верил в него. Это тип простого и пылкого работника; он обладал всеми добродетелями и всеми недостатками людей, был быстр на уныние, как и на действие, но, в конце концов, всегда любящий своего учителя и готовый отдать свою жизнь за него. Этот ученик был портовым грузчиком [традиционно его считают рыбаком] по имени Симон. Иисус принял его за живой тип ревностной работы, и сказал ему: Ты камень, на котором я построю мое сообщество (*ecclesiam*), и врата²⁸ ада, т.е. власти этого мира, никогда не одолеют его [Мф. 16:18]. Неотесанный камень, который был

28 «Врата» означает «власть, правительство» и т.д., в восточном стиле. Еще говорят «оттоманские врата», указывая на турецкое правительство. – Прим. автора.

отброшен архитекторами тогдашнего общества, станет краеугольным камнем нового общества: Я дам тебе ключи от царства ведения и любви, каковое есть царство небес, и ты будешь реализовывать волю Бога на земле. Только те будут связаны, кого ты свяжешь, и те будут свободны, которых ты освободишь [Мф. 16:19], ибо ты человек труда, и я делаю тебя моим представителем перед будущим.

Церковь, до прихода духа ведения, увидела в этих словах освящение абсолютной и непогрешимой власти пап, и один [возможно, здесь пропущена строка] Александр VI [папа римский], этот так называемый законный наследник обещаний, данных Петру, человек веры, работник и мученик. Однако, первые папы были лишь представителями народа перед Богом и тем самым – Бога перед народом, ибо их избирал народ; и поэтому-то первосвященники лучших времен католицизма были трибунами, которые противостояли императорам, карали преступления великих мира сего, и защищали народ от пороков их хозяев.

Пока папство правило, оно было свято; разложение для него должно было стать упадком. Когда ты состарился, – сказал Иисус Петру, – другой тебя препояшет и поведет тебя туда, куда ты не хочешь [Ин. 21:18]. Грустная картина мирского рабства, в которое впало разложившееся папство!

Однако, папство – это принцип, это первая христианская монархия, и христианство не возродиться без него.

Апостол Петр является предельным образом гения непризнанного труженика; его распяли, как и его учителя, но головой вниз, так как палачи боялись увидеть его стоящим на ногах. Иисус поразительным образом предсказал ему это, если верить легенде, ибо когда Петр вышел из Рима, чтобы бежать от преследования Нерона, ему явился Спаситель, несущий

щий свой крест, и сказал ему: Я иду в Рим, где я должен быть распят во второй раз. Петр понял, что христианство должно завоевать свою свободу мученичеством, и он своими ногами возвратился, чтобы принять смерть.

Был у Иисуса и другой ученик, названный учеником любви, и которого всегда изображают молодым, потому что, согласно легенде, он не должен был умереть. Иоанн – это Евангелист синтеза, и он присовокупил к христианству весь гений Платона в философии Слова. Иисус свел весь закон к двум словам: Любите Бога и любите друг друга [Ин. 15:17]. Святой Иоанн перенес любовь к Богу на любовь к ближнему, и заявил, что Бога не видел никто никогда [Ин. 1:18], но что мы видим людей, и в них-то мы и должны любить то божественное, которое их одушевляет. Любите Бога в человеке, – такова вся религия; наш век, приняв эту формулу, лишь резюмировал учение святого Иоанна.

Святой Павел сказал, что вера и надежда пройдут, но любовь не пройдет никогда. Это слово – это обещание царства братства, и потому что будущее принадлежит любви, потому-то святой Иоанн, этот таинственный персонаж, считается бессмертным в легендах. Он уснул, – говорят, – в своем гробу, и его дыхание кротко колеблет землю его могилы.

Он ожидает возвращения своего учителя, подобно мудрым девам, которые позаботились о масле любви, чтобы зажечь свои светильники, когда Богу будет угодно явиться вновь. Действительно, говорят, что чудесное масло сочится из могилы святого Иоанна и возвращает здоровье больным. Вот как легенда продолжает Евангелие и использует его образы, как и Евангелие приводит великие символы Библии, объясняя их. Но во всей совокупности священных книг и тайного предания лишь один апостол взял на себя труд предупредить нас о том, что буква убивает, а дух животворит [2 Кор. 3:6]. Поэ-

тому, когда культам предстоит умереть, они материализуются, цепляясь за букву слова, дух же их покидает, расширяясь, как человек сбрасывает одежды своего детства.

Характерный знак святого Иоанна, этого последнего из Евангелистов, – орел, символ свободы, ведения и верховенства, потому что царство любви, содействуя прогрессу, должно освободить всех людей их трудом и их добродетелью, по очереди, старших из человеческих родов, священников, царей и владык мира.

Fecisti nos reges et sacerdotes et regnabimus super terram.

Соделаешь нас царями и священниками, и мы будем царствовать на земле. (Святой Иоанн) [Откр. 5:10].

Поэтому в эти последние времена, в мире вновь появился орел.

Поэтому война будет лишь подготовкой к всемирной империи.

Истинная империя – это мир; победоносный орел воссядет на молнии и остановит солнце.

И это больше не будет орел-завоеватель, но орел Евангелиста.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

ВИДЕНИЕ АГАСФЕРА

Иди! – сказал иудей Агасфер Христу, согнувшимся под своим крестом. Иди! – ответил ему Спаситель мира, пока я не вернусь сюда и не скажу тебе: Отдохни!

С этого времени Агасфер непрестанно ходит по миру; и каждый год, к Пасхе, он возвращается к тому месту, где был его проклятый дом, чтобы посмотреть, не встретится ли ему там Иисус. Он идет и идет, и приходит, утомленный, задыхавшийся, готовый замертво упасть от усталости; он приходит, и никого не находит.

Он поднимает глаза и видит во всегда неумолимом небе руку, которая указывает ему на Восток. Иди! – кричит ему голос, кажущийся вечным эхо его собственного в тот день преступления, и старый Агасфер склоняет голову; плач об избавлении, которым уже преисполнилось его сердце, молчаливый и без слез; он вновь начинает свое вечное странствие.

В эпоху, когда крестоносцы взяли Иерусалим, Вечный Жид услышал, что Христос вернулся на святую гору; но он не нашел там никого, кроме одного священника, окруженного солдатами. – Жид! Жид! – закричало несколько человек с окровавленными руками... Иди! Иди! – сказали солдаты, ударяя старика своими палками и нанося ему уколы своими копьями. Агасфер потряс головой и пошел через проклинаящую толпу.

Увы! – пробормотал он, крест еще не может отпустить мне грехи, потому что он еще не научил своих защитников прощению! Люди поклоняются лишь орудию казни и воспоминанию мести! Безумцы, они хотят отомстить тому, кто спасает их, прощая их, и они не чувствуют, что они сами осуждают себя, отвергая прощение Богочеловека! Они не знают, что преследование, осуществляемое христианами, есть отступничество от мучеников и реабилитация их палачей!

Итак, когда с тех пор Агасфер встречал иудеев, преследуемых христианами, он побуждал их скорее умереть, чем отречься от веры своих отцов, и он сам, со своим многовековым

посохом, с растрепанными на ветру волосами и бородой, ведет их от изгнания к изгнанию!... И все же он лучше, чем кто бы то ни было, понимает, что Иисус единственный сын Божий!

Позже он увидел, как падают кресты и воздвигаются эшафоты, он услышал, как говорят о святой гильотине, и не был этим удивлен; разве инквизиторы не положили начало праздникам смерти от имени святого Креста? Култ остался прежним, сменились лишь алтари. Тогда также говорили о гуманизме и прогрессе; да, верно, нож гильотины более расторопный и менее жестокий, чем кровавые столбы Голгофы.

Затем он увидел возобновление поклонений золотому тельцу; издавна знал он, чем заканчиваются подобные оргии, и когда его спросили: Что сейчас делает сын плотника? То он ответил, покачивая головой: Гроб!

Ибо он чувствует, что время близко, и его ход, кажется, замедляется; он смотрит в свой черед на проходящий век и торопящиеся события.

В тот день, когда преемник Петра упадет и выйдет, опираясь на свой скипетр, из навсегда проклятого города в изгнание в свой черед, тогда Агасфер войдет в пустой Ватикан и, облокотившись на пустое сидение пап, позволит своей голове упасть в свои руки, чтобы вздремнуть на минутку.

Во сне он увидит земли Иерусалима, украсившиеся первыми плодами; виноградники с огромными гроздьями Земли Обетованной, оливковые деревья, преисполненные плодов, покрывающие холмы, и долины, полные олеандров и цветущих роз.

Гора Мориа [Голгофа] покрыта бесчисленным народом, составленным из представителей от всех народов земли, и на вершине этой священной горы возвышается огромный алтарь.

Посреди алтаря, возвышаясь аж до облаков, стоит огромный золотой подсвечник, увенчанный сияющим солнцем, а в середине этого солнца виднеется белая и прозрачная божественная просфора жертвы любви, синтез пшеницы, символ единства Бога и человека, хлеб социального единения и всеобщего причастия.

Перед алтарем стоит один старик, держа в руке белый хлеб, напоминающий хлеб дароносицы, а в другой руке – чашу.

Раздается небесная музыка, и со всех фаланг поднимаются клубы фимиама.

Множество людей, облаченные в великоленные наряды, подносят стол, который они покрывают белой скатертью.

Один из этих людей несет одеяние верховных первосвященников христианского закона, другой – одеяние глав имамов, третий одет, как первосвященник иудейского закона, четвертый несет украшения великого Ламы, и все четверо действуют и молятся согласованно, и, кажется, любят друг друга, как братья.

Это был день, в который Христос когда-то вышел из могилы, и вот уже боле двух тысяч раз мир праздновал эту годовщину, но никакая еще не была такой блистательно торжественной, как эта.

Музыка стихла; в толпе установилась тишина, и все глаза обратились на Восток.

Тогда увидели явление другого старика, чьи волосы и борода покрывали грудь и плечи; он бросил свой посох странника, выпрямился с глубоким вздохом и позволил одеть на себя белое платье, поднимая к небу глаза, полные слез.

Он взглянул на просфору и воскликнул со слезами: Это он! Он взглянул на священника, единогласно избранного, который в этот день отправлял службу всеобщего первосвященника, и повторил: Это он! Он взглянул на безмолвствующую и сосредоточенную толпу, и протянул руки в жесте благословения, еще раз сказав: Это он! Это он, живущий во всех, это он вездесущий и всегдасущий!

Тогда священник народа спустился с алтаря, поднесли крест к святому Столу, на который положили просфору и чашу, и пастырь сказал, обращаясь к старику: Отдохни, Агасфер!

. Затем пришли первосвященники всех прошедших культов, после жреца всемирного сообщества, чтобы дать поцелуй мира в седую бороду проклятого смиренного.

Затем все стали вокруг стола, чтобы причаститься с ним.

Тогда Агасфер почувствовал в себе новую жизнь, ему показалось, что он сам был Христом, и что, сам разделяя хлеба, которые умножались на святом Столе, он раздавал их множеству людей.

На этом закончилось сновидение Вечного Жида; его разбудил шум оружия и крики ужаса; это были грабители народов, которые делили святой город.

Он вышел из дворца пап, который затрясся над приоткрытыми могилами, и направился продолжать свой путь во-
круж света; быть может, вскоре он его больше не возобновит.

Не жалейте его, все вы, встречающие его сгорбленным, задыхавшимся и запыленным; он более счастлив, чем все великие политики нашего века, и чем последние цари этого мира; он знает, куда идет.

ДВАДЦАТАЯ ЛЕГЕНДА

ЦАРСТВО МЕССИИ

Когда дух видения распространится по земле, настанет время, когда дух Евангелия станет светом народов.

Тогда поймут, что принцип власти – это верховный разум, как сказано вначале так долго неправильно понимаемого Евангелия от святого Иоанна.

Тогда Христос будет возрождаться каждый день, не символически на алтарях, но реально и телесно по всей поверхности земли.

Разве не сказано, что малейший из нас есть он? [Мф. 25:45] Итак, тогда рождение каждого ребенка будет Рождеством, и все люди будут уважать Спасителя друг в друге.

Тогда Христос не будет больше лишь нищим, голодным, осужденным, без супруги и детей, изгнанным и распятым; он будет богатым, как Иов после своего испытания, он будет в изобилии всего, он будет супругом, он будет отцом, он обновит и простит преследовавших его.

Итак, однажды все народы станут одним народом, все престолы подчиняться одному престолу, и на этом престоле воссядет праведник, который будет иметь дух Иисуса Христа, и кто тем самым будет сами Иисусом Христом, как всем мы можем им быть, когда он в нас.

Этот царь примирит Восток с Западом и Север с Югом. Он даст народам истинную свободу, ибо он сделает нерушимыми основы правосудия.

Пресекая вольности, он упразднит нищету. У всех будет право и средства поступать хорошо; ни у кого не будет права быть скотиной и порочным.

Наказание будет заменено моральной гигиеной, на преступников будут смотреть, как на больных и подлежащих лечению, как душевнобольные. Великое искупление Креста удовлетворит все человеческие оскорбления и однажды упразднит эшафот, ставший ненавистным в момент, когда он будет бесполезен.

Больше не будут предоставлять реального существования заблуждению, ибо одна истина существует, а ложь мимолетна, как сновидение. Так что будет лишь одна религия в мире, и всемирный первосвященник объявит с высоты верховной власти, что иудеи, магометане, буддисты и пр. являются малограмотными христианами, главой и отцом которых он и является. Он благословит их и созовет на великий собор наций. Он откроет для них неисчерпаемую сокровищницу индульгенций и молитв, и по-настоящему и воистину даст свое благословение городу и миру.

Тогда настанет эпоха возвращения блудного сына; он не имел больше ничего, но его брат одолжит ему, и он будет работать, чтобы вновь завоевать свое богатство. Это будет час, когда неразумные девы, обретя наконец масло для своих светильников, придут и постучат в дверь, и если жених откажется открыть им, то мудрые девы протянут им руку и введут через окно; ибо последнее слово христианства – это солидарность, реверсивность, всеобщая любовь; и я говорю вам по истине, что нет на небе святого, который не готов спустится

в ад, чтобы освободить бедные души, не уж то они будут там одни и закроют навсегда двери для них. Представляете ли вы себе небо, наложенное на ад? Вечный пир перед лицом вечного костра, дом мира и молитв над пещерой, полной рыданий и мук? Одно сновидение должно заполнить вечный сон каждого праведника – избавление отверженного; и если это сновидение будет без надежды, то оно станет кошмаром, более ужасным, чем сами муки ада.

Поэтому-то гностики, т.е. знающие, иными словами, – посвященные первичного христианства, толковали оракулы, сделанные духом Иисуса Христа; за ними последовали ученики Оригена, но Церковь их осудила, и имела основание их осудить, ибо они распространяли тайные учения и оскверняли мистерии Учителя.

Не нужно, преувеличивая надежду обывателя, лишать закон своей страшной санкции, и догмат вечности ада, в конце концов, выражает лишь вечный развод между добром и злом.

Апокрифы – это революционная сторона духа Иисуса; иерархическая его сторона, созидающая и устанавливающая, по праву принадлежит обучающей Церкви, функции которой нам не пристало узурпировать.

* * *

По ходу изложения этих легенд, таких чисто по-восточному наивных, мы смогли выстроить рассказы, явно символические, из Золотой Легенды, апокрифических деяний апостолов, истории великана Христофора, согнутого вдвое под таинственной тяжестью ребенка, мученика святой Веры, святой Надежды и святой Любви, и многие другие, вдохновленные тем же духом и переливающиеся теми же самими чудесными цветами. Новый ветер вдохновения прошелся по миру,

и этот ветер – Иисуса Христа. Что и отличает апокрифические Евангелия от Евангелий канонических, так это, быть может, большая смелость в выдумках и меньшая умеренность в указании на революционные и радикальные тенденции; но везде один и тот же гений-освободитель нищих, защитник слабых, та же самая материнская нежность в отношении сирот общества, та же самая вера, человеческая, потому что она божественная, и божественная, потому что она человеческая. Чудесные истории разнятся, потому что форма притчи произвольна. Один лишь дух животворит. Впрочем, эти истории по сути еврейские, и их можно сравнить с притчами Талмуда; их можно обвинить в мистицизме и преувеличенном идеализме; но что за величественные грезы, если их принять лишь за грезы! Это фотографии коллективных чаяний; это посмертные притчи Иисуса, ожившие во всей полноте в его учениках; это оракулы, но не вертящихся столов, а евхаристических, и вот как божественные духи говорили бы после своей смерти, если бы могли умирать. Но нет, великие мысли не умирают и не нуждаются для своей передачи в стуках, раздающихся в стенах. Они приводят в движение души, а не мебель, они стучат в сердца, а не в камни или планшеты; они – как деревья, которые разбрасывают свои семена и дают леса. Напрасно пытаться их пленить и ограничить, у них есть жизненный сок, который ломает преграды и разрушит тюрьмы; они бегут, как огонь по мертвому лесу. Не ищите больше Иисуса в могиле, куда его положили священники, – он воскрес; его там больше нет, не ищите живого среди мертвых!

Чего, черт возьми, хотят от нас эти лярвы и вампиры, которые, в так называемых спиритических кругах, пытаются умалить Богочеловека! Собираемся ли мы создать Иисуса без божественности и без чудес? Разве его великие чудеса не являются чудесами его духа? Хотите написать его историю? – Пишите историю мира, преображенного его гением. Его жизнь – это его учение, и его учение еще живо. Я даю вам Иисуса из

мрамора, – сказал Ренан. Ах! Какое нам дело до вашего мрамора? У нас есть Иисус из духа и плоти, его дух везде. Его плоть пульсирует в невинной груди наших детей, его кровь разогревает и омолаживает сердца наших стариков. Философ мрамора, держи свою бездушную статую, и оставь нам нашего Богочеловека!

Альфред де Виньи²⁹ написал, что легенда зачастую правдивее истории, потому что легенда рассказывает не о действиях, часто незавершенных и неудачных, но о самом гении великих людей и народов. И эту прекрасную мысль, прежде всего, нужно отнести к Евангелию. Евангелие – это не просто пересказ того, что было, это высшее откровение того, что есть и всегда будет. Спаситель мира всегда будет почитаем царями ведения, изображенными волхвами; всегда он будет умножать хлеб евхаристии, чтобы накормить и утешить души; всегда, когда мы будем к нему взывать в ночи и в храме, он будет приходить к нам, идя по волнам, он будет протягивать нам руку, и он будет спасать нас, помогая нам пройти по гребням волн; всегда он будет исцелять наши болезни и возвращать свет нашим глазам; всегда он будет являться своим верующим светозарным и преображенным на Фаворе, объясняя закон Моисея и направляя рвение Илии.

Чудеса Вечного вечны. Принять символизм чудес Евангелия – это усилить его свет, это провозгласить его универсальность и вечность. Нет, эти венцы не прошли так, как о них рассказывают, они не пройдут никогда, они остаются навсегда. Вещи, которые проходят являются событиями, которые проходят, венцы же, которые открывает божественный гений через символизм являются незыблемыми истинами.

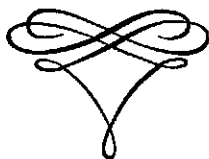
Читайте Отцов первых веков, перейдите в великие эпохи христианства, слушайте святого Августина, устремленного

29 Альфред Виктор де Виньи (1797–1863) – французский писатель. Прим. перев.

в бесконечность, и святого Иеронима, витающего в небе под шум рушащейся римской империи; послушайте красноречие святого Иоанна Хризостома [Златоуста] и святого Амвросия, затем спуститесь отсюда к спиритическим извращениям г-на Хоума или к пантеистичным бредням Аллана Кардека, и вы усмехнетесь от жалости и отвращения.

Полноте, смерть ли может быть горьким обманом? Реальности другой жизни могут ли быть насмешкой над нашими о ней представлениями? Может ли истинный рай быть менее блестящим, чем рай Данте, а истинный ад менее ужасным, чем его? Что, могут ли развоплощенные духи гулять, как духи Сведенборга, со шляпами на головах, и приходить, чтобы овладевать живыми, чтобы заставлять писать их банальности! Но вы же не видите, что ад средневековья с его величественными ужасами может быть предпочтительнее этому смешному падению душ! Пусть Бог мучает меня, если существует бог, способный мучить, но пусть не делает из меня идиота. Уж лучше я буду любить дьявола и его рога, чем дома Викторьена Сарду [драматург], построенные в соль-ключе и каракулями, и чем те распустившиеся идеальные цветы под карандашом Медимумов, которые напоминают язвы проказы, рассматриваемые под микроскопом. Проснитесь, несчастные спириты, неужели вы не чувствуете, что у вас кошмар?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГИПОТЕТИЧНЫЕ ДУХИ ИЛИ ТЕОРИИ КАББАЛИСТОВ ОБ АНГЕЛАХ, ДЕМОНАХ И ДУШАХ МЕРТВЫХ

О том, чего наше знание в этой жизни не может достичь, невозможно рассуждать иначе, как гипотезами. Человечество не может знать ничего о сверхчеловеческом, потому что сверхчеловеческое – это то, что выходит за пределы досягаемости человека; явления разложения, которые сопровождают смерть, кажется, протестуют от имени науки против той врожденной нужды верить в другую жизнь, которая породила столько грез. Однако, наука должна учитывать эту нужду, ибо природа, которая не создает ничего бесполезного, не дает существам нужды, которые не должны быть удовлетворены. Так что наука, обреченная на незнание, по крайней мере, должна предполагать существование того, чего не знает, и не должна подвергать сомнению продолжение жизни после явления смерти, потому что никаких резких переходов не наблюдается в великом деле природе, которая, согласно философии Гермеса, никогда не действует скачками.

О вещах, которые вне этой жизни, можно предполагать двумя способами: или путем вычисления аналогий, или путем экстатических интуиций; другими словами – через разум или через безумие.

Мудрецы Иудеи избрали разум, и они оставили нам свои величественные гипотезы в книгах, большинству не известных. Читая их, прежде всего понимаем, что наши верования вышли из них, как необъяснимые фрагменты, и что кажущиеся нелепости наших догматов исчезают, как только их дополнить великими рассуждениями этих старых учителей. Также с

удивлением там обнаруживаем философски реализованными и законченными все самые прекрасные и великолепные чаяния нашей современной поэзии. Гете изучал Каббалу, и эпопея о Фаусте вышла из доктрин Зогар. Сведенборг, Сен-Симон³⁰ и Фурье³¹, кажется, увидели каббалистический божественный синтез сквозь тени галлюцинаций одного кошмара, более или менее странного, в зависимости от различий в характерах этих мечтателей. Этот синтез в действительности является тем самым полным и самым прекрасным, к чему человеческая мысль может приступить.

Книги, толкующие о духах, согласно каббалистам, это – *Pneumatica kabbalistica* [Каббалистическая пневматология], находящаяся в *Kabbala denudata* [Разоблаченная каббала] барона Розенрота, *Liber de revolutionibus animarum* [Книга о круговращении душ] Исаака Лории, *Sepher Druschim* – книга Моше де Кордуэро, и некоторые другие менее известные. Здесь мы даем не просто их краткое изложение, но в некотором роде квинтэссенцию. Мы прибавили к ним тридцать восемь каббалистических догматов, таких, какие можно видеть в сборнике каббалистов, изданном Писторием. Эти догматы резюмируют почти всю науку, и если мы и ограничиваемся краткими объяснениями, то потому, что в наших предыдущих трудах мы развили эту науку, выражением которой и являются эти догматы.

30 Анри Сен-Симон (1760-1825) – французский философ, известный социальный реформатор, основатель школы утопического социализма. – Прим. перев.

31 Шарль Фурье (1772-1837) – французский философ, один из представителей утопического социализма. – Прим. перев.

ГЛАВА 1

ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ ДУХОВ

Согласно каббалистам, Бог вечно творит великого Адама, универсального и полного человека, который содержит в одном духе все духи и все души.

Таким образом, духи живут сразу двумя жизнями: одной – общей, которая обща всем, и другой – обособленной и частной.

Сплоченность и обратимость у духов, таким образом, связана с тем, что они действительно живут друг в друге, все просвещенные светом одного, все пораженные по причине тьмы одного.

Великий Адам был изображен деревом жизни, он простирается над и под землей, ветвями и корнями; ствол его – человечество, различные расы – ветви, а бесчисленные индивиды – листья.

Каждый листок имеет свою форму, свою частную жизнь и свой жизненный сок, но он не может жить без ветки, как и ветка не живет сама по себе, а благодаря стволу.

Злые люди – это засохшие листья и мертвая кора дерева. Они опадают, разлагаются и превращаются в удобрение, которое возвращается в дерево через корни.

Еще каббалисты сравнивают злых людей или отверженных с экскрементами великого тела человечества.

Эти экскременты служат удобрением земле, которая приносит плоды, чтобы питать тело; так смерть всегда возвращается к жизни, и даже само зло служит к обновлению и питанию добра.

Таким образом, смерти не существует, и человек никогда не выходит из мировой жизни. Те, кого мы называем мертвыми продолжают жить в нас, и мы живем в них; они на земле, потому что мы здесь, и мы на небе, потому что они там.

Чем больше живем в других, тем меньше нужно бояться смерти. Наша жизнь после смерти продолжается на земле в тех, кого мы любим, и мы черпаем в небе, чтобы дать им ее безмятежность и мир.

Причащение духов неба к земле и земли к небу происходит естественно, без возмущений и чудес; мировой разум – как свет Солнца, покоящийся сразу на всех звездах, и который отражают звезды, освещая друг друга во время ночи.

Святые и ангелы не нуждаются ни в словах, ни в стуках, чтобы дать себя услышать; они думают в наших мыслях и любят в нашем сердце.

Добро, совершить которое у них времени, они внушают нам, и мы делаем его за них, и они радуются об этом в нас, и мы разделяем с ними воздаянис, ибо воздаяние духа увеличивается, когда его разделяют, и то, что дают другому, то удваивают в себе.

Святые страдают и работают в нас, и они будут счастливы лишь когда все человечество будет счастливым, потому что они составляют часть невидимого человечества.

Человечество имеет в небе голову, которая сияет и улыбается, на земле – тело, которое работает и страдает, и в аду, который для наших мудрецов является чистилищем, – ноги, которые скованны и горят.

Итак, голова тела, ноги которого горят может улыбаться лишь в силу мужества, смирения и надежды; голова не может радоваться, когда ноги горят.

Все мы члены одного тела, и человек, который пытается выжить и уничтожить другого человека, напоминает правую руку, которая из зависти пытается отрезать левую.

Тот, кто убивает, тот убивает себя; тот, кто калечит – калечит себя; кто ворует – обворовывает себя; кто ранит – ранит себя, ибо другие пребывают в нас, как и мы в них.

Богатые тоскуют, ненавидят друг друга, и жизнь им становится отвратительной; даже само их богатство мучает их и подавляет, потому что есть бедные, которые нуждаются в хлебе.

Тоска богатых – это тревоги бедных, которые страдают в них. Бог осуществляет свое правосудие посредством природы, а свое милосердие посредством своих избранных.

Если ты помещаешь свою руку в огонь, то природа безжалостно обожжет тебя; но милосердный человек сможет перевязать и исцелить твой ожог.

Закон нерушим, но любовь безгранична.

Закон карает, но любовь прощает. Сама по себе пропасть никогда не отдает свою добычу, но в нее можно кинуть веревку тому, кто упал в нее.

ГЛАВА 2

ПЕРЕХОД ДУХОВ, ИЛИ ТАЙНА СМЕРТИ

Когда человек засыпает последним сном, он первым делом попадает в некое сновидение, прежде чем проснется с другой стороны жизни.

Каждый тогда видит в приятном сновидении или в ужасном кошмаре рай или ад, в который он верил во время своего бренного существования.

Именно поэтому очень часто испуганные души неистово пытаются вернуться в жизнь, которую только что покинули, и мертвые, вполне мертвые, когда их похоронили, оживают в могилах.

Тогда душа, не смея больше умереть, начинает прикладывать неслыханные усилия, чтобы сохранить некоторого рода растительную жизнь своего тупа.

Она вдыхает во время своего сна флюидную энергию живых и переносит ее в погребенное тело, на котором растут волосы, как ядовитая трава, и красная кровь которого окрашивает его губы.

Эти мертвецы стали вампирами; они живут благодаря одной посмертной болезни, у которой есть свой кризис, как и у других, и которая заканчивается ужаснейшими судорогами, во время которых вампир, в попытке уничтожить себя, грызет себе руки.

Люди, подверженные кошмарам, могут представить себе ужасы адских видений. Эти видения являются наказанием жестокой веры и мучают наипаче суеверных верующих и фанатичных аскетов; воображение творит себе мучителей, и эти

чудовища, в бреду, за которым следует смерть, представляют-
ся душе со страшной реалистичностью, они ее окружают, на-
падают на нее и разрывают ее, пытаясь поглотить.

Мудрец, наоборот, окружается блаженными видения-
ми, ему кажется, что он видит своих друзей, ушедших прежде
него, и он улыбается им. Но все это, – мы уже сказали, – всего
лишь сновидение, и душа скоро проснется.

Тогда она меняет среду, она оказывается над атмосферой,
которая отвердевает под ногами ее оболочки, ставшей более
легкой. Эта оболочка более или менее тяжелая, она не может
подняться над своей новой почвой; есть и другие, которые, на-
оборот, возносятся и парят по воле в пространстве, как орлы.

Но симпатические связи всегда привязывают их к земле,
на которой они жили, и на которой они чувствуют себя жи-
выми более, чем когда-либо, потому что как только обосо-
блявшее их тело разрушилось, они осознают мировую жизнь
и причащаются радостям и страданиям всех людей.

Они видят Бога таким, каким он есть, т.е. везде присутст-
вующим в бесконечной точности законов природы, в правде,
всегда торжествующей во всем, и в бесконечной любви, кото-
рая является причастием избранных. Они страдают, – сказа-
ли мы, – но они надеются, ибо они любят, и они счастливы в
страдании. Они мирно вкушают мягкую горечь жертвы и яв-
ляются славными, но всегда кровоточащими, членами вели-
кой вечной жертвы.

Духи, сотворенные по образу и подобию Бога, являются
творцами, как и он, и как и он, они могут творить лишь свои
образы. Дерзкие и необузданные воли производят лишь лярв и
призраков, воображение имеет силу образовывать воздушные
и электромагнитные коагуляты, которые некоторое время от-

ражают мысли, а наипаче заблуждения человека или круга людей, которые их выпускают в мир. Эти творения эксцентричных недоносков истощают разум и жизнь тех, кто их породил, и их общим характером есть глупость и зложелательство, потому что они являются плачевными плодами необузданной воли.

Кто не растит свой разум во время своей жизни, тот остается после смерти в состоянии ступора и заторможенности, полного тревог и беспокойств; они едва ли осознают себя, они пребывают в пустоте и в ночи, будучи не в состоянии ни подняться, ни опуститься, и не имея возможности общаться ни с небом, ни с землей. Они понемногу вытягиваются из этого состояния избранными, которые их наставляют, утешают и просвещают, затем их допускают до новых испытаний, природа которых нам неизвестна, ибо невозможно, чтобы один и тот же человек рождался дважды на одной и той же земле. Лист дерева, упав однажды, больше не прикрепляется к ветке. Гусеница становится бабочкой, но бабочка никогда вновь не становится гусеницей. Природа закрывает двери за всем проходящим и толкает жизнь вперед. Один и тот же кусок хлеба не возможно съесть и переварить дважды. Формы проходят, мышление остается и больше не берет вновь то, что оно однажды использовало.

ГЛАВА 3

ОБ ИЕРАРХИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ДУХОВ

Есть духи высшие, есть низшие, есть также и срединные.

Среди духов высших также можно различать более высших, менее высших и тех, что держатся середины.

Точно так же и для духов срединных и для низших духов.

Это дает нам три класса и девять категорий для духов.

Эта естественная иерархия людей заставила предположить по аналогии три царства и девять чинов ангелов, затем, от обратного, – три круга и девять ступеней ада.

Вот что мы читаем в одном древнем Ключике Соломона, впервые переведенного с еврейского:

«Теперь я дам тебе ключ от царства духов.

Этот ключ тот самый, что и от таинственных чисел Йециры.

Духи управляются естественной и всемирной иерархией вещей.

Три повелевают тремя посредством трех.

Есть духи свыше, духи снизу и духи середины; затем, если вы перевернете святую лестницу, если вы углубитесь вместо того, чтобы подниматься, то вы найдете противоиерархию скорлуп, или мертвых духов.

Но знай, что небесные начала, силы и власти не являются личностями, но званиями.

Они являются ступенями святой лестницы, по которой поднимаются и опускаются духи.

Михаэль, Габриэль, Рафаэль и другие – это не имена, но титулы.

Первое из чисел – единица.

Первый из божественных замыслов, называемый Сефирот, – Кетер, или венец.

Первая категория духов – Хайот ха-Кадош, или духи божественной тетраграммы, буквы которой изображены у пророка Иезекииля теми таинственными животными.

Их империя – это империя единства и синтеза.

Они соответствуют видению.

Они имеют своими противниками Тамиэлей, или двухголовых, демонов мятежа и анархии, двумя главами которых, постоянно враждующими друг против друга, являются Сатана и Молох.

Второе число – двойка, вторая Сефира – Хохма, или мудрость.

Духи мудрости – Офанимы, имя, означающее колеса, потому что в небе все функционирует, как огромные шестерни, усеянные звездами. Их империя – это империя гармонии.

Они соответствуют разуму.

Они имеют своими противниками Шагиделей, или скорлупы, которые цепляются за материальные и ложные видимость. Их глава, или скорее их проводник, ибо злые духи никому не подчиняются, – Вельзевул, имя которого означает бог мух, потому что мухи кишат над разлагающимися мухами.

Третье число – тройка.

Третья Сефира – Бина, или ведение.

Духи Бины – Аралимы, или сильные.

Их империя – творение идей; они соответствуют деятельности и энергии мышления.

Они имеют своими противниками Сатаризэлей, или демонов абсурда, умственной инертности и тайны.

Глава Сатаризэлей – Люцифуг, ошибочно называемый Люцифером, как Эвмениды, которые являются фуриями, называются на греческом Грациями.

Четвертое число – четверка; четвертая Сефира – Гедула, или Хесед, – великолепие или доброта.

Духи Гедулы – Хашмалимы, или прозрачные.

Их империя – империя благотворения; они соответствуют воображению.

Они имеют своими противниками Гамшиколов, или возмутителей душ.

Глава или проводник этих демонов – Астарот, или Астрата, – нечистая Венера сирийцев, которую изображают с головой осла или быка и женскими грудями.

Пятое число – пятерка, пятая Сефира – Гвура, или правда.

Духи Гвуры – Серафимы, или духи, горящие ревностью.

Их империя – империя наказания за преступления.

Они соответствуют способности сравнивать и выбирать.

Они имеют своими противниками Галабов, или поджигателей, гениев гнева и бунтов, глава которых – Асмодей, которого также называют черным Самаэлем.

Шестое число – шестерка; шестая Сефира – Тиферет, высшая красота.

Духи Тиферет – Малахимы, или цари.

Их империя – империя мировой гармонии.

Они соответствуют суду.

Они имеют своими противниками Тагариримов, или спорщиков, глава которых – Бельфегор [или Ваал-Фегор].

Седьмое число – семерка; седьмая Сефира – Нецах, или победа; духи Нецах – Элоимы, или боги, т.е. представители Бога.

Их империя – империя прогресса и жизни; они соответствуют *sensorium*, или чувствительности.

Они имеют своими противниками Хараб-Серапелей, или воронов смерти, глава которых – Ваал.

Восьмое число – восьмерка; восьмая Сефира – Ход, или вечный порядок; духи Ход – Бени-Элоим, или сыны богов.

Их империя – империя порядка; они соответствуют половому чувству; они имеют своими противниками Самаэлей, или вояк, глава которых – Адрамелех.

Девятое число – девятка; девятая Сефира – Иесод, или основополагающее начало.

Духи Иесод – Херувимы, или ангелы, власти, которые делают землю плодородной и представлены в еврейском символизме в виде волков.

Их империя – империя плодородия.

Они соответствуют истинным идеям.

Они имеют своими противниками Гамалиэлей, или непристойные, царица которых Лилит является демоном абортот.

Десятое число – десятка; десятая Сефира – Малхут, или царство форм.

Духи Малхут – Ишимы, или мужи, это души святых, глава которых – Моисей.³²

Они имеют своими противниками людей нечестивых, которые подчиняются Нахеме, демону нечистоты.

Нечестивые изображаются пятью проклятыми народами, которых надлежало уничтожить Иисусу Навину.

Иисус, или Иегошуа спаситель является образом Мессии.

Его имя составлено из букв божественной тетраграммы, превращенной в пентаграмму путем добавления буквы Шин – יהשה.

Каждая буква этой пентаграммы представляет одну власть добра, атакуемую пятью проклятыми народами.

Ибо реальная история Божьего народа является аллегорической легендой человечества.

Пятью проклятыми народами являются: Амаликитяне, или агрессоры, Геборимы, или жестокие, Рефаимы [Нав. 12:4], или трусливые, Нефалимы, или сладострастные, Енакимы [Нав. 11:21], или анархисты.

Анархисты побеждены Йод, которая есть жезл отца.

Жестокие побеждены Хе, которая есть нежность матери.

32 Не будем забывать, что это говорит Соломон. Прим. перев.

Трусливые побеждены Вау, которое есть меч Михаэля и порождение через труд и скорбь.

Сладострастные побеждены вторым Хе, которое есть болезненные роды матери.

Наконец, агрессоры побеждены Шин, которая есть огонь Господа и уравнивающий закон правосудия.

Князьями извращенных духов являются ложные боги, которым они поклоняются.

Ад, таким образом, управляется лишь законом рока, который наказывает извращение, и который исправляет заблуждение, ибо ложные боги не существуют, кроме как в ложном мнении им поклоняющихся.

Ваал, Ваал-Фегор, Молох, Адрамелех были идолами сирийцев, бездушными идолами, ныне уничтоженными, от которых осталось одно лишь имя.

Истинный Бог победил всех этих демонов, как истина побеждает заблуждение. Это произошло в общественном мнении людей, и войны Михаила против Сатаны – это образы движения и прогресса духов.

Дьявол всегда является отброшенным богом.

Общепринятые идолопоклонства являются религиями своего времени.

Устаревшие идолопоклонства являются суевериями и святотатством.

Пантеон модных призраков – это небо невежественных.

Клоака призраков, которой больше не хочет даже безумие – это ад.

Но все это существует лишь в воображении обывателя.

Для мудрецов же, небо – это высший разум, а ад – это безумие.

Понятно, что мы используем здесь слово «небо» в мистическом смысле, который ему придаем, противопоставляя слову «ад».

Чтобы вызывать призраков, достаточно опьянеть или обезуметь. Призраки – это спутники опьянения или умопомрачения.

Фосфор воображения, предоставленный всяческому прихотям перевозбужденных и больных нервов, наполняется чудовищами и нелепыми видениями.

Также можно достичь галлюцинаций, смешивая бодствование со сном через размеренное употребление возбуждающих и наркотических средств; но подобные дела являются преступлениями против природы.

Мудрость прогоняет призраков, и мы вступаем в общение с высшими духами через созерцание законов природы и изучения священных чисел.»

Здесь царь Соломон обращается к своему сыну Ровоаму.

«Помни, сын мой Ровоам, что страх Адонаев есть лишь начало мудрости.

Поддерживай и сохраняй тех, кто не имеют ведения в страхе Адонаевом, который тебе даст и сохранит мою корону.

Но сам научись побеждать страх мудростью, и духи снизойдут с неба служить тебе.

Я же, Соломон, отец твой, царь Израиля и Пальмиры, я искал и обрел себе в удел святую Хохму, которая есть мудрость Адоная.

И я стал царем духов, как неба, так и земли, владыкой обитателей воздуха и душ живых моря, потому что я обладаю ключом от потайных дверей света.

Я совершил великие дела силою Шема Хамфораш [Шем ха-Мефораш] и тридцатью двумя путями Йециры.

Число, вес и мера определяют форму вещей; субстанция одна, и Бог творит вечно.

Блаженны знающие буквы и числа.

Буквы являются числами, и числа – идеями, и идеи – силами, и силы – Элоимами. Синтез Элоимов – это Шема.

Шема одна, столпов у нее два, сил у нее три, форм – четыре, отражений она дает восемь, умножив которые на три получите двадцать четыре престола мудрости. На каждом престоле пребывает венец с тремя цветками, каждый цветок носит одно имя, каждое имя есть абсолютная идея. Есть семьдесят два имени на двадцати четырех венцах Шемы.

Напишешь эти имена на тридцати шести талисманах, по два на каждом талисмани, по одному с каждой стороны. Разделишь эти талисманы на четыре ряда по девять в каждом, согласно числу букв Шемы.

На талисманах первого ряда нанеси букву Йод, изображаемую расцветшем жезлом Аарона, на второго – букву Хе, изображаемую чашей Иосифа.

На третьего – Вау, изображаемую мечом Давида, моего отца.

И на четвертой – конечную Хе, изображаемую золотым сикелем [монета].

Тридцать шесть талисманов будут книгой, которая будет содержать все секреты природы. И с помощью их различных сочетаний ты заставишь говорить гениев и ангелов.»

(Здесь заканчивается отрывок из Ключика Соломона.)

ГЛАВА 4

КАББАЛИСТИЧЕСКИЕ ДОГМАТЫ

(извлеченные из сборника каббалистов Пистория)

1

Novem sunt hierarchiae.

Девять – число иерархии.

Это мы объяснили в предыдущей главе.

2

Schema misericordiam dicit, sed et iudicium.

Божественное имя обозначает милосердие, так как означает правосудие.

Бесконечное, распространяя свою власть на конечное, необходимо должно наказывать, чтобы исправлять, а не мстить. Силы греха не превосходят силы грешника, и, если кара была бы больше обиды, то каратель, ставший палачом, был бы настоящим преступником, в одночасье непростительным и единственным достойным вечной муки. Мучимый вне меры становится Богом, и именно это древние изобразили Прометеем, которого делают бессмертным укусы его ворона, и который должен свергнуть Юпитера.

3

Peccatum Adae fuit truncation Malchuth ab arbore sephirotica.

Грех Адама – это Малхут, спавшее с сепиrotического древа.

Чтобы обрести личное и независимое существование, человеку пришлось отпасть от Бога. Это-то и происходит при рождении. Ребенок, приходящий в мир, – это дух, отпавший от лона Бога, чтобы вкусить плода с древа познания и воспользоваться свободой. Вот почему Бог дает ему кожаные ризы. Он приговорен к смерти через само свое рождение, которое и есть его грех; но этим грехом, который его делает свободным, он заставляет Бога искупить его, и он становится завоевателем истинной жизни, которая не существует без свободы.

Cum arbore peccati Deus creavit speculum.

Древо греха было орудием творения мира.

Страсти человека побуждают его к битве жизни; но они ведут его к гибели, если у него нет разума, чтобы победить их и поработить. Так в нем создается та добродетель, которая есть духовная сила, и для этого необходимы искушения. Ибо сила создается прямо пропорционально сопротивлению. Так, согласно Зохар, Бог, чтобы создать относительное, проделал отверстие в абсолютном. Время кажется лакуной в вечности, и в Библии сказано, что Бог раскаялся, что сотворил человека. Итак, раскаиваются разве лишь в ошибке, и творение является, так сказать, грехом самого Бога.

Magnus aquilo fons est animarum.

Великий север – источник душ.

Жизнь нуждается в тепле. Народы мигрируют с севера на юг, и инертные души жаждут деятельности. Именно чтобы найти эту деятельность, они приходят в мир. Они холодны в своем первичном бездействии, ибо их творение не завершено. Человек должен соучаствовать в своем творении. Бог начинает его, но он сам должен закончить его. Если бы не надлежало ни родиться, ни умереть, то он спал бы в вечности Бога и никогда не стал бы завоевателем своего собственного бессмертия.

Caelum est Keter.

Небо есть Кетер (Венец).

У каббалистов нет имени для обозначения верховной монархии, они говорят лишь о венце, который доказывает существование царя, и говорит здесь, что этот венец – это небо.

Animae a tertio lumine ad quartam descendunt, inde ad quintam ascendant. Dies unus. Post mortem noctem subintran.

Души, дочери третьего света, спускаются аж до четвертого, затем они поднимаются до пятого, и это один день. Когда настает смерть – это ночь.

В Боге, как и в человечестве, число три выражает рождение, любовь; это третье лицо или божественный замысел, это то, что каббалисты выражают тем третьим светом, откуда спускаются души, чтобы достичь четвертого, который есть естественная и стихийная жизнь. Отсюда они должны подняться до пятого, которое есть пентаграммная звезда, символ квинтэссенции, символ воли, которая управляет стихиями. Затем они сравнивают жизнь с одним днем, за которым следует одна ночь, заставляя предчувствовать пробуждение, за которым последует новая жизнь.

Sex dies geneseos sunt sex litterae Bereschith.

Шесть дней Бытия – это шесть букв слова בראשית

Paradisus est arbor Sephiricus. In medio magnus Adam est
Tiphereth.

Рай – это древо Сефирот; великий Адам, посреди его, – это Тиферет.

Quatuor flumina ex uno fonte. In medio unius sunt sex et dat
decem.

Четыре источника Эдема выходят из одного источника, посреди которого имеется их шесть, и все вместе дают десять.

Эти три пункта означают, что история земного рая является аллегорией. Земной рай – это истина на земле. Описание, которое дает Библия об этом саду, содержит священный числа Каббалы. История творения мира, которая предшествует описанию Эдема, является не столько рассказом, сколько символом, выражающим вечные законы творения, краткое изложение которых содержится в шести иероглифических буквах слова בראשית.

Factum fatum quia fatum verbum est.

Событие есть неизбежность, потому что неизбежность есть разум.

Верховный разум управляет всем, и в нем нет никакой неизбежности; все, что есть, должно было быть. Все, что происходит, должно происходить. Свершившееся событие бесповоротно, как судьба; но судьба – это разум верховного ведения.

Portae jubilaeum sunt.

Врата являются пятидесятилетиями.

Есть пятьдесят врат познания согласно каббалистам, т.е. общая классификация из пяти отраслей по десять частных наук, образующие все вместе общую и универсальную науку. Когда пройти по всем этим отраслям, то войдем в юбилей [пятидесятилетие] истинного знания, изображенного великим юбилеем, который имеет место каждые пятьдесят лет.

Abraham semper vertitur ad austrum.

Авраам всегда обращается к южному ветру.

То есть к ветру, который приносит дождь. Доктрины Авраама, т.е. Каббалы, являются всегда плодотворными доктринами. Израиль является народом действительных идей и продуктивного труда. Сохраняя сокровище истины, страдающей

с удивительным терпением, трудясь с редкой мудростью и неустанным умением, народ Бога должен завоевать мир.

14

Per additionem He Abraham genuit.

Через добавление Хе Авраам стал отцом.

Авраам сначала назывался Авраом. Бог, – говорит Библия, – добавил одно Хе к его имени, объявив ему, что он станет отцом множества народа.

Хе – это женская буква божественной тетраграммы. Она представляет дееслово и его плодородие, она является иероглифическим знаком реализации.

Догматом Авраама является абсолют, и его начало по сути реализаторское.

Иудеи не мечтают в религии, они думают, и их действие всегда направлено на умножение, как семьи, так и богатства, которое поддерживает семью и позволяет ей расти.

15

Omnes ante Mosem per unicornem prophetaverunt.

Все пророки, приходившие до Моисея, клялись
единорогом.

То есть, видели лишь одну сторону истины. Рог, в еврейском символизме, означает власть, а наипаче власть мысли. Единорог, сказочное животное, имеющее один рог посреди лба, является образом идеала; вол, или херувим, наоборот, является символом силы, действующей в реальности. Поэтому-

то Юпитер, Аммон, Осирис, Изида изображались с двумя рогами на лбу; поэтому-то Моисей также изображался с двумя рогами, один из которых является трубой Слова, а другой – рогом изобилия.

16

Mas et faemina sunt Tiphereth et Malchuth.

Мужчина и женщина являются красотой Бога и его царством.

Красота раскрывает Бога. Природа являет себя дочерью Бога, потому что она красива. Сказано, что красота – это блеск истины, и этот блеск освещает мир, он является смыслом бытия. Эта красота, это идеал, но этот идеал не является истинным, пока он не реализован. Божественный идеал – как супруг природы, это он заставляет ее влюбиться и делает ее матерью.

17

Copula cum Tiphereth et generatio tua benedicetur.

Женись на высшей красоте, и твое потомство будет благословенно.

Если брак свят, то и потомство будет свято. Дети рождаются порочными, когда они зачаты во грехе. Нужно возвысит и облагородить любовь, чтобы освятить брак. Если люди, сближаясь, поддаются инстинкту, общему у них с животными, то они будут порождать животных с человеческим обликом. Истинный брак соединяет в одночасье души, умы и тела, и дети, которые из него произойдут будут благословенны.

Daemon est Deus inversus.

Дьявол – это перевернутый Бог.

Дьявол не что иное, как антитеза Бога, и если бы он мог иметь реальное существование, то Бог однозначно не существовал бы.

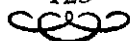
Дьявол лжец, как и ее отец [в Евангелии сказано, что дьявол отец лжи, но Элифас в этих словах почему-то увидел отца дьявола], – сказал Иисус. Итак, какой у дьявола отец? Отцом дьявола является ложь. Дьявол отрицает то, что утверждает Бог. Следствием этого является то, что Бог отрицает то, что смеет утверждать дьявол. Дьявол утверждает свое собственное существование, и Бог, заставляя всегда торжествовать добро, дает Сатане вечное опровержение.

Duo erunt unum. Quod intra est fiet extra et nox sicut dies illuminabitur.

Два составляют одно. Что внутри, то проявится снаружи, и ночь будет освещена, как день.

Бог и природа, авторитаризм и свобода, вера и разум, религия и наука – вот вечные начала, примирить которые еще не удалось. Однако, они существуют, и поскольку они не могут самоуничтожиться, то обязательно нужно, чтобы они примирились.

Способ их примирить в том, чтобы их хорошенько развести и уравновесить друг другом. Тень необходима свету. Именно ночи отделяют и измеряют дни. Да не ищет женщина сде-

латься мужчиной, и мужчина да никогда не узурпирует власть над женщиной, но оба да соединятся, чтобы дополниться. Чем больше женщина остается женщиной, тем больше она заслуживает любви от мужчины; чем больше мужчина является мужчиной, тем больше он внушает доверия женщине.

Разум – это мужчина; вера – это женщина.

Мужчина должен оставить за женщиной ее тайны, женщина должна оставить за мужчиной ту независимость, которой он любит жертвовать ради нее. Да никогда не оспаривает отец права матери в ее материнском владении; но мать да никогда не покушается на отцовскую верховную власть мужчины. Чем больше они уважают друг друга, тем теснее они соединяются. Вот решение проблемы.

20

Paenitentia non est verbum.

Раскаяние не состоит в действии.

Истинное покаяние состоит ни в сожалениях, ни в слезах. Когда заметили, что делаем злое, нужно немедленно развернуться и делать доброе. Какая польза мне бить себя в грудь и заливать слезами, как ребенок или как трус, раз уж я ступил на ложный путь? Нужно вернуться назад и бежать, чтобы наверстать потерянное время.

Excelsi sunt aqua australis et ignis septemtrionalis
et praefecti eorum. Sile.

Вода является царицей Юга, а огонь – Севера. Храни
молчание об этой тайне.

Будем хранить молчание, ибо так заповедали учителя. Добавим лишь к их формуле то, что может послужить к ее объяснению:

Гармония проистекает из аналогии противоположностей;

Противоположности управляются противоположностями посредством гармонии;

Царь гармоний является учителем природы.

In principio, id est in Chocmah.

Вначале, т.е. мудростью.

Мудрость есть начало всего, что существует вечно; все начинается и заканчивается ею, и когда Священное Писание говорит о начале, оно подразумевает вечную мудрость. Вначале было Слово, т.е. в вечной мудрости было Слово. Предполагать, что Бог после вечного бездействия вдруг решил творить, – это предполагать две огромные нелепости: 1) вечность, которая кончается; 2) Бог, который меняется. Слово Берешит, с которого начинается Бытие обозначает буквально в голове или головой, т.е. в мысли или мыслью, которая у Бога является вечной мудростью.

Viae aeternitatis sunt triginta duo.

Есть тридцать два пути, ведущие в Вечность.

Этими тридцатью двумя путями являются десять чисел и двадцать две буквы.

С десятью числами связываются абсолютные идеи, как с единицей – бытие, с двойкой – равновесие, с тройкой – рождение и т.д.

На еврейском числа изображаются буквами, а сочетания букв дают сочетания чисел и также идей, которые с точностью следуют разворачиваниям чисел; это делает из оккультной философии точную науку, которую можно было бы назвать арифметикой мышления.

Оккультной книгой, которая служит этим сочетаниям, является Таро, составленное из двадцати двух аллегорических изображений из букв и чисел, и четырех рядов по десять, носящих символы, аналогичные четырем буквам божественного имени тетраграмматической Шемы.

Каждый из этих рядов можно сократить до девяти, потому что на самом деле есть лишь девять цифр, а десятка есть повторением единицы.

Четырежды девять дает тридцать шесть – число талисманов Соломона, и на каждом талисмане имеется два таинственных имени, что дает семьдесят два имени Шема Хамфораш.

Г-н де Мирвилль вопрошает, кого мы хотим убедить, что Таро со своими языческими изображениями является Шема Хамфораш раввинов. Мы не хотим никого в этом убеждать. Мы достаточно это доказываем тому, кто потрудиться изучить это с нами.

Да, верно, что языческие изображения, египетские и пр. не принадлежат ортодоксальному иудаизму. Таро существовало в Индии, в Египте и даже в Китае и одновременно у евреев. Дошедшее до нас Таро – самаритянское. Идеи иудейские, но символы простонародные и очень близки иероглифам Египта и мистицизму Индии.

24

Justi aquae, Deus mare.

Праведники – воды, Бог – море.

Все воды идут к морю, и все из него исходят, но не все воды являются морем. Итак, духи исходят из Бога и возвращаются к Богу, но они не Бог. Мировой дух, живая Вселенная, пантеистичный идол не является Богом. Бесконечное существо, наделенное бесконечной жизнью раскрывает Бога, но не является Богом. Как начало бытия и существ, Бог не может поглотиться ни бытием, ни каким либо из существ. Так что же такое Бог? – Это непостижимое, без которого ничего невозможно понять. Это тот, которого утверждает вера, не видя его, с тем чтобы дать основание науке. Это невидимый свет, тенью которого является весь видимый свет. Это то, о чем вечно сновидит человеческий гений, чувствуя, что он сам являет-

ся лишь сновидением его сновидения. Человек делает Бога по своему образу и подобию, и он восклицает: Вот как Бог сделал меня. Вот как Бог сделался человеком. Вот как человек сделался Богом. Ищем Бога в человеке, и найдем человека в Бога.

25

Angeli apparentiarum sunt volayiles caeli et animantia.

Птицы неба и животные земли являются ангелами
внешней формы.

Животные безвинны и живут фатальной жизнью; они рабы внешней и низшей природы, как ангелы являются слугами природы божественной и высшей; они носят аналитические фигуры мышления, которое синтезируется в человеке; они представляют специфицированные силы природы; они пришли в мир прежде человека, чтобы объявить миру приближающийся приход человека, и являются дополнениями к его телу, как ангелы небесные являются дополнениями его души. Что вверху – как то, что внизу, и что внизу – как то, что вверху. Ряд распределяет гармонию, и гармония проистекает из аналогии противоположностей.

26

Litterae nominis sunt Danielis regna.

Буквы тетраграммы являются царствами Даниила.

Животные Иезекииля изображают небесные силы, а животные Даниила представляют власти земли. Их четыре, по числу стихий и сторон света. Эдем Моисея, этот круговой сад, разделенный на четыре четырьмя реками, которые вытекают из одного центрального источника, это круговое поле Иезекииля (*circumduxit me in gyro* [обвел меня кругом, – Из. 37:2]),

оживляемое четырьмя ветрами, и тот океан Даниила, круговой горизонт которого разделен между четырьмя животными – являются аналогичными друг другу символами, и содержащимися в четырех иероглифических буквах, которые составляют имя Иегова.

27

Angelus sex alas habens non transformatur.

Ангел с шести крылах никогда не преобразается.

Совершенно уравновешенный дух больше не изменяется. Символические небеса числом три: божественное небо, философское небо и природное небо. Крылья истинного созерцания, крылья просвещенного мышления и крылья науки, соответствующей бытию – вот шесть крыльев, которые дают устойчивость духам, и которые мешают им преобразаться.

28

Litterae sunt hieroglyphicae in omnibus.

Священные буквы являются полными иероглифами, которые выражают все идеи.

В том смысле, что путем сочетания этих букв, которые являются также и числами, получают сочетания идей, всегда новых и строго точных, как арифметические операции, – что и является самым великим чудом и высшим могуществом кабалистической науки.

Absconde faciem tuam et ora.

Покрывай лицо твое при молитве.

У иудеев есть обычай при молитве с большой собранностью покрывать свою голову накидкой, которую они называют талит. Эта накидка египетского происхождения и напоминает накидку Изиды. Она означает, что святое должно скрывать от осквернителей, и что каждый должен возносить к Богу лишь тайные помыслы своего сердца.

Nilla res spiritualis descendit sine indumento.

Дух никогда не спускается без облачения.

Облачение духа напрямую зависят от среды, через которую он проходит. Как легкость или тяжесть тел заставляет их подниматься или опускаться, так и дух одевается, чтобы спуститься, и раздевается, чтобы подняться. Мы не можем жить в воде, и духи, освобожденные от земных тел, не могут жить в нашей атмосфере, как мы уже об этом говорили и повторяли в других местах.

*Extrínsecus timor est inferior amore,
sed intrínsecus superior.*

Внешне страх ниже любви, но внутренне любовь ниже страха.

Есть два вида страха: страх корыстный и страх бескорыстный, страх боли и страх зла [т.е. страх совершить зло].

Итак, страх зла, будучи любовью к правде, полностью чистый и бескорыстный, является более благородным, чем корыстная любовь тех, кто делают добро лишь ради воздаяния.

32

Nasus discernit proprietates.

Нос различает свойства.

В символизме Зохар божие долготерпение изображено длиной носа, которую дают аллегорическому образу Бога. Человечество, наоборот, изображается с коротким носом, потому что оно мало понимает и легко раздражается. На бытовом жаргоне «иметь нос» означает иметь тонкость в рассуждении и тактичность в поведении. Нюх собаки является в некотором роде прозорливостью. Предчувствовать – это в некотором роде пронюхать.

33

Anima bona, anima nova filia Orientis.

Добрая душа – новая душа, пришедшая с востока.

Есть две доброты: первородная доброта, которая есть невинность, и приобретенная доброта, которая есть добродетель. Нова душа, дочь Востока, чиста, как восходящий день, но она должна пройти сквозь испытание, где ее чистота потускнеет, затем она должна будет очиститься через жертву. Делается ли все это за одно или за несколько воплощений? – Это нам тяжело узнать. Мы сказали, почему последовательные воплощения кажутся нам невозможными; добавим, что

каббалисты первого ранга никогда его не допускали. Вместо перевоплощения они допускали эмбрионат, т.е. тесный союз двух душ, одной уже усопшей и другой еще живущей на земле; той, которая мертвая, предстоит еще исполнить свой долг на земле, и делает она это посредством живой. Таким образом, личности остаются нетронутыми, и Илия, не прекращая быть Илией, может ожить в Иоанне Крестителе. Поэтому Моисей и Илия явились на Фаворе, как присяжные Иисуса Христа; но сказать, что Иисус был перевоплощением Моисея, означало бы уничтожение или личности Моисея, или личности Иисуса.

34

Anima plena superiori conjungitur.

Когда душа полна, она соединяется с высшей душой.

Души соединяются через мышление и любовь, несмотря на расстояния. От солнца к солнцу, от вселенной к вселенной, они могут не только общаться друг с другом, но и предстоять друг перед другом. Вот так совершаются, согласно раввинам, два феномена: эмбрионата и протектората. Мы уже сказали, что подразумевается под эмбрионатом; протекторат же – это помощь освобожденной души, которую та оказывает страждущей душе, принятие воинствующего духа через духа славного и торжествующего; другими словами – помощь святого, который делается ангелом хранителем какого-нибудь праведника. Эти гипотезы утешительные и прекрасные; это все, что мы можем о них сказать, они выводятся из догмата сплоченности душ, истекающего из их творения и их коллективного существования.

Post deos rex verus regnabit super terram.

Когда больше не будет ложных богов, на земле воссядет истинный царь.

Идолопоклонство – это культ произвольного деспотизма, и цари мира сего сделаны по образу богов, которым поклоняется их земля. Бог, который бесконечно наказывает конечных существ, после того как сотворил их бранными и наложил на них закон, противоречащий всем наклонностям их природы, да так что сам этот закон не был ясно доведен до всех, так вот, этот Бог разрешает все варварства самодержавий. Когда люди поймут Бога праведного, тогда они получают соответствующих царей. Вера рождает общественное мнение, а общественное мнение освящает власти. Божественное право Луи XI было связано с Богом Доминика и Ии́а V. Богу Фенелона и святого Винсента де Поля мы обязаны современной филантропии и цивилизации. Когда человек развивается, Бог идет; когда он поднимается, Бог возрастает. Сияние человеческой мысли, остановленной на божественной цели, отражается на человечестве; ибо эта цель есть не что иное, как зеркало. Это отражение идеального мира становится светом реального мира. Правы формируются по верованиям, и политика является результатом нравов.

Linea viridis gyrat universa.

Зеленая линия кружит вокруг всего.

Каббалисты на своих пентаклях изображали божественный венец зеленой линией, которая окружает другие изображения. Зеленый цвет является союзом двух главных цветов

спектра – желтого и синего, – образов Элоимов, или великих властей, которые сводятся к Богу и соединяются в нем.

37

Amen est influxus numerationum.

Аминь есть влияние чисел.

Слово аминь, которое заканчивает молитвы, есть подтверждение умом и согласие сердцем. Таким образом, чтобы это слово не стало богохульством, нужно чтобы молитва была разумной. Это слово является как бы умственной подписью; этим словом верующий подтверждает свои слова и делает себя по подобию своей молитвы. Аминь – это принятие открытого счета между Богом и человеком. Горе тому, кто плохо считает, ибо с ним обойдутся, как с поддельщиком! Сказать аминь после того, как сформулировал заблуждение, – это обречь свою душу на ложь, персонифицированную Сатаной. Сказать аминь после того, как сформулировал истину, – это заключить союз с Богом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛОЖНЫЕ ДУХИ, ИЛИ ПРИЗРАКИ, ВИДЕНИЯ, ВЫЗЫВАНИЯ, ФЕНОМЕНЫ НЕКРОМАНТИИ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

ГЛАВА 1

ДУХИ В БИБЛИИ. –

ДУХ ЕЛИФАЗА. – ТЕНЬ САМУИЛА, ВЫЗВАННАЯ ВОЛШЕБНИЦЕЙ ИЗ АЭНДОРА

Настанет день, когда поймут Библию, и тогда узнают, какие сокровища древней науки скрыты под столькими символами и образами; тогда узнают, что «Бытие», например, не только лишь история образования мира, но изложение вечных законов, которые управляют непрерывным и всегда обновляющимся творением существ; тогда расшифруют иероглифы, которые вызвали столько насмешек Вольтера; тогда узнают, как херувим, т.е. вол (Европы и Митры), может с мечом в кулаке сторожить врата в сад знания. Сейчас эти аллегории завуалированы, и эти великие памятники иератической древности продолжают оставаться закутанными в своем одиночестве и в своем безмолвии, подобно великим пирамидам, которые терзают глаз, ничего определенного не говоря мысли, и о которых точно не известно, являются ли они научными памятниками или гробницами.

Среди книг Библии есть одна, которая больше всего удивляет нас великолепием своей поэтической формы и своими душевными глубинами; мы говорим о книге Иова, быть может самом древнем, но уж точно самом замечательном синте-

зе, который нам остался от философского и магического догмата древнего посвящения.

Эта книга объясняет возникновение и причины зла, она указывает на цель человеческой жизни и ее страданий. Это легенда о скорбящем. Эта аллегория прозрачна, сами имена персонажей указывают не на индивидуумов, но на типы. Иова, – имя которого означает «скорбящий», – навещают в его горе три лукавых друга, которые под предлогом утешения причиняют ему лишь еще большее мучение и скорбь. Один – Елифаз, ревнитель Бога или пуританин своего времени. Второй – Виллад, любитель старых представлений. Третий – Софар, мрачный и злорадный философ. Они навещают Иова в земле Уц, имя, которое означает «совет», и со всей жестокой невинностью простоты они объединяют свои усилия, чтобы свергнуть его в отчаянье.

Первым начинает говорить Елифаз, и так как он представляет собой высокомерное легкоеверие, он приводит в поддержку того, что он говорит, свидетельство некоего духа.

Некто, – говорит он, – обратился к нему с словом, некто неизвестный, лица кого он не видел, но задрожал от страха, волосы на теле его встали дыбом, и он почувствовал, как перед его лицом пронеслось как бы легкое дуновение, которое прошептало неопределенные слова. Он наострил уши и собрав все свои силы собрал разорванные нити этого шепота некой тени. Вот медиум древних времен, и мы видим, читая этот отрывок, что автор книги Иова прекрасно знал этого гения видящих и точный характер видений.

Книгу Иова приписывают Моисею, и это не без основания, ибо красота этой поэмы ничем не уступает гимнам великого пророка евреев; здесь то же вдохновение, здесь то же величие образов. Но, Моисеева она или нет, однозначно эта священная

книга является трудом великого иерофанта, и самая высшая наука находится здесь в соединении с самыми возвышенными чаяниями веры.

Так что нужно тщательно изучить и поразмыслить над словами этого труда. Но сперва заметим, что из трех друзей Иова видящий, медиум, – как говорят в наши дни, – является самым мрачным и самым отчаявшимся. Его учения заставляют усомниться в истине и приводят в небытие или в ад великое множество людей. Итак, кто же ввел в него эти догматы отчаянья? – Некий дух, которого он не знает, но слова которого сопровождаются его ночными ужасами; вот что он рассказывает.

«И вот, ко мне тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него.

Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей,

Объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои.

И дух прошел надо мною; дыбом стали волосы на мне.

Он стал, – но я не распознал вида его, – только облик был пред глазами моими; тихое веяние, – и я слышу голос» [Иов. 4:12-16].

Хорошенько обратим внимание на все обстоятельства: речь идет о моменте, когда ночь достигает наибольшей глубины, в час, когда безмолвие природы предрасполагает душу к страху, и о том моменте, когда бодрствование помрачается, когда душа захлебывается в первых парах сна, когда разум уже пленен.

Тогда видящего охватывает страх без явной причины, его кровь возбуждается и стягивается к сердцу, конечности охлаждаются, он дрожит, как от лихорадки, дрожь расплзается по его коже, его волосы и борода встают дыбом, и именно в этом состоянии, предвещающем галлюцинации, ему кажется, что он видит или слышит, как проходит дух.

Начинает смутно прорисовываться призрак в тени, он ищет и не находит лица у этой фигуры, и он слышит голос, как бы из глубины себя, который напоминает слабое дыхание; вот естественное явление, полностью соответствующее этому – кошмар первого сна, душа сновидца, пугающаяся самой себя. Он со страхом прислушивается к ночному и приглушенному эху своих собственных мыслей, и он их облачает с рассеянным вниманием в слова отчаянья.

Человеке, – говорит он, – бесполезно пытаться быть праведным пред Богом; Бог находит недостатки даже в сердцах своих ангелов. Неразумное стадо, – человечество, – толкается на краю пропасти, и все обречены упасть навсегда в зияющую ночь смерти. Творение оставляет пятна на небе, и Бог спешит их стереть; они все проходят и умирают, не найдя мудрости.

Вот так ночь проповедует ночь и смерть провозглашает смерть. Неведомый кошмар открывает лишь невежество и обрекает свою жертву на вечный кошмар. Сохрани нас, Господи, – говорит Давид в книге Псалмов, – от страшилища, бродящего в ночи.³³

Это легкое дуновение, это едва слышимое хрипение, этот призрак без лица поразительным образом характеризуют эту иллюзию и заблуждение; это почти ничто и тишина, это ветер, который, кажется, говорит низким голосом, задевая складки савана, это воспоминания, которые угасают в движущейся и

33 В Псалтыри подобной фразы не нашёл. – Прим. перев.

поглощающей волне сновидения; и человек, которого охватывает сновидение уже не знает, спит он или бодрствует; однако он рассуждает во время своего сна, и, проснувшись назавтра, он будет говорить так, как если бы еще грезил.

Нельзя не удивляться, с каким искусством автор книги Иова обрисовал характер суеверных людей, представленных Елифазом; его знание начинается с ночного страха; и разве оно само не является унынием и страхом. Оно черно, как ночь, слепо и без лица, как призрак. Это гордыня безумца, который находит удовольствие в своем безумии и который утешается тем, что приводит в отчаянье, доставляя себе желчную радость тем, что толкает других в отчаянье.

Все ставшие на путь преступления из-за своего неверного понимания религии были видящими; Жака Клемана³⁴ и Равальяка³⁵ преследовали неизвестные тени, и они слышали во время своих бессонных ночей легкое дуновение Елефаза. Голос, который говорит «Убей» и который говорит «Отчайся и умри», – оба выходят из могилы.

Но эта могила есть могила нашего разума, и мертвые не возвращаются, кроме как в наши сновидения; также и состояние медиомании, разве оно не является разновидностью сновидения, – это сомнамбулизм со всем многообразием своих исступлений. Углубитесь в феномены сна, и раскроете причину всех тайн спиритизма.

Вот почему закон Моисея, также как и закон христианства, осуждает духов Пифона и всех, которые гадают посредством Об'а. Поясним эти выражения. Пифон – слово, которое позаимствовали еврейские толмачи для обозначения великого

34 Жак Клеман (1567–1589) – религиозный фанатик, убийца французского короля Генриха III. – Прим. перев.

35 Франсуа Равальяк (1578–1610) – убийца короля Франции Генриха IV. – Прим. перев.

астрального змия, бессознательного живого огня, рокового вихря физической жизни, того, который обвивает Землю, кусая себя за хвост, и которого Солнце пронзает со всех сторон своими стрелами, т.е. своими лучами; этот змий, который искусил Еву и которому раздавливает голову своей стопой обновленная женщина, он же всегда пытается ужалить ее в пятку. Об – это пассивный свет, ибо еврейские каббалисты дают три имени этой мировой субстанции, действующему началу творения, которое принимает все виды, уравниваясь с помощью двух сил. Активный называется Од; пассивный называется Об; уравновешенный называют Аур. Од пишется через «вау-далет» [т.е. ו], что иероглифически обозначает любовь и силу; Об – через «вау-бет» [т.е. ב], но в Библии пишется так: וַיב, и обозначает любовь и слабость, или роковое влечение; Аур – через «алеф-вау-реш» [т.е. אור], и обозначает начало любви восстанавливающей. (Смотрите в нашем «Догмате и ритуале высшей магии» соответствия еврейских букв с иероглифами и числами великих ключей самаритянского Таро). Те, кто гадают через Об, являются, таким образом, толкователями рока [фатальности]. Итак, тот, кто у него советуется, тем самым соглашается с роком; он отдается ему, выбрав его в качестве оракула. Тем самым он дает смерти задаток, он ослабляет свою свободную волю. Те, кто соучаствуют в таком гадании, напоминают знахарей, которые публично продавали яды, и Моисей, учитывая нравы своей страны и своего времени, не был слишком строг, когда он приговаривал таковых к смерти.

Барон Райхенбах, назвав Од'ом астральный свет, отыскал одно из истинных каббалистических имен мирового света, но он его употребил не точно, обобщив его. Од – это свет управляемый или даже ведомый; это астральный свет, вознесенный до состояния света славы. Что до сомнамбулического флюида, его нужно называть Об'ом, ибо таково его настоящее имя, и мы вынуждены признать,

что наши настоящие сомнамбулы, когда они не управляются магнетизером, властвующим над Од'ом, становятся гадательницами через Об, или дух Пифона, о котором говорит Святое Писание.³⁶ Те же, кто у них консультируются, совершают тем самым то безрассудство или то богохульство, которое и толкнуло Саула, оставленного Богом, в пещеру волшебницы из Аэндора.

Некоторые толкователи, среди которых числится и святой Мефодий по прозвищу Эввул, бывший епископом Тира в начале IV-го века³⁷, считает Аэндорскую волшебницу ловкой шарлатанкой, которая обманула доверчивость царя Израиля. Сначала она прикинулась, что не узнала царя, затем, вдруг, как если бы ей демон открыл правду, она упала на колени перед Саулом. Это театральное представление ей удалось, маниакальный царь ее успокаивает и всем своим видом показывает свое ей полное доверие; он приказывает ей вызвать Самуила. Тогда волшебница совершает тысячу конвульсий и тяжело падает на землю. Что ты видишь? – Кричит ей Саул, весь дрожа. – Вижу богов, выходящих из земли, где я вижу поднимающимися силы земли. – Что еще ты видишь? – Вижу старика, закутанного в плащ. – Это Самуил, – говорит доверчивый монарх. Тогда колдунья, конечно же, тайно преданная Давиду [«дух Самуила» сказал Саулу, что царем будет Давид, а он погибнет], издает своим чревом зловеющий голос. Это голос Самуила, который осыпает проклятьями и угрозами. Саул, больше мертвый, чем живой, не хочет больше ни пить, ни есть, – он уже побежден; он идет на битву, как на казнь; филистимляне окружают его на горе Гелвуде, и

36 Видимо речь идет о рассказе об Аэндорской волшебнице (1 Цар. 28); в латинской Библии слово «волшебница» (на евр. שִׁבְלֵית - *shiblayit*-*od*) переведено как «имеющая пифона» [*habens pythoneum*], а слово «поворожи» переведено как «погадай через пифона» [*Divina in pythone*]. Слово שִׁבְלֵית (пифон) толкуется как «подземный дух, входящий в волшебников». – Прим. перев.

37 В русской традиции его называют Мефодием Олимпийским или Патарским. – Прим. перев.

он падает на свой меч, вместо того чтобы защищаться. Ну разве он не лишился у этой гадалки своей свободной воли и своего разума? Поникший царь и неспособный отныне править, человек, недостойный вести людей, он, объявивший смертную казнь колдунам и всем у них консультирующимся, он, умирая, показал себя еще меньше царем и, убив себя сам, отдал последнюю дань справедливости.

Ученому-епископу из Тира действительно было противно думать, что мир такой могилы, как могила Самуила, могла быть потревожена святотатственными вызываниями какой-то отверженной женщины; он, конечно же, помнил те решительные слова из Евангелия в притче о неправедном богаче [притча о богаче и Лазаре]: *Chaos magnum firmatum est* [утверждена великая пропасть]. Утвержден великий хаос, так что те, кто вверху, не могут больше спуститься вниз [ср. Лк. 16:26]; и по этому вопросу наш ученый друг, достойный сожаления г-н Луи Люка [Louis Lucas], сделал одно крайне разумное замечание. Природа, – говорил он, – открывает перед жизнью все свои двери, заботясь о том, чтобы их закрыть за нею, чтобы она никогда не смогла вернуться назад. Посмотрите на сок в растениях, посмотрите на питательные соки в змеевике кишок, посмотрите на кровь в венах; постоянное движение всегда толкает их вперед, и, когда они проходят, проводники сжимаются и сужаются. Живые существа высшей сферы, – добавляет он, – не могут больше ниспасть в нашу, как и новорожденный ребенок не может вернуться в утробу своей матери; мы думаем об этом так же, как и он, и мы не верим, что душа Самуила могла прийти из другого мира, чтобы еще раз проклясть несчастного Саула. Для нас, Аэндорская волшебница была видящей, наподобие экстатичных Каанье, она, через сомнамбулизм, вступила в связь с унылой душой царя Израиля и вызвала ее призраки. Из глубины сознания убийцы священников и пророков, а не из расселины в земле восстал кровавый призрак Самуила, и когда эта сивила повторила

утробным голосом анафемы и угрозы, то она всего лишь прочитала их в угрызениях совести, в мыслях самого Саула.

ГЛАВА 2

(продолжение предыдущей)

ВОСКРЕСШИЕ МЕРТВЫЕ. – СЫН СОНАМИТЯНКИ. – МОГИЛА ЕЛИСЕЯ.

Древние евреи верили, как и современные, в бессмертие души. Однако Моисей не сделал ни одного упоминания об этом в Пятикнижии. Действительно, этот догмат был сохранен для посвященных, и, чтобы найти его во всей его красоте, нужно проникнуть в святилище Каббалы. Моисей, чьим великим делом было отдалить свой народ от идолопоклонства, знал, что плохо просвещенная вера в бессмертие души приведет к культу предков, а он не хотел, чтобы евреи стали китайцами. Он не хотел, чтобы народ Авраама и Иакова взял из Египта поклонение трупам, он не хотел, чтобы у храма Бога живого был погреб, населенный мумиями. Действительно, сохранение трупов – это оскорбление природы, ибо это искусственное продление смерти. Моисей боялся также дать повод для некромантии и, кажется, задолго предвидел эпидемию с разговаривающими столами и стукающими духами.

Опасно возбуждать воображение у толпы, но позднее христианство не избежало этой опасности. Презы о небе вскоре заставили презреть землю, и люди не достаточно напоминали себе, что, согласно слову Учителя, воля Бога должна быть и на земле, как на небе. То, что внизу, есть как то, что вверху, – сказал Гермес Трисмегист, – и то, что вверху, есть как то, что внизу; когда варварство на земле, оно также и на небе в представлениях людей. Я призываю в свидетели фанатизм Средних веков и бога инквизиторов.

Религия Моисея была рационализмом без нежности, а христианство было вначале нежностью без рационализма. Нужно многое прощать тем, которых много любим. Почитать мертвых, которые нам дороги, – это, конечно, же, ошибка, но разве есть непростительное преступление? Впрочем, для нас нет мертвых, – все живы. Даже наши мощи, эти останки костей, которые вызывают такой ужас у иудейского пуританства, больше не являются частями трупов. Воодушевленные общей верой, орошенные слезами надежды, согретые теплом всех, они являются семенами воскресения и залогом вечной жизни. Израильтяне, отдайте хоть немного дани уважения святому безумию любви, и вы более легко приведете нас к суровости догмата через снисхождение разума!

Верить в воскресение мертвых – это верить в бессмертие души. Итак, евреи верили в воскресение мертвых. Илия воскресил сына вдовы из Сарепты [3 Цар. 17], Елисей – сына сонамитянки [4 Цар. 4], и мертвец, которого бросили как есть в могилу этого пророка, воскрес от прикосновения к его костям [4 Цар. 13:21]. Два воскрешения – сына вдовы и сына сонамитянки кажутся уж слишком похожими друг на друга. Как бы то ни было, рассказ о последнем содержит подробности магических операций крайне заслуживающих внимания. Ребенок сонамитянки умер от кровоизлияния в мозг в результате солнечного удара. Елисей сперва посылает своего слугу Гиезия, доверяя ему свой собственный жезл. Поднеси его, – сказал он ему, – к лицу ребенка, и приложи его к нему. Гиезий отправился с этим посохом, но то ли по неумению, то ли от недостатка веры, его действие ни к чему не привело, и он вернулся без результата. Тогда Елисей сам подходит к ребенку и принимает-ся разогревать его путем приложения и искусственного дыхания. Он прикладывает свое лицо к его лицу, свои ладони к его ладоням, свои ноги к его ногам; затем, ради того чтобы восстановить силы, он делает перерыв и прохаживается по комнате; наконец он возобновляет свое магнетического приложе-

ние, и ребенок возвращается к жизни. – Вот что мы читаем в четвертой книге Царств.

Мы уже сказали в нашем «Догмате и ритуале высшей магии», что воскресение не кажется нам невозможным, если жизненно важные органы не повреждены.

Природа в действительности ничего не делает внезапно, и естественная смерть всегда предваряется неким состоянием, которое очень близко к летаргии. Это некое оцепенение, которое может победить сильное потрясение или магнетизм могучей воли, и вот как объясняется воскрешение того мертвого, брошенного на кости Елисея. Этот человек, вероятно, и был в таком состоянии летаргии, которое обычно предваряет смерть. Те, кто его несли, испугались, увидев приближение полчищ разбойников из пустыни, и бросили как есть труп в открытую могилу пророка, чтобы спрятать его от неверных. Душа этого умершего, конечно же, парила в низших областях атмосферы, еще плохо отцепленная от своей брэнной оболочки; страх его родных передался этой душе симпатически, она испугалась, что ее останки могут быть осквернены необрезанными, и вынужденно вошла в свое тело, чтобы поднять его и спасти. Это воскрешение объясняют прикосновением к костям Елисея, и культ мощей, вполне вероятно, начался с этого времени. Ясно, что евреи, считающие священной книгу, где рассказана эта история, не должны находить ничего дурного в культе, который католики установили в отношении костей и других останков своих святых. Так почему же, например, кровь святого Януария должна иметь меньше силы, чем скелет Елисея?

*ДУХИ В ЕВАНГЕЛИИ. – ДЕМОНЫ,
ОДЕРЖИМЫЕ И ПРИВИДЕНИЯ*

Иисус называет Сатану «князем мира сего» [Ин. 12:31, 14:30, 16:11]; таким образом, это некая сила, власть которой действует на земле.

Это не есть духовная сила, ибо тогда она исключала бы силу Бога.

Иисус сказал, что он видел его падающим с неба, как молнию или в виде молнии [Лк. 10:18]. Так что это есть материальная сила, аналогичная электричеству.

Иисус сказал, что Сатана есть лжец, а также и отец ее [Ин. 8:44]³⁸, потому что отцом Сатаны является дух лжи, который придает заблуждению личность.

Плохо пользоваться силами природы – это порождать Сатану.

Зачинать все без Бога – это зачинать Сатану. Дьявол – это пантеизм без головы.

Это человек с головой козла.

Это животный инстинкт вместо регулирующего разума.

Это тень, которая отрицает тело.

Это горшок, который отрицает горшечника.

³⁸ Элифас Левин здесь неправильно понял последнюю часть этой фразы. Дело в том, что фразу «ainsi que son père» можно понять двояко: «как и отец ее (т.е. Сатана - отец лжи)» и «как и отец его (т.е. отец Сатаны)», и именно этот последний смысл подразумевает Элифас, как следует из продолжения этого предложения; но в своем «Догмате» Элифас сам цитирует книгу Иова, из которой явствует, что отцом Сатаны является Бог: -- Прим. перев.

Это кошмар, это абсурд разума, отрицающий абсурд веры.

Это случай, утверждающийся против правила; это скорченная рожа, оскорбляющая красоту; это небытие, которое говорит: Я есть Бог.

Сатана – это безумие, а одержимые бесом являются безумцами.

Один немой, другой рвет свои одежды и прячется в могилах; другой бросается то в огонь, то в воду и, кажется, подвержен приступам к самоубийству. Что все это? – Душевные болезни, и Иисус, приписывая большинство и других болезней Сатане, т.е. испорченному электричеству, говорит, обращаясь к одной скорченной и согнутой вдвое женщине: «Вот дочь Авраамова, которая была связана Сатаной!» [Лк. 13:16]. Как видим, здесь Сатана является персонификацией самой физической болезни. «Связанная Сатаной» здесь, очевидно, означает «связанная нервной болезнью или ревматизмом». Впрочем, древний змей [из книги Бытия] не мог быть Сатаной Мильтона³⁹. Это был самый вкрадчивый и самый хитрый из зверей, – говорит священный текст, и Бог, чтобы его наказать, приговорил его ползать на своем чреве и есть землю; наказание, которое не имеет ничего общего с традиционным огнем ада. Также верно, что реальный змей, а не аллегорический, ползал и до греха Евы и никогда не ел землю; так что здесь имеем аллегорию; здесь речь идет о том астральном огне, который ползает и грызет, о том земном огне, который питает физическую жизнь, давая смерть. Это же самое и с Сатаной, который может делать скорченными или парализованными старых дочерей Авраама. А что думать о том легионе демонов, которые, будучи изгнаны из тела одержимого, попросили как милости приютиться в стаде свиней, которые взбесились и бросились в Тивериадское озеро? [Лк. 8:33]. Разве

39 См. «Потерянный Рай» Джона Мильтона. – Прим. перек.

это не есть еврейская притча, цель которой показать, насколько свинья является нечистым животным?

Если принимать подобные истории буквально, то Вольтер был тысячу раз прав, когда смеялся с этого. Но ведь известно, что буква убивает, и только дух животворит [2 Кор. 3:6]. Мы этим не хотим сказать, что такое событие само по себе не возможно. Ярость собак передается людям, так почему бы ярости людей или некоторым диким безумствам не передаваться животным? Но то, что падшие ангелы, что нечистые¹⁰ духи, посланные в ад, находят облегчение в том, чтобы утонуть в виде свиней; то, что Спаситель мира, высший воплощенный разум, соглашается на это отвратительное и нелепое деяние, – вот чего даже самый простой здравый смысл не может принять.

Когда нечистый дух изгнан из тела человека, – сказал Спаситель, – то он ходит по безводным местам, ища покоя, найти которого не может; тогда говорит: возвращусь в дом, который я покинул. Итак, он идет, и, находя его выметенным и убраным, идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и они входят все вместе и обустриваются там, и состояние больного становится хуже, чем было раньше [Мф. 12:43-45]. Если понимать это символическое высказывание в демонологическом смысле, то сам Иисус, исцеляя одержимых, совершал дурные поступки, потому что, согласно его же собственному учению, он подвергал их этим самым в семь раз более жестокой одержимости. Но здесь речь идет о душевных болезнях, которые часто только усугубляются, когда их пытаются вылечить. Если вы изгоняете одну иллюзию из головы безумного, то вскоре возвращаются семь других, более безумных, чем первая. Поэтому-то Иисус скрывал от толпы высшие истины своего учения и раскрывал их лишь малому кругу посвященных, и то облачая их в притчи. Он боялся нечистого духа, который именует себя легион, или множество. Я хочу, –

40 В оригинале «снистые», – явная опечатка. – Прим. перев.

говорил он, – чтобы эти люди слышали и не понимали, чтобы смотрели и не видели, ибо боюсь я, что могут они обратиться [Мф. 13:15]. Увы! Он предчувствовал религиозные войны, резни и костры; он задолго предвидел, как римская империя погрузится в кровь гонений, и как яростный фанатизм приговорит к смерти любовь, которая молится и прощает. Он изгнал немого беса [Мф. 9:32-33], – это был культ идолов, и он видел, как приходят семь бесов болтливых, – семь главных грехов, поднявшихся в богословах Церкви. Вот почему он предпочитал молчать, когда сам, быть может, он уже слишком много сказал. Также, когда он был предан и отвергнут своими, оклеветан и проклят священниками, обвинен перед судьями, предан на поношение презренной толпе, которая требовала его смерти, он хранил полное молчание, он ничего не ответил Пилату, он ничего не захотел сказать Ироду; да и что им сказать, чего ради? Они недостойны и неспособны его понять. Наконец, когда он испил до остатка чашу неблагодарности, когда он ощутил приближение смерти, находясь на кресте, и будучи не в состоянии сделать для людей, которых он любил, ничего иного, кроме того, чтобы сделать их еще более виновными и более злыми, тогда его сердце сокрушилось, кажется, он засомневался в себе, и издал тот страшный вопль: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? [Мф. 27:46].

Когда он испустил дух, – говорит Евангелие, – задрожала земля, померкло Солнце, разодралась завеса храма сверху донизу, растреснулись камни, разверзлись могилы, из которых вышли мертвые и явились многим людям [Мф. 27:51-53]. Если принимать это буквально, то история обязательно упомянула бы кое-что из этого страшного события. Дрожание земли было бы всеобщим, и помрачение Солнца было чем-то другим, чем простым затмением. А какие камни потрескались? Все камни? Тогда города должны были бы разрушиться. Некоторые камни? Какие? И почему эти, а не те? Мертвые вышли из своих могил? В каком состоянии? В таком ли, в каком они

там были? В состоянии гниения и скелеты, или с новыми телами? Тогда это было бы настоящим воскресением. Но Писание называет Иисуса Христа первенцем из мертвых, т.е. первым воскресшим, а в этот момент Иисус только умер. Итак, буква здесь не выдерживает никакой критики, так что нужно обратиться к духу, т.е. к аллегории.

Иисус Христос действительно умер, и старый мир содрогнулся; он уже не восстановится от этого потрясения, и римский колосс развалится на осколки. Завеса храма разодралась, т.е. самые сокровища тайны иудейской религии были раскрыты. Солнце померкло, т.е. древние культы Востока, которые принимали Солнце за самый совершенный образ Бога, потеряли свою силу. Над землей восходило живое солнце, оно исчезло, чтобы возродиться, дни души нашли свой светоч. Камни потрескались, т.е. самые окаменелые сердца не смогли устоять перед невероятной кротостью великой жертвы. Могилы сами пооткрывались, ибо смерть упустила ключи от вечных дверей. Мертвые восстали и, кажется, заранее воскресли, потому что смерть, торжествующая над великим множеством жертв, получила смертельный удар от самой смерти, и бессмертие души сделалось некоторым образом видимым на земле. – Таков смысл, истинный смысл, единственно возможный и разумный смысл этих священных слов, понимаемых буквально столькими детьми, к которым нужно отнести и имбецильных теологов средневековья.

Что же касается появлений самого Иисуса Христа, мы не будем их касаться, ибо они находятся целиком в ведении веры. Мы лишь заметим, что они ничуть не подтверждают идеи спиритизма, ибо Иисус Христос являлся не как мертвый, а как живой. Это не было в духе, в плоти и кости он оказывался посреди своих учеников, он приглашал их дотронуться до него, он просил у них поесть, он действительно ел и пил с ними. Святой Фома дотрагивался до него и находил его тело осязае-

мым и реальным. И все же это тело проходило сквозь закрытые двери. Вот нечто из иного мира, и ничто действительно не может объяснить этого. Это осязаемое и реальное тело, это тело, которое состоит из плоти и кости, это тело, которое есть хлеб и мед, появляется и исчезает, как фантазмагория. Однозначно в этом есть некая тайна. Первые христиане, вынужденные скрываться, имели свои притчи и свой оккультизм. Они писали, лишь чтобы быть понятыми посвященными. История о явлении [Иисуса] идущим в Эммаус может пролить немного света на эти тайны [См. Лк. 24:13-53].

Двое странников проходили недалеко от селения Эммаус, это были ученики Иисуса, и они с грустью беседовали о насильственной смерти их учителя. К ним приблизился какой-то неизвестный странник и упрекнул их за их печаль; он объяснил им писание, напомнил им слова учителя до смерти: «Вы одно со мною, как и я одно с моим Отцом. Видящий меня видит Отца, и видящий вас меня видит. Слушающий вас меня слушает, и когда вас двое или трое собраны во имя мое, там я посреди вас» [Ин. 14:9; Лк. 10:16; Мф. 18:20].

Говоря так, они подошли к постоялому дому, странник взял хлеб, благословил его и преломил, – как делал Иисус Христос на Тайной Вечери, – и тогда открылись глаза у двух учеников, и они узнали, что по слову его, Иисус Христос действительно предстал посреди них; они его понимают воскресшим и всегда видимым среди своих, всегда присутствующим в своей Церкви. Они, таким образом, причастились из руки самого Иисуса Христа, и после причастия они его больше не видят. Здесь кратко и завуалировано выражена вся тайна священства. Священник, который служит мессу является настоящим Иисусом Христом для веры присутствующих, и доказательством этому есть то, что священник, произнося священные слова, не говорит: Сие есть тело Христа, но говорит, как сказал Учитель: Сие есть тело мое. Тогда верующий больше не видит священника,

но видит Иисуса Христа, дающего ему свое тело, и он действительно принимает священное тело Иисуса Христа; но после этой жертвы Иисус исчезает, и остается лишь честный клирик, который, вычитывая низким голосом стихи своего «Te Deum» [гимн «Тебя Бога хвалим»], возвращается в свою ризницу [место в храме, где хранится облачение священника].

В церкви Сен-Жерве в Париже можно видеть одну настенную роспись Жигу⁴¹, прекрасно изображающую, как нам представляется, тайну воскресения Спасителя. Это не раскат грома, это не гробница, разверзающаяся среди падающих солдат; это могила, открывающаяся сама собой, это свет, распускающийся, как утренний цветок, еще слабо, как сумерки, но уже достаточно сильно, чтобы ярко осветить зрителей этой картины. Христос не возносится, он ступает вперед с невозмутимостью вечности. Его вид – вид обучающего божественному, кажется, что его нимб медленно увеличивается в оттенках радуги, и вокруг него начинает разворачиваться новое небо. Стражники ни поражены, ни напуганы, они стоят, как оцепенелые, и не без восхищения и, быть может, не без смутной надежды, ибо разве не для них, – бедных наемников римского мира, – пришло Искупитель, чтобы восторжествовать над смертью? Все на этой картине спокойно, и художник добился великолепных результатов самой великой простотой. Когда раз увидят эту картину, то ее всегда будут видеть в памяти, и невольно ее созерцают с неугасающей эмоцией. Испытываемое при этом чувство является как бы восхищением мысли, как бы исступлением для сердца.

Именно у искусств и нужно наипаче требовать откровений прогресса. То, чего философ еще не сказал, или не осмеливается сказать, то художник угадывает, и он нам позволяет заранее помечтать о том, что однажды нам придется узнать.

41 Жан Франсуа Жигу – французский художник. – Прим. перев.

ИСТОРИЯ СВЯТОГО СПИРИДОНА И ЕГО ДОЧЕРИ ИРИНЫ

В середине четвертого века, в Тримифунте на острове Кипр жил святой епископ Спирдон, один из отцов Никейского собора. Это был добрый и уважаемый старик, бедный, как Христос, кающийся, как подвижник, и милосердный, как апостол. Он был женат, и его жена, умерев, оставила ему дочь, именем Ирина, которая обрекла свою душу на молитву, а свое тело на девство. Он жил с ней в одной хижине, окруженной маленьким садом, который епископ обрабатывал сам.

Он был советом всей земли, Ирина — ее ангелом хранителем; она заботилась о больных и посещала бедных, воодушевляла их и подавала им милостыню от полноты сокровищницы своего сердца. Затем, она молилась, постилась, бдела, пока не пошатнулось ее здоровье и ее душа не оторвалась от земли.

Едва выйдя из катакомб, христианская Церковь, которую Константин покрыв своим багрянцем, кажется уже тогда была поражена болезнью, которая пожрала Геракла, когда он прикоснулся окровавленного хитона Деяниры; она разрывалась, агрессивный арианизм и бурное православие рвали ее на куски. Коварный жестокий Констанций [отец императора Константина] как раз освежил кровью своего рода багрянец мантии Константина. Юлиан [племянник Константина, впоследствии император] изучал философию в Афинах, и посреди достойного сожжения спора богословов и риториков, предчувствуя, но не желая смириться с великим крушением империи, возмечтал о добродетелях другого века, и в опустевших покинутых старых храмах он плакал, вспоминая о славе древних богов.

Христианство и в самом деле обрекло старый мир на смерть, и давало святых, не улучшая общественные нравы; более того,

разложение спешило занять место новой жизни. Мирская Церковь уже имела ужасных епископов, таких как Георгий Каппадокийский [Александрийский епископ, арианин], святые, как никогда раньше, верили в близящийся конец мира и бежали в пустыню. Спиридон и его дочь были подвижниками, как святой Павел Отшельник и как святой Антоний, но они понимали, что вся божественная жизнь заключается в духе любви. Итак, Спиридон был оставлен епископом, и чтобы дать понять нашим читателям, как он понимал любовь, мы сейчас расскажем одну историю из его жизни.

Был конец поста, поста, каким постился Спиридон; скудная пища сорокадневного поста кончилась, было это в день Страстной Пятницы. Спиридону предстояло провести этот день и последующий безо всякой пищи, у него ничего не было, ничего, кроме куска законченной свинины, хранившейся до праздника Пасхи, когда в его дверь постучал один истощенный и жаждущий странник. Епископ Тримифунта принял его с радостью и окружил его отцовской заботой; но он вскоре понял, что его гость вот-вот упадет от истощения. Что же делать? Уже поздно, никто поблизости не проживает, город достаточно далеко. Спиридон долго не думал. Он отрезал кусок солонины, сварил его и подал страннику. Но тот с удивлением и страхом отверг его. Я христианин, отче, – сказал он епископу, как же ты предлагаешь мне сегодня плоть в пищу! Считаешь ли ты меня способным так оскорбить своей невозддержанностью смерть Христа, нашего учителя?

– И я христианин, как и ты, сын мой, – кротко ответил ему Спиридон, – и, более того, я епископ, то есть пастырь и врач. И как врач я подаю тебе это питание, единственное, которое я могу тебе предложить. Ты истощен, и, быть может, завтра будет слишком поздно спасать твою жизнь; так что ешь эту пищу, что я благословляю и живи. – Никогда, – возразил странник, – ибо ты мне советуешь то, чего не делаешь сам.

– То, чего, быть может, я не сделал бы ради самого себя, – сказал старик, – то я определенно сделаю ради тебя, как и ты сделаешь для меня, о чем прошу. Вот, хочешь, я поднесу к своему рту немного этого мяса, чтобы убедить тебя взять его без зазрения совести?

И святой Спиридон взял и съел немного свинины, чтобы убедить своего гостя сделать также; ибо любовь, в его понимании, была законом более ценным, чем закон воздержания и поста.

Вот каковым был святой Спиридон Тримифунтский, вот каковой была также и его дочь Ирина.

Эти два земных ангела имели одно сердце и одну душу. Когда Спиридон ходил по своей епархии, Ирина присматривала за скитом и принимала там нищих, паломников и приходящих за добрым советом; все то, что она делала или говорила, заранее одобрялось ее отцом, и Ирина, со своей стороны, говорила лишь то, что говорил сам Спиридон, и совершала те же добрые дела, которые совершал и он.

Эти двое святых были на короткое время разлучены той работой возрождения, которую мы привыкли называть смертью. Младшая была призвана первой к освобождению. Ирина угасла спокойно, как лампа, у которой закончилось масло. Спиридон исполнил свой последний долг перед ней, но он ее не оплакивал, ибо она его не покидала, он чувствовал ее более, чем когда-либо, в своей мысли и в своем сердце. Ему казалось, что у него две памяти и два мышления. Ирина, быть может, обрела свой рай в душе блаженного Спиридона.

Эти подробности были необходимы, чтобы объяснить следующую историю.

Во время отсутствия Спиридона, один христианин, уезжая в длительное путешествие, дал в руки Ирине некоторую сумму денег, все свое состояние. Ирина закопала этот скарб и никому об этом не рассказала.

Когда этот христианин вернулся, Ирина уже умерла, и великим было удивление святого епископа, когда его спросили о скарбе, о котором он не имел ни малейшего понятия.

Тогда он отправился на могилу Ирины и воззвал к ней трижды громким голосом. И Ирина ответила из глубины могилы, и сказала: Отец мой, отец мой, чего от меня хочешь? – По крайней мере, так гласит легенда.

– Что ты сделала с деньгами, которые наш брат доверил тебе? – сказал Спиридон.

– Отец мой, я их закопала в таком-то месте.

Отец откопал и нашел скарб нетронутым.

Очевидно, что эта история вымышлена в том, что касается деталей, но она могла бы быть истинной в своей основе.

Никто не будет предполагать, что души мертвых, а наипаче души праведников остаются заключенными в могилах, чтобы ощущать там медленное разложение плоти и костей.

Итак, Ирина не была в земле. То, что святой человек отправился на могилу своей дочери, чтобы вызвать воспоминания и достичь через магнетическую симпатию второго зрения, – в этом мы не видим ничего невозможного. Мы верим в тесный союз святых душ, которых смерть не может разлучить. Бог заполняет то пространство, которое отделяет небо от земли, и не оставляет пустоты между сердцами. Итак, воспоминания Ирины могли передаваться Спиридону; к тому же,

кто знает, не рассказывала ли случайно эта святая дочь своему отцу о том скарбе? Его почтенный возраст и многочисленные заботы о своей епархии, быть может, вытерли у него из памяти это событие. Разве нам не приходится часто восхищаться какой-либо мыслью, как новой, которую мы уже когда-то высказывали или даже писали? А сколько смутных воспоминаний преследует нас, и кто может указать место, которое занимают воспоминания, уже множество раз стертые в грезах нашего бодрствования и в сновидениях нашего сна?

Сейчас мы сопоставим с этим откровением Ирины своему отцу Спиридону одно менее давнее и менее известное событие.

Речь идет о Сильване Марешале [Sylvain Maréchal], эксцентричный человек прошедшего века, который считал себя ярым атеистом.

Итак, Сильван Марешал не признавал существования Бога, и, чтобы быть последовательным, он также отрицал и бессмертие души; он даже сочинял стихи (плохие), чтобы защитить это плохое дело. Впрочем, это был человек почтенный, любимый женщинами и уважаемый своими друзьями.

Когда с ним разговаривали о смерти, он обычно говорил, что это великий сон и нравоучительно добавлял такое двустишие, один из своих грехов против Аполлона:

Посним до лучших времен,

Спать будем долго.

Он, которого прогресс его века привел к атеизму, он немного сомневался в прогрессе и совсем не верил в наступление лучшего времени; атеизм, как правило, является отчаяньем малодушной веры.

Люди, которые не верят в бессмертие души, умирают, увы, как и другие. Сильван Марешал увидел приход часа великого сна. Его жена и одна подруга, некто мадам Дюфур, не спали возле него; началась агония. Вдруг умирающий, как если бы нечто вспомнил, сделал огромное усилие, чтобы что-то сказать. Обе дамы наклонились к нему... Тогда, едва слышимым голосом, он произнес эти слова: Есть пятнадцать... и голос выдохся. Он попытался сказать снова, и еще раз прошептал: Пятнадцать; но было невозможно догадаться о продолжении. Его губы снова слегка зашевелились, затем, издав большой вздох, он умер.

На следующую ночь мадам Дюфур, отправляясь спать, не успела еще погасить свою лампу, как услышала, как легонько открывается ее дверь. Она заслонила рукой свет и посмотрела. Сильван Марешал был посреди ее комнаты, одетый, как и обычно в жизни, ни грустный, ни веселый.

– Дорогая мадам, – сказал он ей, – я пришел сказать вам то, что я не смог закончить вчера: Есть пятнадцать сотен франков золотом, спрятанные в одном потайном ящике моего кабинета; позаботьтесь, чтобы эта сумма не попала в какие-либо другие руки, кроме рук моей жены.

Мадам Дюфур, скорее удивившись, чем испугавшись этого мирного приведения, сказала вернувшемуся с того света:

– Что ж, мой дорогой атеист, полагаю вы теперь верите в бессмертие души.

Сильван Марешал грустно улыбнулся, слегка покачал головой, и ответил, повторив в последний раз свое двусмысленное:

Поспим до лучших времен,

Спать будем долго.

Затем он вышел. Тогда мадам Дюфур пробрал страх, что доказывает, что лишь теперь она полностью пробудилась; она бросилась от кровати, чтобы бежать в комнату своей подруги, мадам Марешал, которую она встретила также выбегающей от себя, всю бледную и испуганную.

– Я только что видела г-на Марешала, – сказали в одночасье обе женщины; и они рассказали друг другу почти одинаковые подробности видения, которое случилось с каждой из них.

Пятнадцать сотен франков золотом были найдены в потайном ящике кабинета.

Мы слышали эту историю от одной общей этим двум дамам подруги, которая часто слышала, как они ее рассказывали. Мы считаем ее правдивой, но мы думаем, что эти дамы, когда они увидели призрак, уже находились в состоянии полусна. Озабоченные последними словами Марешала, они сопоставили их с осознанием, свойственным сновидениям людей, удрученных тысячью мелких обстоятельств, о которых они знали, их не замечая, и которые были запечатлены в их памяти непроизвольно; к тому же умирающий с силой спроецировал свою волю в эти две симпатичные души; тем, что он хотел им сказать, он им сообщил силу до этого догадаться. Они его увидели, это точно, как видят в сновидении – в его повседневной одежде и в его страсти повторять дурной стишок; они его увидели так, как всегда видят умерших – в некоем ретроспективном зеркале; они его увидели так, как его бы увидел сомнамбул, как и секрет его тайника, и его золото.

Здесь налицо замечательный феномен коллективной и одновременной галлюцинации с одинаковым вторым зрением; но здесь нет ничего, что можно было бы привести в поддержку вызываний и возвращений усопших.

Как бы то ни было с призраком Сильвана Марешала, его посмертное неверие напоминает нам одну крайне странную мысль Сведенборга. Вера, – сказал он, – является благодатью, которую нужно заслужить, просто так Бог не ниспосылает ее ни на кого, даже после смерти. Так что не редко можно встретить в мире духов неверующих, которые отрицают более чем когда-либо то, что они всегда отрицали, и которые убегают от свидетельства бессмертия, предполагая, что они не умерли, но лишь одержимы какой-то душевной болезнью, которая сместила поле их восприятия. Они живут так же, как они всегда жили на земле, жалуясь лишь на то, что больше не видят то, что видели, больше не слышат то, что слышали, больше не вкушают то, что вкушали, больше не обладают тем, чем обладали; они живут, таким образом, ложным существованием, протестуя против истинной жизни, и всегда обманывающие себя надеждой на смерть. – Эти воображения шведского мистика настолько же искренние, насколько и пугающие, и их достаточно, чтобы объяснить нам, если не легкий сон Ирины в ее могиле в Тримифунте, то, по крайней мере, двойное ночное посещение Сильвана Марешала, случившееся на следующий день после его смерти ради материальных и мелких интересов, если, конечно же, предположениям, построенным на воображении мистиков, мы не предпочтем простые гипотезы науки и разума.

ГЛАВА 5

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ПОСВЯЩЕНИЙ. – ВЫЗЫВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ КРОВИ. – РИТУАЛЫ ТЕУРГИИ. – ХРИСТИАНСТВО – ВРАГ КРОВИ.

Тайны безумия – это тайны крови. Именно расстроенные движения крови возмущают разум бодрствующих людей, как и производят ночью расстройство сновидений. Безумие и некоторые пороки наследственны, потому что они пребывают в

крови; ведь кровь – великое симпатическое действующее начало жизни; она – двигатель воображения, она – субстрат, одушевленный магнетическим светом, или астральным светом, поляризованным в живых существах; она – первое воплощение мирового флюида, она – материализованный живой свет. Она сделана по образу и подобию бесконечности; она – отрицательная субстанция, в которой плавают и действуют миллиарды живых и одушевленных шариков [эритроцитов], шариков, наполненных жизнью и целиком красных от этой необъятной полноты. Ее рождение является самым великим из всех чудес природы. Она живет, чтобы преобразовываться; она – мировой Протей; она исходит из начал, в которых не содержалась, она становится плотью, костями, волосами, различными тканями, ногтями, потом, слезами. Она не связана ни с тлением, ни со смертью; когда жизнь прекращается, она разлагается; если удастся ее оживить, восстановить через новое намагничивание ее шариков, то возобновляется и жизнь. Мировая субстанция со своим двойным движением – великая тайна бытия; кровь – великая тайна жизни.

Итак, все религиозные тайны являются также и тайнами крови. Нет культов без жертвоприношений, и бескровное жертвоприношение может существовать не иначе, как в виде пресуществления истинной крови, всегда горячей, всегда говорящей, всегда кричащей в своей чудесно искупительной силе на алтаре, как и на Голгофе. Боги древности любили кровь, и демоны ее жаждали. Это-то и заставило думать графа Жозефа Местра, что казнь искушает, что эшафот – это дополнение к алтарю, и что палач – это придаток к священнику.

Именно из испарений крови, – говорит Парацельс, – воображение берет всех призраков, которых оно порождает. Видения – это горячка крови, этого скрытого действующего начала симпатий, она распространяет галлюцинации, как некий тонкий вирус; когда она испаряется, ее сыворотка

расширяется, ее шарики раздуваются, деформируются и придают тела самым причудливым фантазиям; когда она ударяет в иступленный мозг святого Антония или святой Терезы⁴², она создает им самые странные химеры, как химеры Калло, Сальватора или Гойя.⁴³ Никто не выдумал бы чудовищ, если бы их не породило чрезмерное возбуждение; оно – поэт сновидений; оно – великий иерофант грез.

Итак, в древности, как и в средневековье, мертвых вызывали через пролитие крови. Вырывали яму, окропляли ее вином, опьяняющими благовониями и кровью черной овцы; страшные колдуньи из Фессалии прибавляли к этому кровь ребенка. Иерофанты Ваала или Нисроха в состоянии дикого иступления делали себе надрезы на всем теле и просили либо вдохновений, либо чудес от испарений своей собственной крови; затем все начинало кружиться перед блуждающими и воспаленными глазами; Луна казалась окрашенной в кровь, и им казалось, что они видят, как она падает с неба; затем начинали подниматься с земли, порхать, ползать, заниматься всякими гнусностями и безобразиями; они видели, как образуются лярвы и лемуры; бледные и мерзкие головы, как и старые саваны, целиком покрытые плесенью могил, подходили к яме, склонялись над ней и протягивали свои сухие языки, чтобы напиться пролитой крови. Чародей, весь обессиленный и израненный, отгонял их, размахивая мечом, пока не являлась ожидаемая форма и оракул. Как правило, это были последние грезы изнурения, приступ безумия; тогда-то вызыватель часто падал, как пораженный молнией, и, если он был один, если ему быстро не оказывали помощь, если какое-либо средство

42 Элифас Леви здесь смешал два совершенно разных феномена. Видения у Антония Великого начались самопроизвольно, без какого-либо усилия с его стороны и лишь после того, как он достиг состояния бесстрастия, и они носили объективный характер; тогда как у Терезы и прочих католических святых-мистиков, как явствует из их собственных сочинений, достижение видений было их целью. - По крайней мере, так учат святые отцы Церкви. Для последнего состояния в православии есть даже особый термин – прелесть, т.е. самообольщение, самообман. - Прим. перев.

43 Жак Калло, Сальватор Роза, Франциско Гойя – художники. - Прим. перев.

не призывало его к жизни, то наавтра его находили мертвым, и тогда говорили, что духи отмицены.

Мистерии древнего мира были двух видов. Малые мистерий были связаны с посвящением в жречество; великие – были посвящением в великое жреческое дело, т.е. в теургию. Теургия, это страшное слово, слово с двояким смыслом, означает творение Бога. Да, в теургии жреца учат, как он должен творить богов по своему образу и подобию, извлекая их из своей собственной плоти и одушевляя их своей собственной кровью. Это была наука вызываний мечом и теория кровожадных призраков. Здесь-то посвящаемый должен был убить посвящающего; здесь-то Эдип, чтобы стать царем Фив, убивает Лая. Мы попытаемся объяснить то непонятное, что есть в этих аллегорических выражениях. До чего можно уже догадаться, так это – что нет посвящения в великие мистерии без пролития крови, более того без пролития самой благородной и самой чистой крови. Именно в склепе великих мистерий Ниний должен был отомстить своей собственной матери за убийство Иина.⁴⁴ Неистовства и призраки Ореста⁴⁵ были делами теургии. Великие мистерии были святой фемой⁴⁶ древности, где вольные судьи жречества уничтожали новых богов пеплом древних царей, растворенным в крови узурпаторов или убийц. Так не были ли они сами убийцами или, по крайней мере, палачами? – Нет, ибо право жертвоприношения было дано им всеобщим согласием народов. Жрец не убивает, он не казнит, он приносит жертву; и поэтому-то Моисей, вскормленный догматом великих мистерий, избрал в качестве жреческого рода тот род, который знал лучше всех, согласно выражению самой Библии, освящать свои руки в крови. Не

44 Речь идет о Семирамиде, которая убила своего мужа Иина, которую впоследствии за это убила ее сын Ниний, по крайней мере, таков один из мифов. – Прим. перев.

45 Речь идет о мифическом Оресте, убившем свою мать и ее любовника из мести за убийство ими его отца. – Прим. перев.

46 Фема, или фемический суд – тайная судебная организация в Вестфалии 12–13-го веков. – Прим. перев.

только Ваал и Нисрох требовали в те времена человеческих жертв; Бог евреев также жаждал крови царей, и Иисус Навин подносил ему на заклание побежденных монархов. Иеффай принес в жертву свою дочь [Суд. 11:30-31, 34, 39]; Самуил изрубил на куски царя Агага на священном камне Галгал [1 Цар. 15:33]. Моисей, как и древние посвятителю в великие мистерии, ушел с Иисусом Навином, своим преемником, в пещеры горы Нево, а вышел Иисус один [намек на то, что Иисус Навин убил Моисея]. Так и не смогли найти труп, ибо в великих мистериях обладали секретом пожирающего огня. Надав и Авиуд [см. Лев. 10:1-2], Корей, Дафан и Авирон [см. Чис. 16] – горький тому пример. Когда Саул был отвергнут Богом, т.е. осужден, как узурпатор жреческой власти и осквернитель мистерий, он стал игрушкой галлюцинаций, ибо великие иерофанты владели секретом призраков. Тогда-то Ахитофел посоветовал ему убить всех священников [1 Цар. 22:18], как если бы было возможно их всех убить. Кровь жертвоприносителей является семенем новых жертвоприношений. Вы сделали 2-ое сентября, и Святой Варфоломей оправдан [т.е. резня в Варфоломеевскую ночь]. Вы думаете, что наказываете Торквемаду [инквизитор], и этим вы подготавливаете высшие дела Трестальона⁴⁷. Священник, который проводил Луи XVI на эшафот, и который сказал ему с высшим авторитетом понтифика: «Сын святого Луи, взойди на небо!», кажется, один исполнил великое жертвоприношение Революции. Сама жертва, упав, изобличила и освятила этого священника. Я наложу на тебя знак, – говорит Адонай Каину, – дабы сделать тебя неприкосновенным, и дабы никто не осмелился поднять на тебя руку [Быт. 4:15]. Авель был первой жертвой, Каин был первым жрецом мира.

Однако, Авель еще до Каина совершил некое священнодействие, и он первым пролили кровь творений Бога. Он под-

47 Трестальон – один из представителей «Белого террора» в 1815 г., направленного против противников возобновленной королевской власти во Франции. Прим. перев.

нес Господу, – говорит Библия, – первенцев от своего стада [Быт. 4:4]; Каин же, наоборот, не предложил Богу ничего, кроме плодов. Бог отверг плоды и предпочел кровь; но он не сделал Авеля неприкосновенным, потому что кровь животных скорее образ, нежели реализация истинной жертвы. Тогда-то честолюбивый Каин освятил свои руки в крови Авеля; затем он построил города и сделал царей, ибо он стал верховным первосвященником. Если бы, позже, Иуда Искарот принес покаяние вместо того, чтобы убить себя, то он составил бы серьезнейшую конкуренцию святому Петру. Действительно, святой Петр был, после Иуды, самым кровавым из апостолов.

Только ли этим он заслужил быть первым напой? Прочь от нас идея святотатства! Мы раскрываем великий жреческий закон, и мы ради этого не нападаем на папство. Мы хотим сказать, что жертвоприноситец принимает на себя и заключает в себе все преступления народа, и что он первым очищается всемогущей кровью жертвы. По крайней мере, так думали иерофанты древнего мира, когда они приходили в склеп великих мистерий, чтобы положить свои покрытые покрывалами головы под меч своих преемников. Эдип убил Лая, не зная, кого убивает, и все великие посвященные в науку Эдипа в свой черед искупляют это символическое убийство Лая. Вот почему в Масонстве, которое еще и в наши дни хранит символическую традицию древних мистерий, постоянно говорят о мести за смерть легендарного Хирама. Человек, чувствующий себя несчастным, не сознавая себя праведным, с легкостью считает себя наказанным за какую-либо невольную ошибку; он считает, что убил свое собственное счастье; необходимость искупления заставляет его грезить о жертве, и именно жертва делает жрецов, освящая кровавый алтарь богов.

Иисус, единственный посвяtitель, который никого не убил, умер за упразднение кровавых жертвоприношений. Тогда, он больше за всех первосвященников; да и кем он мог бы

быть, если не Богом? Он стал Богом на Голгофе; но его ученики, отрехшись от него и продав его, стали священниками [жрецами], и они продолжили старый мир, который будет длиться, пока священники будут иметь нужду жить с алтаря, т.е. поедать плоть жертв.

И еще находятся так называемые мудрецы, которые говорят вам, что христианство издыхает, и что мир Иисуса Христа проходит! Это старый мир издыхает, это идолопоклонство проходит. Евангелие только-только оглашено; оно не правило на земле. Католичество, т.е. универсальность одной религии, пока лишь принцип, на который многие люди смотрят, как на утопию. Но принципы не есть утопии; они более сильны, чем народы и цари, более продолжительны, чем империи, более устойчивы, чем миры. Небо и земля могут прейти, – сказал Христос, – но слова мои не прейдут [Мф. 24:35].

Мы читаем в Деяниях Апостолов, что у святого Петра было видение. Он видел большую скатерть, на которой были чистые и нечистые животные, и некий голос сказал ему: Заколи и ешь! [Деян. 10:13] Тогда впервые раскрылась тайна мирского папства. С тех пор верховные первосвященники считают себя наделенными властью убивать, чтобы есть. Иисус Христос постился и не убивал; он даже сказал святому Петру: Вложи меч твой в ножны, ибо кто мечом ударяет, от меча же и погибает [Мф. 26:52]. Но здесь одно из тех слов, которые не могут быть поняты до прихода духа ведения и любви, которые, как это хорошо видно, еще не установили своего окончательного царства в этом мире.

Итак, все верховные первосвященники древних культов были человеческими жертвоприносителями, и все боги священства любили плоть и кровь. Молох не отличался от Иеговы чем иным, кроме как недостатка ортодоксии, и мистерии Бога Иефая были подобны мистериям Вила. Монахи сред-

них веков регулярно проливали кровь, как и жрецы Вааловы; ибо постоянный целибат, эта стерильная божественность, является идолом, который хочет крови; ведь жизненную силу, которую хотят отнять у природы, нужно проливать на алтарь смерти. Мы сказали, что кровь – это отец призраков, и именно посредством призраков крови жрецы Вавилона и Аргоса возмущали разум Нинию и Оресту. Семирамида и Клитемнестра [мать Ореста] принесли обеты пекельным богам; и их легенды напоминают друг друга таким образом, что их можно считать скопированными друг с друга. Нин был царем жрецов, Семирамида хотела быть царицей народа и путем преступления обеспечила себе обладание короной Нина. В то время политический мир не обладал трибуналом, который мог бы осудить эту женщину, – настолько она оправдала себя великими делами. Она засеяла мир чудесами. Ее завистники подняли против нее массы; она одна вышла и усмирила восставших. Но у нее был сын, которого жрецы держали в заложниках; Ниний [ее сын] был посвящен в великие мистерии, и он поклялся отомстить за Нина, убийцу которого он еще не знал. Семирамида, со своей стороны, была одержима призраками угрызений. Часто «женщина» в ней брала верх над «царицей», и она одна спускалась в некрополь, чтобы оплакивать и сокрушаться над пеплом Нина. Там-то она и встретилась с Нинием, подосланным иерофантами; между сыном и матерью восстал призрак убитого царя. Семирамида была под вуалью; призрак приказал убить. Молодой посвященный бросился; Семирамида издала крик и подняла свою вуаль, – она узнала Нинию: «Нет, ты больше не Ниний, – сказал призрак, – ты есть я, ты Нин, вышедший из могилы!» И, кажется, он поглотил молодого человека и смешался с ним таким образом, что царица теперь видела перед собой лишь призрак Нина, бледный и со священным мечом в руке. Тогда она обратно набросила вуаль на свою голову и подставила свое чрево, как позже сделала Агриппина [мать Нерона]. Когда Ниний пришел в себя, он был покрыт кровью своей матери. «Это я ее убил? – закричал он в расте-

рянности. – Нет, – ответила Семирамида, обнимая его в последний раз, – мы оба жертвы; и жертвоприноситеlem не ты; я умираю, убитая великим жрецом Вила!»

Таковыми были жрецы Вавилона, таковыми были они же Микен и Аргоса; Калхас [мифический жрец из Микен] потребовал крови Ифигении [дочь Клитемнестры]; Клитемнестра прокляла жрецов и отомстила за свою дочь, убив Агамемнона [своего мужа]; Орест, подстрекаемый оракулами, убивает свою мать, и отиравается искать аж до самого Херсонеса Таврического кровавого идола Дианы-мстительницы. Так нужно ли нам удивляться этим покушениям против семьи, когда в более поздние века, полностью христианские, мы видим, как римский священник, страшный Иероним [который перевел Библию на латынь в 4-м веке], пишет своему ученику Гелиодору [Альтийскому]: «Если твой отец ляжет на пороге дверей, если твоя мать откроет перед твоими глазами грудь, которая тебя кормила, то попри ногами тело твоего отца, пройди по груди твоей матери и, с сухими глазами, иди к Господу, который зовет тебя!»

Таковы жертвоприношения плоти и крови, которые довершают великое дело теургии. Бог, ради которого ступали по груди своей матери, отныне на него нужно смотреть, как на ад под ногами и уничтожающий меч в руке. Он будет преследовать подвижника, как угрызение, он будет смаковать в одиночестве ужасы ада и отчаянья мысли. Молох сжигал детей лишь в течение нескольких секунд; на долю же учеников Бога, которые умерли ради искупления мира, выпало сотворить нового Молоха, объявляя которого вечным!

Г-н Ренан, злополучный труд которого мы не захотели описывать, вложил в него, однако, одно хорошее слово, которое искупляет в наших глазах множество ошибок. Вот это слово: «Никто не был меньшим жрецом, чем Иисус». Но

внесем ясность, ибо он говорит о жреце древности⁴⁸, которого, к несчастью, можно найти еще и в современное время. Святой Иероним был, сам того не зная, иерофантом великих мистерий; святой Винсент де Поль является типом нового священника, истинного христианского священника, этого непрестанного воплощения Иисуса Христа.

Церковь отвращается крови. В этом неизгладимом афоризме заключен весь дух христианства.

Церковь отвращается крови и отталкивает от своего лона всех тех, кто любит ее проливать. Христианский священник не может осуществлять функции общественного обвинителя или судьи, не став неправомочным, т.е. неспособным осуществлять святы функции. Таким образом, инквизиторы не были христианскими священниками, это были жертвоприносители древнего мира, которые опровергали христианство. Папа никого не может осудить на смерть. Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец [Ин. 10:11], и он не умеет их закалывать. Папа не умеет вести войну. Когда Юлий II становился солдатом⁴⁹, он больше не был папой, это был византийский тиран. Пий IX, у которого, – как говорят, – были видения, должно быть, был одержим призраками Перуса и Кастельфидардо; так что он должен отвращаться своих собственных рук, он, высший глава Церкви, ибо Церковь отвращается крови.

Приносить в жертву других за себя – вот старый мир, мир Юпитера и Сатурна, мир цезарей и авгугов. Пожертвовать собой ради других – вот новый мир, мир Христа, мир будущего. Убивать ради жизни – вот великий рок великих мистерий. Умереть, дабы жили другие – вот божественное право и свобода человеческого посвящения к торжеству разума. Божественность и человечность тесно соединены в Иисусе Христе, и кто покушается на одну – ранит и другую. Судьи земли, бе-

48 Во французском языке слово *prêtre* обозначает и жреца и священника. – Прим. перев.

49 Папа римский с 1503 по 1513 постоянно вел войны и лично сражался. – Прим. перев.

регитесь, – всякий человек отныне принадлежит Христу; он заплатил своей безвинной кровью за все виновное человечество. Всякий виновный призван к покаянию, и всякий человек, который еще может покаяться, должен быть освящен, как Каин. Знаете ли вы, почему Бог так тщательно хранил кровь Каина? – Потому, что каждая капля этой крови стоила капли крови Искупителя, и, чтобы выкуп был действенным, надлежало, чтобы ни одна крупца выкупаемого не потерялась.

Кровь Авеля вопиет к Богу [Быт. 4:10], – говорит Библия. Кто же может заставить ее замолчать? Чтобы погасить этот голос, нужен более могучий голос, – голос крови Иисуса Христа. Кровь Авеля требует справедливости: Авель был всего лишь человеком, и лишь кровь Иисуса имела достаточно силы, чтобы завопить, что справедливость у Бога – это прощение. Кто же смог ему сказать это? Только Иисус Христос знал это, чтобы сказать это миру, и, раз он это знал, значит, он был Богом!

Вот так он смог один упразднить священство крови и установить священство самопожертвования. Это-то он и сделал, это-то совершили и мученики, это-то святые, как Винсент де Поль, пытались сделать не напрасно, но пока еще так трудно на земле, и вы смеете говорить, что христианство прошло! Подумайте только, если бы он пришел в мир иначе, а не как непонятое слово и сомнительное чудо? Подумайте только, если бы кровь Авеля прекратила вытекать, и если бы священство окончательно выскользнуло из окровавленных рук детей Каина?

Говорят, что каждый год в Неаполе разжижается кровь мученика Дженнаро [св. Януарий] и кипит, как если бы не могла успокоиться; говорят, что во многих местах Франции вино чаш (т.е. вино причастия) становится кровью, и что освященные просфоры краснеют от пота, подобного поту агонии в Гетсиманском саду. В чем единогласны все мученики, так это

в том, что неискупленная кровь вопиет против пролития новой крови. Кровь святого Януария протестует против инквизиции, еще живущей в несчастных мозгах Гомов и Вейо⁵⁰. Вино евхаристии становится кровью, чтобы не дать недостойным священникам себя выпить, и просфоры приобретают запах убийства, как если бы павший духом Христос отказывался от пресуществления и становился бы трупом.

Когда Христос становится трупом, значит, он готовится воскреснуть, и мы верим, что воскресение христианства близко; но не это мы собираемся здесь доказывать. Останемся в рамках нашего предмета и констатируем лишь то, что царство кровавых богов окончилось. Не будем же проливать больше крови, не будем ее больше возбуждать, даже ради того, чтобы заставить выйти богов. Оставим в мире мертвых, ибо оракулы пролитой крови являются братьями оракулов могилы. Стол вертится, потому что возбуждается кровь; позволим крови успокоиться, и так называемые духи умолкнут.

Да, спириты, духи, который говорят в столах – это духи вашей крови. Вы истончаете себя, чтобы воодушевить дерево, как те жрецы из Мексики, которые думали, что придают душу своим идолам, обливая их свежепролитой кровью. То, что делаете вы, то делали до прихода Иисуса Христа; это делали и, быть может, еще делают в Индии; это делают еще у дикарей, где шуты окружают кровавыми скальпами алтарь своих Маниту, которых они заклинают и заставляют говорить. Магнетизм – это проекция духов крови, и вы магнетизируете вашу мебель, истощая свой мозг и свое сердце.

50 Луи Вейо (1813–1883) – журналист, страстный поборник католичества. – Прим. перев.

ПОСЛЕДНИЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ ДРЕВНЕГО МИРА: АПОЛ-
 ЛОНИЙ ТИАНСКИЙ, МАКСИМ ЭФЕССКИЙ И ЮЛИ-
 АН. – ЯЗЫЧНИКИ РЕВОЛЮЦИИ. – ИЕРОФАНТ ЦЕРЕРЫ В
 ДЕВЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Пожертвование собой ради других имеет нечто столь безумное на вид, но столь возвышенное в реальности, что этот антагонизм, который находят между эгоистичным разумом и воодушевлением самоотверженного, полностью оправдывает такую парадоксальную фразу Тертуллиана: *Credo quia absurdum* [Верую, ибо абсурдно]. Вера, как древняя Минерва, родилась вооруженная и сразу же восторжествовала. Сама природа, святая и бессмертная природа, казалось, на какое-то время победила, потому что она была превзойдена. В тот день, когда один человек умер добровольно, чтобы спасти других, было доказано надприродное.

Тогда мудрецы и мыслители этого мира удивились; они искали в Евангелии секрет могущества христианства и не находили. Они видели лишь сборник таинственных еврейских притч и египетских аллегорий; и они решили противопоставить книгу этой книге и человека Иисусу Христу, и так была написана жизнь Аполлония Тианского⁵¹. Этот памятник, современник Евангелий, не был достаточно изучен; в нем находятся истории и символы; сказка в нем соседствует с правдой, но эта сказка всегда является неким учением, представленным под покровом аллегории. Итак, странствие Аполлония в Индию и его посещение царя Иарха в стране Мудрецов, изображает весь догмат Гермеса и содержит все условные знаки, все секреты древних святилищ, т.е. великое дело науки и природы. Драконы с горы – это воспламененные металлоиды, которые содержат философскую ртуть; колодцы, где находятся резер-

51 Есть русское издание: Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. – «Наука», М., 1985. Прим. перев.

вуары дождя и ветра, – это подвал, где бродит электромагнетический огонь, питаемый воздухом и возбуждаемый водою. Это же относится и к другим символам. Царь Иарх напоминает того легендарного Хирама, у которого Соломон попросил ливанских кедров [3 Цар. 5] и офирского золота [3 Цар. 9:27-28]. Заметим, что Иисус ничего не просил у царей своего времени, и что когда Ирод расспрашивал его, он не стал ему отвечать.

Аполлоний воздержный; он целомудренный, как Иисус, и как он, он обрек себя на жизнь странника и подвижника. Существенная разница между одним и другим в том, что Аполлоний поощряет суеверия, а Иисус их разрушает; что Аполлоний побуждает проливать кровь, а Иисус проклинает дела меча. Так, в одном городе свирепствует чума, приходит Аполлоний, народ, который смотрит на него, как на чудесника, собирается вокруг него и заклинает его прекратить это бедствие. Чума, поразившая вас, – вот она! – восклицает лжепророк, показывая какого-то старого нищего. Побейте этого человека камнями, и зараза прекратится. Известно, на что способна разъяренная толпа из-за суеверия и страха. Итак, старик исчезает под кучей камней. Филострат добавляет, что затем место убийства разгребли, но не нашли там ничего, кроме трупа большой черной собаки; и здесь абсурд не пытается оправдать жестокость. Иисус не заставлял побивать камнями никого, даже женщину-прелюбодейку; он не отверг общественные оскорбления, сыплющиеся на голову бедного Лазаря, которого оттолкнул несправедливый богач от порога своего дома, и которого пожалели лишь собаки. В качестве облегчения его нищеты, этой чумы в глазах счастливых, он дает рай, а не последнее наказание [см. Лу. 16:19-31]. Аполлоний здесь выступает всего лишь жалким колдуном, а Иисус – сыном Бога.

У Аполлония были видения; он присутствовал в духе при убийстве тирана Рима, и он издал крик радости. Смелей! –

сказал он, обращаясь к убийцам; бейте, зарежьте это чудовище! Иисус не произнес ни единого слова проклятья против Ирода и Пилата, и даже молился за них, как и за своих палачей, когда он произнес такие возвышенные слова: Отче, прости им, ибо не ведают, что творят! [Лк. 23:34].

Гений Аполлония – блестящее безумие, которое бунтует и протестует; гений Иисуса – скромный разум, который принимает и покоряется.

Кажется, с Аполлонием Тианским старый мир сказал свое последнее слово; но Провидение, этот прекрасный игрок, дало ему еще Юлиана, дабы он мог попытаться еще раз взять реванш. Юлиан был философом, как Аполлоний, и император, как Марк Аврелий. Но это был также и софист наподобие Либания, и он полностью доверялся шарлатанам, таким как Ямвлих и Максим Эфесский. Никогда такой неподатливый и надменный ум не смог бы понять кроткие тайны яслей. Юлиан не любил женщин и не имел детей, он был целомудренным не столько через жертву, сколько через презрение удовольствий; его философская грубость дошла до того, что заставила его пренебречь самыми простыми заботами о чистоте. В *Misogogon'e* он признается, что его волосы и его борода стали населены самыми мерзкими насекомыми, и он это считал почти что добродетелью. Да, вшивый Цезарь поистине выглядит смешным. «О, прекрасная козлиная борода! О, нерасчесанная борода!» – пели жители Антиохии. Юлиан давал ответ, упрекая этих певцов в их изнеженности и их разврате. Как если бы пороки одних могли бы оправдать нечистоплотность другого. Грязный герой, который, вопреки себе, принял от христианства неизгладимый оттенок человеколюбия, был в религии любителем жертвоприношений и крови. Что за жертвоприношитель, этот великий философ! Что за мясник, этот прекрасный князь! – говорили предшественники Пасквино. Также его всегда видели в одеждах с засученными рукавами, а руки полные дымящихся внутренностей.

Но время было уже не то, когда греческие князья, воспетые Гомером, сами закалывали и потрошили жертв. Юлиан не понимал ни своей эпохи, ни достоинства своего чина. Нерон мог делать из себя шута, потому что, согласно прекрасному выражению Тацита, страх рассчитывается с презрением; но Юлиан, слишком добрый, чтобы заставлять себя бояться, слишком неприятный, чтобы заставлять себя любить, не мог избежать насмешек, исполняя отвратительные функции древних жертвоприносителей. В конце концов его самого принесли в жертву, и христианский мир анлодировал.

Уверяют, что после его смерти, когда открыли двери одного маленького храма, который он приказал замуровать перед своим походом в Персию, то нашли там труп голой женщины, висящей на волосах со вскрытым чревом. Было ли это вымыслом ненависти или откровением тайны? Эта женщина, была ли она мученицей или добровольной жертвой? Мы склоняемся к этой последней мысли. Молодая фанатичка вполне могла найтись в то время, чтобы противопоставить свою жертву жертве Христа за процветание царствования Юлиана и за возвращение древних богов. Император закрыл глаза, и великий первосвященник один присутствовал при жертвоприношении. Замурованный храм, окровавленная жертва, висящая между небом и землей, как трепещущая молитва, – все это напоминает пародию на расятие. Известно, что в очень близкую к нам эпоху были девушки, которые распинали себя так ради торжества янсенизма, и если подумать о варварских ритуалах, которые бесчестили религию Юлиана, то не сразу отвергнем, как посмертную клевету, эту историю об окровавленной женщине и о замурованном храме. Юлиан был посвященным в великие мистерии Максимом Эфесским, и он верил во всемогущую силу крови.

Действительно, именно через крещение кровью Максим Эфесский посвятил его древним богам. Юлиан, приведенный

полуголый и с завязанными глазами в склеп храма Дианы, получил из рук Максима нож, и таинственный голос приказал ему ударить бледную человеческую фигуру, на которую ему позволили взглянуть лишь краем глаза; на глазах неопита была надета повязка, взяли руку Юлиана и дали ему коснуться теплой и живой плоти; он вонзил в нее священный меч, затем его подставили под струю, которую он только что вскрыл. Теплос и тошнотворнос окропление заставило его задрожать, но он сохранил молчание и принял до конца освящение пролитой кровью. Кровью, – сказал Максим, – я отмываю тебя от грязи крещения. Ты сын Митры, и ты вонзил меч в чрево священного быка. Пусть омовение тавроболия⁵² очистит тебя! Но разве Юлиан не принес только что в жертву человека? Разве он заколол всего лишь быка? – тогда он сам этого не знал; но то, что эти ритуалы были ритуалами великих мистерий, мы в том не сомневаемся, потому что мы отыскиали их в преданиях иллюминагов и в древних ритуалах масонства, этих наследников, как это знают все эрудиты в этой области, учений и церемоний древнего посвящения.

По обыкновению древних историков, Аммиан Марцеллин сочинил прекрасную торжественную речь, которую он вложил в уста умирающего Юлиана, как будто бы человек, с пронзенной дротиком печенью, мог бы думать о торжественных речах. Здесь мы предпочитаем верить христианскому преданию, чем софистической истории. Итак, вот что говорит это предание. Когда извлекли дротик с треугольным наконечником из раны Юлиана, когда его кровь полилась потоками и он почувствовал приближающуюся потерю сознания, он наполнил свои обе руки кровью, которую терял, и поднес ее к небу, произнеся такие таинственные слова: Ты победил, Галилеянин! Эти слова приняли за богохульство, но не было ли это запоздалым раскаянием? Посвященный в тавроболий слишком поздно понял, что жертва собой выше жертвы другими. Он

52 Обряд жертвоприношения быка. – Прим. перев.

почувствовал, что, отдав свою собственную кровь за людей, Христос навсегда упразднил кровавые жертвоприношения древнего мира. Верховный первосвященник Юпитера подал в отставку, поднеся небу, в свою очередь, свою собственную кровь вместе крови козлов и быков. Да, не кажется ли, что он сказал: ты, кого я презрительно называл Галилеянин, ты больше меня и ты победил меня! Держи, вот моя кровь, которую я даю тебе, как ты дал свою. Я умираю, и я признаю, что ты мой хозяин! Ты победил, Галилеянин!

Руки несчастного императора ослабли, его кровь упала ему на голову, и считают, что он хотел ею потрясти против неба. Быть может, он так очистился от грязи тавроболия и обновил затертые следы своего крещения. Его акт покаяния был не понят, что и позволило повесить анафему на его память. Но он был добрым и справедливым, и Бог никогда не позволяет погибнуть тем, кто любили и искали блага, даже под сенью заблуждения.

На основании веры в призраков, вызванных Максимом Эфесским, Юлиан поверил в реальное существование своих богов, а эти призраки были галлюцинациями крови. Уверяют, что Юлиан, изнуренный подготовительными постами и еще весь теплый от своего крещения кровью, увидел, как перед ним проходят все божества старого Олимпа. Он увидел их не такими, как их изображали поэты древности, но такими, какими они существовали тогда в разочарованном воображении толпы, – старыми, дряхлыми, обездоленными, покинутыми. Это больше не были великие божества Гомера, это были комичные боги Люсьена, если верно, что так называемые духи, которых вызывают, являются миражами или отражениями коллективного воображения. Спиритизм видений – это фотография сновидений.

Впрочем, ментальные фотографии продолжительнее фотографий солнечных, ибо если первые и сотрутся, то их можно всегда обновить, поместив свой ум в такие же условия.

В 93-ем мы увидели последних посвященных в великие мистерии, человеколюбцев из школы Юлиана, проталкивающих сквозь тучу крови призрак свободы. Мы увидели, как неким образом вырвались из могилы странные Бруты и гнусные Публиколы, которые клялись святой гильотиной, вызывая богов. Сен-Жюст грезил о мире, управляемом стариками-рабочими и добродетельными, украшенными белым поясом. Робеспьер сделал из себя первосвященника, и, согласно кровавому закону древних мистерий, он должен был умереть под пожом тех, которых он посвятил; целиком философы и отступники, как и Юлиан, они умерли, как и он, отчаявшись в будущем. Но будучи менее благородными, чем он, или, быть может, менее искренними, они погибли, не представив небу подношение своей собственной крови, и не признавшись, что Галилеянин еще раз победил.

Вот, куда заводят мечты, вот к чему приводит вызывание мертвых. Если бы Брутам и Кассиям позволили спать в их могилах, если бы призраки ареопага и форума не восставали в разгоряченных мозгах этих людей, чей разум был так хорошо изображен распутной женщиной, то не пришлось бы бросать детей Франции тысячами в пожирающую пасть Молоха революции. Но лярвы, которые приходят к нам с того света, всегда холодны и жаждущи; призраки требуют крови, и, когда головы расстроены до такой степени, что способны порождать видения, тогда и рукам не далеко до совершения преступлений.

– Дайте мне стрелы! – вскрикнул Кванций Оклер, – да отомстит за оскорбленную природу слабый иерофант Цереры! Речь шла об убийстве священников; но наш человек, революционная галлюцинация которого почти полностью

сделала его безумным, захотел убить их стрелами, дабы придать их казни более античный цвет. Этот Кванций Оклер, назвавший себя иерофантом Цереры, оставил одну любопытную книгу, озаглавленную Трейси⁵³, где он совершенно серьезно требует возвращения к культу Юпитера, потому что нельзя пребывать в царстве Сатурна. Но Революция не захотела поклоняться ни Сатурну, ни Юпитеру; она сама стала Сатурном, и, согласно зловещему пророчеству Верньо⁵⁴, она пожирает всех своих детей.

ГЛАВА 7

ДУХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. – ДЬЯВОЛ ВСЕГДА ИГРАЕТ ПЕРВУЮ РОЛЬ В КОМЕДИИ ЧУДЕС. – АРХИЕПИСКОП УДОН ИЗ МАГДЕБУРГА. – ДЬЯКОН РАЙМОНД. – ВАМПИРЫ. – ДОМА С ПРИВИДЕНИЯМИ.

Сколько длилось детство современного разума, которое называют средневековьем, столько секретные силы природы, магнетические явления, наипаче же галлюцинации, плодовитыми питомниками которых были монастыри, – вынуждали верить в почти что непрерывное влияние духов. Воздушные призраки, которых творило воображение и помещало в облаках, стали сильфами; испарения воды – ундины; завихрения огня – саламандрами; опьяняющие испарения земли – гномами; домовые танцевали с феями при свете Луны. Шабаш в разгаре. Разум спал, критическое отношение отсутствовало, наука безмолствовала. Абельяр⁵⁵ тяжело искуплял свои преждевременные восхищения ведением и любовью. Мертвые шевелились, могилы разговаривали, но никому и в голову не

53 У Эпифаса опечатка: Treicie, должно быть Threicie, или полное название: La Threicie, ou La seule voie des sciences divines et humaines, du culte vrai et de la morale, 1798. – Прим. перев.

54 Пьер Верньо (1753–1793) – революционер, глава партии жирондистов. – Прим. перев.

55 Пьер Абельяр (1079–1142) – философ, теолог, поэт, осуждавший Церковь за еретические воззрения. – Прим. перев.

приходило, что они погребали живых. Одно лишь Евангелие блистало посреди этой глубокой тьмы, как светильник, всегда горящий в одной церкви, наполненной страхами и тайнами. Итак, Евангелие заявляет, что мертвые никогда не смогут и не должны возвращаться; что порядок Провидения противоречит этому. Вот этот текст, повторить который будет не лишним, чтобы противопоставить его фантазии спиритов; его можно найти в конце шестнадцатой главы святого Луки:

«Согласно порядку вещей, между нами и вами утверждена великая пропасть, так что отсюда к вам пойти не могут, также и оттуда, где вы есть, сюда прийти не могут (это сказал Авраам несправедному богачу). [Лк. 16:26]

Несправедный богач ответил: «Прошу тебя, отче, пошли Лазаря в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть Лазарь засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения». И Авраам ему сказал: «У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их». Он же ему сказал: «Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются». Авраам ответил: «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не послушают».

Этот отрывок в высшей степени замечательный и содержит все откровение о вечном и неизменном порядке судеб людей. Мы видим здесь силу природы, которая толкает жизнь вперед и закрывает за ней двери, чтобы она никогда не вернулась. Ступени святой лестницы навсегда утверждены под ногами взбирающихся, и они больше не могут, хорошо ли вы поняли? Еще раз заметим, что Авраам не допускает возможности возвращения Лазаря на землю иначе, как через воскресение, а не через спиритическую одержимость. Ибо, согласно одному из великих догматов каббалы, дух, чтобы подняться, сбрасывает с себя оболочку, и чтобы спуститься, ему нужно облачиться. Есть только одно возможное средство, чтобы уже осво-

божженный дух проявил себя снова на земле – нужно, чтобы он снова взял свое тело и тем самым воскрес. И уж никак не влезать в стол или в шляпу.

Вот почему некромантия ужасна. Она предполагает преступление против природы. Разве некромант не дерзок в своем желании потрясти святую лестницу, дабы заставить унасть поднимающихся духов? – Этого, конечно же, не может быть, и вызыватель-святотатец обуревается своими собственными умопомрачениями. Итак, лучшие теологи средневековья, разве они не сказали, что мертвые безвозвратно остаются там, куда их поместила Божественное правосудие, и что лишь демон отвечает на призыв чародея и принимает вид усопших, которых вызывают, чтобы сбить с толку человеческое сознание, и заставить поверить, что колдуны могут по своей прихоти возмущать царство душ и Бога.

Это объяснение, в аллегорических терминах, в точности совпадает с нашим, которое мы объяснили на языке разума и науки. Демон – это безумие, это умопомрачение, это заблуждение; это персонификация всего того, что есть ложного и безумного. Здесь мы протягиваем г-ну де Мирвиллю руку, которую он, конечно же, не примет. Оставим ему его картонного дьявола, который выскакивает из его толстых книг, как игрушечный чертик из коробки с сюрпризом; г-н де Мирвилль – ребенок.

Мы настаиваем здесь на авторитете Евангелия и теологов, потому что речь идет о вещах, которые принадлежат исключительно области веры. Наука не принимает ничего, что не может быть доказано; итак, наука не может доказать продолжение человеческой жизни после смерти. Таким образом, она не допускает духов; и заглавие нашей книги, «Наука о духах», было бы парадоксом, если бы оно не обозначало науку гипотез, относительно духов.

Наука – чисто человеческая, и вера не может разумно утверждать божественное, если она не является широко коллективной. Именно эта коллективность заслуживает у верующих имени религия⁵⁶, т.е. духовных уз, которые связывают людей друг с другом.

Наука не может отрицать нужду, какую имеют люди в религии, и тем более феномен великих религиозных объединений. В том плане, что религия присуща природе человека, она принадлежит науке, которая изучает человека; но эта наука должна ограничивать себя констатацией феномена веры, не позволяя ему влиять на себя.

Обособленное верование не заслуживает имени веры, ибо вера означает доверие; не доверять никакому общественному авторитету, а доверять лишь себе – означает быть безумцем. Католик верит в Церковь, потому что Церковь для него представляет из себя избранных верующих. Вот что оправдывает веру угольщика [слепую веру]. Итак, угольщик не только верующий в нечто религиозное, он должен также верить в нечто научное; должен ли он отрицать или опровергать гения Ньютона на том основании, что он ничего не понимает в его теоремах? Я не являюсь экспертом по рисованию, но я добровольно полагаюсь в этом на Энгра, Поля Делароша, Жигу;⁵⁷ и эти великие художники, которые могут не являться экспертами в теологии, экзегетике, каббале, не могут быть разумными, если не будут полагаться в этом на тех, кто специально изучали эти высшие науки. Быть может, я не всегда понимаю то, что они могут сказать о тайнах рисования, так почему же им сердиться, если мои книги не кажутся им вполне ясными? Мне достаточно, чтобы их понимали люди со специальным знанием и суждением, и было бы совершенно разумно полагаться на них.

56 Латинское слово религия из слова узы, связь. – Прим. перев.

57 Жан Огюст Доминик Энгр, Поль Деларош, Жан Франсуа Жигу – известные французские художники. – Прим. перев.

Итак, вот основа веры. Это доверие тех, которые не знают, тем, которые знают; и так как формулировка вероучения всегда должна заимствовать у науки основание своим гипотезам, так как невозможно разумно верить в то, что наука опровергла, так как необходимо, чтобы наука допускала, по крайней мере, возможность гипотез, так как гипотезы веры должны быть таковыми, чтобы наука их признавала и никогда не могла превратить их в аксиомы или теоремы, – то следует, что в вопросах веры наипаче необходим авторитет, и что этот авторитет должен быть коллективным, иерархическим и всеобщим, другими словами, – католическим. Это-то мы и хотели доказать.

В средневековье вера была слепой, потому что она не допускала критики и не опиралась на науку, которой недоставало. Как следствие, рассуждения были слабыми, а фантазии в изобилии. Медицина, например, не осмеливалась занимать душу, и расстройства мозга приписывали душе. Галлюцинирующие считались тогда вдохновенными либо Богом, либо дьяволом; истеричные женщины – одержимыми; маниакальные люди – душами, которых Бог ведет тайными путями. Тогда все было возможно, все позволялось в так называемом сверхъестественном порядке, за исключением, быть может, вызываний, которым мог подчиняться лишь ад, и которые без никакой пользы возмущали незыблемый порядок природы и вечное безмолвие могил.

Евангелие утверждает, что души неба не могут спуститься, и что души ада не могут подняться. Остаются души чистилища. Но эти последние, обреченные на искупление, не могут больше грешить и, как следствие, не имеют власти мучить живых и вводить их в заблуждение. Чистилище, – говорят теологи, – это ограниченный ад, потому что там остается надежда. Там страдают, там любят, там молятся, но из него не могут выйти до времени, определенного вечным правосу-

дием. Так что же могут иметь общего эти затворники испупления и молитвы с бредом, иногда глухим, иногда остроумным, вертящихся столов? Да и как сам демон, – эта дикая и величественная персонификация неисцелимой гордыни и неизлечимого отчаянья, – спустился до роли шута или до морали г-на Прюдома? Дьявол средневековья часто насмешлив, мы с этим согласны; но кто здесь не видит, как за рогами этого козла мелькают уши безумной матери, той галльской феи, которую иногда принимали за самого Бога шалостей ее служителей, и которая водила смешные романы с Вельзевулом, как она водила романы с Лисом?

Впрочем, дьявол никогда не прекращал пребывать в сознании дурных священников, и мошенничество старых святителей часто повторялось со всеми древними пороками в храмах нового Бога. Если необъяснимые звуки возмущали тишину деревень, – это души, которые просили молитв, а молитвы, для священников, – это деньги. В другой раз невероятные рассказы разоблачали лишь чудо и служили для сокрытия преступления; в качестве примера мы приведем лишь ужасную легенду об Эде или Удо, архиепископе из Магдебурга. Этот прелат был слишком ученым для своего века, и он, кажется, желал еще до эпохи, определенной Провидением, начать религиозную революцию, предназначенную посредственному, но упрямому гению Лютера. Удо Магдебургский выступил против celibата священников; он взял из одного из своих монастырей одну настоятельницу, которую почти что открыто сделал своей сожительницей, ожидая, что он сможет назвать ее своей женой. Молодое духовенство начало разделяться на пути соблазна; старые священники были мрачными и ждали.

И вот одним утром архиепископ был найден безжизненным на клиросе своего собора; голова, отделенная от туловища, валялась в луже крови; тело было в рубашке. Очевидно, что архиепископ был выдернут из своей постели и приволочен в

церковь, где его и обезглавили. Но кем же были палачи или, лучше сказать, убийцы?

Женщина, которая разделяла келью Удо, рассказала, дрожа, что раздался ужасный голос. Она произнесла голосом, как при псалмоении:

Cessa de ludo,

[Кончай игру,

Lusisti satis Udo.

Наигрался вдоволь, Удо.]

Барварский стих, который можно перевести так:

Угомонись,

Довольно удовольствий, Удо.

Затем открылась потайная дверь в комнату, и люди в черном набросились на архиепископа, вытащили его из постели и поволокли с собой. Женщина больше ничего ни видела, ни слышала; ее охватил страх.

Итак, в канитуле Магдебургского собора был один каноник, именем Фридрих, которого принимали за святого, и который вел жизнь подвижника.

Этот каноник бдел этой ночью в той церкви и молился Богу о прекращении соблазнов из-за архиепископа. На великом нефе царило безмолвие; небо было безлунным, и старый священник содрогнулся посреди ночи, когда вдруг с грохотом отворились двери в ризницу, и он услышал странные вопли вперемешку с приглушенными криками. Вошел некто, одетый в белое, с большими крыльями на спине, и зажег свечи на главном алтаре. Тогда Фридрих смог разглядеть человека, который как демон крепко держал связанного; затем его внима-

ние снова было привлечено к открытым дверям ризницы, – в церковь вошла странная процессия.

Во главе шли, узнаваемые по своим обычным облачениям и по своим легендарным отличительным признакам, святые, покровители Магдебургской церкви; затем ангелы, одетые в белое, шли перед одной женщиной высокого роста, которую, судя по ее голубому плащу и золотой короне, можно было принять за Деву; за ней шли другие ангелы, одетые в черное и красное, посреди которых появился святой Михаил, вооруженный большим ножом; наконец, окруженный свеченосцами, держащими зажженные факелы, шел человек, увенчанный терновым венцом и держащий в руках длинный крест. Все это духовенство другого мира заняло свои места в клиросе. Христос или, по крайней мере, тот, кто играл его роль, сел на престол архиепископа, и демоны начали обвинять Удо, которого они держали у себя связанного и, вероятно, с кляпом во рту. Виновному нечего было ответить. Богоматерь изобразила вид, что молиться за него; затем, когда демон заговорил о соблазнах прелата и совращенной монахини, Дева опустила свою вуаль и удалилась, сделав жест отвращения. Тогда судья подал знак святому Михаилу; сверкнул нож и опустился, затем потухли свечи и факелы, и все исчезло во мраке.

Каноник Фридрих задумался, не сон ли это, и, дрожа, пошел на клирос. Подойдя к подножию алтаря, он почувствовал, что пол влажный, и споткнулся об инертную массу. Светильник на алтаре был потушен, и Фридриху пришлось вернуться к себе, чтобы принести свет; но возбуждение и страх поменяли ему вернуться в церковь, и только утром служители собора, открыв двери, увидели обезглавленный труп. Труп проклятого не был погребен в святой земле; пятна его крови не были смыты с пола клироса; их лишь покрыли ковром, и, когда был назначен новый архиепископ Магдебурга, то капитул и

духовенство торжественно привели его на это место; подняли ковер и показали прелату кровь святого Удо.

Ничто в мрачных легендах средневековья не кажется нам более страшным, чем это убийство, приписываемое Иисусу Христу; и уж точно, если бы пропасть меж двух миров не была бы непреодолимой для поднявшихся выше, если бы сам Спаситель мог, не нарушая вечного порядка Провидения, еще раз предстать перед нами, но не так, как в его Евангелии и в его Евхаристии, то разве не пришел бы он сам, чтобы парализовать и поразить актеров этой нечестивой трагедии? Разве не пришел бы он, чтобы развязать и поднять несчастного Удо, сказав ему, как сказал женщине-прелюбодейке: Иди, и впредь не греши [Ин. 8:11]? Если бы духи другого мира могли бы вооружиться материальным мечом, чтобы поражать виновных земли, то разве Торквемада смог бы мирно совершать свои аутодафе? Разве Александр VI [папа римский], который отравлял просфоры и прилюдно занимался инцестом, не больше ли заслуживает быть обезглавленным ангелами, чем Удо Магдебургский, и не ночью и тайно в пустой церкви, но при полном свете дня, *utbi et orbi*⁵⁸, перед всем Римом и перед всем миром? Но лишь людям, бедствиям, старости и болезням положено приносить смерть. Бог – отец жизни; он больше не обязывает своих ангелов быть прислужниками наших эшафотов, как он и не обязывал своих священников быть подносчиками ада.

Корыстное мошенничество с одной стороны, невежество с другой, необъясненные феномены, но не необъяснимые, – вот все причины, которые объясняют якобы вмешательство духов в все дела средневековья. Изучение природы было тогда оставлено ради варварской схоластики; тогда судили, полагаясь на Аристотеля и изречения учителей; страх ада мешал заниматься миром, и мысль о смерти заставляла пренебрегать

58 «Городу и миру» – формула благословения папы римского, означающая «всем и каждому» – Прим. перев.

жизнью. Известна одна история о том дьяконе Раймоне, у которого страх перед адом вызвал посмертный кошмар, результатом чего было основание Гранд-Шатреза [монастырь] святым Бруно; [видимо, здесь пропущена строка текста, так как конец предложения никак не вяжется с началом] заражение страхом, эпидемическая передача сумасшествия. Если бы святость в те времена состояла в великом страхе перед адом, то разве нашелся бы человек более святой, чем этот несчастный дьякон Раймон? Впав в ужасную летаргию, которую все принимали за смерть, он трижды выпрямлялся в своем саване и вставал в своем гробе, восклицая: Я обвинен! – Я осужден! – Я приговорен! Затем он упал, на этот раз побежденный и поистине убитый страхом. Тогда прекратили погребальную церемонию, потушили свечи и бросили тело в какую-то наспех вырытую яму. Кто знает, была ли на этот раз окончательная смерть, и не проснется ли этот несчастный в четвертый раз под землей, чтобы пережить погребение заживо и перегрызть себе от отчаянья вены!

Мы уже допускали в наших предыдущих трудах возможность вампиризма, и мы даже пытались его объяснить. Феномены, которые действительно происходят в Америке и в Европе, определенно относятся к этой ужасной болезни. Некоторые неверно называют вампирами некоторых монахов, которые, как сержант Бертран, испытывают непреодолимое желание к посяданию плоти мертвых; но настоящие вампиры – это умершие, которые высасывают кровь у живых. Медиумы не едят плоти мертвых, это верно, но они всасывают всем своим нервным организмом трупный фосфор, или спектральный свет. Они не вампиры, но они вызывают вампиров. Так что все они хилые и больные, слабые духом и телом, и роковым образом склонны к галлюцинациям и безумию. Изнуряющие практики вызываний быстро их истощают, и они медленно чахнут, подобно тому, что доктор Тиссо описал, как

следствие уединенных привычек [онанизма]. Спиритизм – это онанизм души.

Закон Моисея предписывает смерть тем, кто советуется у обот [oboth]⁵⁹, т.е. у призраков об'а, или у пассивного света. Этот великий законодатель хотел жестокими примерами предохранить свой народ от заражения вампиризмом и от бездн спектральных галлюцинаций. Мы думаем, что даже простой магнетический сомнамбулизм не нашел бы милости в его глазах. Но мы больше не во времена Моисея, и уголовный кодекс еврейского пророка, к счастью, отменен, как и кодекс Дракона [греческий законодатель 7-го века до н.э.]. Мы определенно не хотим, чтобы убивали сомнамбул и спиритов, но если наши предостережения, основанные на науке и религии, смогут отвратить некоторых от самоубийств, то не напрасны наши изыскания и наш труд.

Теперь перейдем к вещим местам и к домам с привидениями, и, прежде всего, признаем существование и реальность великого множества феноменов, которые особенно в средневековье благоприятствовали вере в подобный род суеверий. Г-н де Мирвилль приводит их во множестве; мы перенаправляем наших читателей к его трудам, мы же ограничимся одной цитатой, которую берем у одного уважаемого автора пятнадцатого века, – Александра аб Александро.⁶⁰

«То, – говорит он, – что я не побоялся побывать во многих домах, которые все отказываются брать внаем, по причине страшных явлений умерших, которые приходят туда каждую ночь, – это общеизвестно всему Риму. Там, помимо стуков,

59 Обот (אֲבוֹת) – мн.ч. от Об (אָב), встречается в Лев. 19:31, где переведено, как «вызывающие мертвых». – Прим. перев.

60 Alexander ab Alexandro (1461-1523) – неаполитанский юрист, написавший несколько книг, в которых описывает различные чудесные события, имевшие место в Италии. Книга, из которой Элифас берет цитату, озаглавлена так: *Alexandri ab Alexandro iurisperiti Neapolitani genialium dierum libri sex, varia ac recondita eruditione referti. Accuratus quam antehac excusi, cum duplici indice* (1532), глава 23. – Прим. перев.

пронзительных голосов, которые беспокоят нашу тишину и наш отдых, мы видели еще отвратительного и всего черного призрака с угрожающим видом, который, кажется, просил у нас помощи; и чтобы меня не заподозрили в том, что я собираюсь сочинить сказку, пусть меня простят за то, что я призыву в свидетели Николая Тубу [Nicolas Tuba], человека уважаемого и авторитетного, который попросил меня пойти со многими молодыми людьми, его знакомыми, чтобы убедиться в реальности этих вещей. Итак, они бдели со мной, и как только были зажжены светильники, они сразу же увидели, как и мы, как появился тот же самый призрак со своими многочисленными движениями, своими воплями, своими ужасами, которые заставили поверить наших спутников, вопреки всему их мужеству, что они станут его жертвами. Весь дом наполнился стонами этого призрака, все комнаты были наводнены в одночасье; но когда мы подошли к нему, он отступил, скорее всего, убегал от света, который мы держали в руке. Наконец, после многочасового непередаваемого стука, и когда ночь подходила к концу, все видение исчезло.

Из всех опытов, которые я тогда проводил, один заслуживает особого упоминания, ибо для моих глаз это было самое великое из всех чудес и самое страшное... Настала ночь, и, закрыв дверь крепким шелковым шнурком, я улегся. Я еще не спал и мой светильник еще не погас, когда я услышал, как мой призрак начал издавать свои обычные стуки в дверь и спустя немного времени, когда дверь оставалась закрытой и связанной, я увидел нечто невероятное! Он входил в комнату через щели. Едва войдя, он подвалил к моей кровати, и Марк, мой ученик, видевший все это и оледеневший от страха, стал истоково кричать и звать на помощь. Я же, видя дверь закрытой, продолжал не верить в то, что вижу, когда вдруг видел, как этот ужасный призрак вытянул из-под моей кровати руку, которой он потушил светильник. Свет погас, тогда он начал переворачивать не только мои книги, но все, что находилось в

моей комнате, издавая звуки, которые леденили наши чувства. Весь этот шум разбудил дом, мы заметили светильники в соседней комнате, и в то же время мы видели, как этот призрак открыл дверь и вышел через нее. Но вот что самое удивительное – его не увидел никто из тех, кто принесли свет!...»

Г-н де Мирвилль, который также приводит этот факт, добавляет:

«Известно, насколько легко можно грубо объяснить феномены, которые сообщают в четырех строчках, но мы видим, сколько каждый добавляет трудностей к решению. Предположим, Александр в этот момент был безумен; но с ним и его ученики, его домочадцы, и Туба и молодые люди, и все жильцы дома, и весь город Рим, который не хотел быть в этом доме..., таким образом, в этом доме была причина галлюцинаций для всех? Какова эта причина?... Причина, которая не сумев открыть двери снаружи, просочилась сквозь щели, но легко открыла их изнутри.»

То, что особенно характерно для этой истории, и что г-н де Мирвилль не заметил, – это полное отсутствие логики и правдоподобия, которое характерно для галлюцинаций и сновидений. Дверь, запертую с помощью простой шелковой веревки, гораздо легче открыть снаружи, чем изнутри, толкая ее так, чтобы разорвать веревку, а произошло как раз наоборот; тот дух, что вошел через замочную скважину, не имел нужды открывать дверь, чтобы выйти, а он проделал этот бесполезный труд. Он не был виден всем, как об этом говорит г-н де Мирвилль, который, следуя здесь своему методу, кажется, даже не прочитал цитату, которую использовал. Воздух этой комнаты, должно быть, был тяжелым, потому что там погас светильник. Рука призрака была видением удушья; как только дверь открылась и пошел поток свежего воздуха, призрак исчез. С этой

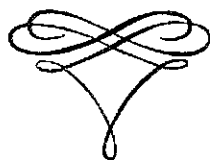
историей можно было бы сопоставить один совсем недавний факт, о котором мы читали несколько лет назад в журналах.

В одном месте, которое указывают, и у людей, которых называют, была комната с привидениями. Один решительный ученый пошел туда спать. К середине ночи он почувствовал страшное давление и сильные режущие боли в желудке, и он увидел в мерцающем свете страшного бледно-зеленого демона, который сидел у него на груди и теребил ему внутренности своими когтями. Он издал хрип, который услышали и пришли ему на помощь, в комнату впустили свежий воздух, и ученый пришел в себя, чувствуя себя больным и замечая симптомы отравления мышьяком. Его вывели из этой зловещей комнаты, ему дали противоядие, он поправился и смог заняться серьезным и внимательным исследованием этой комнаты с привидениями. Он выяснил, что она оббита обоями, окрашенными в бледно-зеленый цвет с использованием соединений мышьяка. Тогда все для него стало ясно. И действительно, после того как заменили обои в этой комнате, зловещий призрак больше не возвращался.

Именно тщательно изучая чудеса, открывают скрытые законы природы.

Вот, например, дом, который притягивает камни, как намагниченное железо притягивает железные опилки. Странно, не так ли? Но именно это же должны были сказать, когда впервые заметили феномены магнита. Вскоре открыли, что существуют специальные магниты в трех царствах природы, и что дом, притягивающий камни, должен притягивать их, как шотландский медиум Хоум или молодая крестьянка Анжелика Котэ притягивают мебель. Жизнь человека распространяется на вещи, которыми он пользуется, и предписания Библии доказывают, что зараза проказы притягивается к домам, как и к людям. Так почему же не может быть домов, больных расстро-

енным магнетизмом, как есть дома прокаженные? Точно одно, что природа гармонична и закономерна, что она подчиняется законам, абсолютно точным в результатах своих действий, и что она никогда не противоречит ни своему создателю, ни самой себе. Не постоянное чудо – это вечный порядок. Преходящие чудеса – это случаи, предусмотренные всемирной гармонией, и они доказывают вмешательство духов не больше, чем метеоры доказывают существование звезд. Высший разум, как Солнце – безумные его не видят!

СОВРЕМЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ

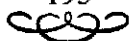
ГЛАВА 1

ВЕРТЯЩИЕСЯ И ГОВОРЯЩИЕ СТОЛЫ

Существование мирового магнетизма, дифференцированного в металлах, в растениях, в животных, в человеке – было известно древним иерофантам. Этой-то таинственной силе они и дали имена Од, Об и Аур (на еврейском). Она является двойным колебанием мирового и животворящего света. Астральный свет – в звездах, магнетический свет – в камнях и металлах, животный магнетизм – в животных и в человеке. Все в природе свидетельствует о его существовании.

Опыты Месмера и его последователей доказали, что животный магнетизм может передавать инертным предметам жизнь и волю человека. Так что нет причины удивляться феноменам, таким многочисленным в наши дни, связанным с вертящимися и разговаривающими столами; но невежество любит удивляться, потому что, удивляясь, оно изумляется, а изумившись, оно очаровывается, затем оно не хочет оказаться разочарованным, и не слушает простых свидетельств истины.

Почти вся истина об этих изумительных столах самым наипростейшим и наияснейшим образом выражена в одном письме одного неназванного ученого, которое цитирует г-н А. Морен. «Будьте уверены, – говорит этот ученый, – что не существует в этих столах ни духов, ни душ умерших, ни ангелов, ни бесов; но появляется все это только если вы этого хотите, когда вы хотите, и как вы хотите, потому что это зависит от вашего воображения, вашего темперамента, ваших скрытых помыслов, старых и новых. Столохождение [Mensam-

bulance] – это обычное явление, плохо изученное древними, непонимаемое современниками, но совершенно естественное, которое связано с физикой с одной стороны и с психикой – с другой; но оно было непонятным до открытия электричества и гелиографии [фотогравирования], ибо чтобы объяснить факт духовного порядка, мы вынуждены опираться на соответствующий факт материального порядка, что древние поэты делали через сравнения, а пророки – через притчи.

Итак, вы знаете, что дагеротипия⁶¹ есть не только способность получать отпечаток через предметы, но также и через образ предметов. И вот, рассматриваемый феномен, который следовало бы назвать умственной фотографией, не только воспроизводит реалии, но также и грезы нашего воображения, да с такой достоверностью, что мы ими обманываемся, будучи не в состоянии отличить копию, снятую с живого, от отпечатка, сделанного с образа.

Эта умственная фотография, – скажете, – есть нечто необычайное, чудесное. Но это же некогда говорили и об обычной фотографии, пока к ней не привыкли. Так же будет и с этим новым открытием, – к нему привыкнуть, и каждый проверит, делая столы, как делают дагеротипию, одни – хорошо, другие – плохо, ибо для успеха нужна совокупность предосторожностей и обязательных условий. Первый неуклюжий, первый легкомысленный встречный не в состоянии получить хороший снимок.

Магнетизация столика или человека совершенно то же самое, и результаты точно такие же; это – захват чужого тела сознательным животным электричеством или мыслью магнетизера и присутствующих.

61 Первый практический способ получения фотографического изображения (ок. 1822 год) на посеребренной медной пластинке, обработанной парами йода, с последующим проявлением парами ртути и закреплением раствором тиосульфата натрия. – Прим. перев.

Ничто не может дать более верного и более легкого для усвоения представления, чем электрическая машина, собирающая флюид на своем проводнике, чтобы получить грубую силу, которая проявляется вспышками света и др. Так, электричество, накопленное на изолированном теле, приобретает силу противодействия [реакции], равную действию, – либо для намагничивания, либо для разложения, либо для воспламенения, либо для посылки колебаний вдаль. К этому и сводятся чувственные последствия грубого⁶² электричества, вызываемые грубыми элементами; но, очевидно, есть аналогичное электричество, производимое мозговой батареей человека; это электричество души, этот духовный и мировой эфир, который является окружающей средой метафизической или бестелесной Вселенной, нуждается в исследовании, прежде чем быть принятым наукой, которая без этого ничего не узнает о великом феномене жизни.

Мозговое электричество, которое больше не является для меня и моих сподвижников гипотезой, кажется, нуждается, чтобы проявиться нашим чувствам, в помощи обычного статического электричества; так что если его не хватает в атмосфере, когда, например, воздух слишком влажный, то невозможно добиться никакого движения столов, которые вам ясно скажут завтра, чего им не хватало накануне.

Сознание приведенного в действие стола является суммой, или, если хотите, отражением сознания людей, которые приводят его в действие; это же можно сказать о всяком обществе, пастороженном и находящимся в гармонии чувств и взглядов. Иногда имеет место всего лишь отражение идей одного человека с более сильной волей, который может даже обездвижить или возбудить с расстояния столик, и наделить его такими идеями, какие ему будут удобны.

62 Грубый - имя, данное столом, чтобы отличать его от сознательного электричества. - Прим. автора.

Совсем не обязательно, чтобы идеи были четкими в мозгах людей; стол узнает их и сформулирует сам, прозой или стихами, и всегда подходящими словами; часто ему требуется время, чтобы составить рифму; он начинает стих, обрывает его, исправляет или переделывает подобно нам; он играет, развлекается и смеется с нами, как если бы был хорошо воспитанным собеседником. Если люди симпатичны и благожелательны друг к другу, то он принимает общий тон беседы, являясь, таким образом, духом очага [т.е. собравшегося круга людей]; а если его попросят сострить в отношении какого-нибудь отсутствующего человека, то он злорадно над ним посмеется. Что до вещей внешнего мира, то он может лишь строить о них догадки, как и мы; он сочиняет свои маленькие философские системы, рассуждает о них и поддерживает, как извилистый оратор. Одним словом, он делает себе сознание и разум из того материала, который находит в нас.

Все это вам покажется достаточно странным, даже невероятным; но после проверки вы придете к этому, как и мы.

Американцы убеждены, что это возвращаются души умерших; другие – что это духи, иные – ангелы, еще иные – демоны, и он предоставляет каждой группе в точности отражение их взглядов, их предрассудочных убеждений; так, посвященные храмов Сераписа, Дельф, Бранхидов и других теурго-лечебных учреждений этого рода, разве они не были заранее убеждены, что они входят в общение с богами, которым поклоняются в каждом из этих святилищ, – это вполне могло иметь место.

Что до нас, знающих цену этого феномена, то с нами не случилось ничего, что мы не могли бы объяснить без труда на основе этих начал; мы совершенно уверены, что, заряжая столик нашим магнетическим влиянием, мы создаем сознание, подобное нашему, которое работает, как и мы, по своей

свободной воле, и может беседовать с нами, спорить, с высшей степенью сознательности, исходя из того, что результирующее сильнее индивидуального или целое больше части.

Лучшим условием [для проведения подобных опытов] будет иметь в качестве помощников лишь детей, которые почти не оказывают ментального влияния; это почти как если бы вы были один перед лицом вашего сознания и по душам беседовали бы сами с собой, если не считать, что этот эфемерный мыслитель будет формулировать то, что было лишь в состоянии хаоса или туманности в вашем сознании.

Нет ни одного ответа, данного древними оракулами, который бы не нашел своего естественного объяснения в рамках теории, ключ от которой у нас есть. Так не будем же больше обвинять Геродота в том, что он нес вздор в своих крайне странных рассказах, которые мы признаем такими же правдивыми и искренними, как и все другие исторические факты, содержащиеся в рассказах всех языческих писателей.

Христианство, которое попыталось избавить мир от этих суеверных представлений, которые оно признало бесполезными и опасными, хотя и не раскрыло их причин, так вот, христианству пришлось вступить в великие битвы, чтобы уничтожить оракулы и сивиллизм; ему понадобилось прибегнуть к более решительным мерам, чем гонение, и учреждение инквизиции не имело иной цели; почитайте Аммиана Марцеллина⁶³ и о тех насильственных мерах первых христианских императоров против советующихся у столов, и проповеди Тертуллиана против тех, кто вопрошали у *Capellas et Menasas* (Коз и Столов).

Понадобилось не менее семнадцати с половиной веков, чтобы справиться с колдунами железом и огнем; последни-

63 Древнеримский историк 4-10 века н.э. · Прим. перев.

ми выжившими были Урбан Грандье и Калиостро; но этот феномен, будучи естественным, возрождался то под видом конвульсивных из Сен-Медара [церковь в Париже, на кладбище которой, где был захоронен аббат Франсуа Пари, почитавшийся святым, стали происходить «чудеса»], то под видом галлюцинирующих из Сен-Пари, реальность которых констатировал Талейран в своей молодости, распяв вместе с аббатом Лавогийоном одну сивиллу, что не причинило ей вреда. Месмер воскресил это же.

Этот феномен такой же древний, как и человек, поскольку он ему присущ. Жрецы из Индии и Китая практиковали это еще до египтян и греков. С ним знакомы дикари и эскимосы; это – феномен Веры, источник всех чудес; когда вера ослабела, чудеса исчезли. Тот, кто сказал «верою передвигают горы», не удивился бы тому, что поднимают столик. Верою магнетизер снимает ревматизм, а деревенские пастухи получали от ноги своей козы, как мы получаем от ноги нашего столика, ответы, соответствующие внутренним представлениям вопрошающих, удивляясь при этом тому, как формулируются их мысли, их инстинкты и их чувства, как удивляется дикарь, видя свое отражение в зеркале. Самыми худшими являются те, кто верят, что общаются с демоном, который отображает их грезы и иногда состояние их сознания.

Человек, взглядевшись в зеркало стола,

Порою видит там урода, да такого,

За дьявола принять которого готов он.

Чем больше верующих объединено какой-то одной верой вокруг стола, тем больше заряжается батарея, и тем более сильными и чудесными будут результаты.

Первые христиане, собиравшиеся вокруг святого стола, чтобы причаститься в Боге, видели Бога, как те, кто верят в магию и колдовство, видят повсюду порчу и колдовство. Гости на пиру у Вальтасара [Дан. 5] увидели на стенах зарождающуюся в их сознании угрозу против виновника подобных оргий, и ничего более. Те, кто верят в привидений, в мерцающие огоньки, в странные звуки, – являются точно такими же рабами своих представлений; ибо каждому по вере его [Мф. 9:29]. Тот, кто произнес эти глубокие слова, поистине был воплощенным Словом; он не обманывался и не хотел обманывать других; он говорил истину, которую мы здесь лишь повторяем, не надеясь больше, что ее примут.

Человек есть микрокосм, или малый мир; он несет в себе кусочек великого Всего в хаотическом состоянии. Задача наших полубогов – выйти из выпавшего на их долю затруднения путем непрестанной умственной и физической работы. Они должны отработать свой долг путем постоянного изобретения новых продуктов, новых добродетелей, и помещения их в мир грубых и безобразных материй, распределенных Творцом, который сотворил их по своему образу, чтобы они, в свою очередь, творили и довершали дело творения, дело безмерное, которое закончится лишь тогда, когда все будет настолько совершенным, что станет подобным Богу и способным пережить самого себя. Мы еще очень далеки от этого окончательного мгновенья, ибо можно сказать, что все еще здесь внизу пужно делать, переделывать и совершенствовать, учреждения, машины и продукты.

Mens non solum agitat sed creat molem.

[Ум не только движет материей, но и творит ее]

Мы живем в жизни, в этой окружающей умственной среде, которая поддерживает в людях и вещах необходимую и

непреодоляющую солидарность; каждый мозг является неким узлом, некоей мировой нервной телеграфной станцией, находящейся на связи с центральной станцией и со всеми другими через колебания мысли.

Духовное солнце освещает души, как материальное Солнце освещает тела, ибо Вселенная двойная и следует закону пар. Невежественная станция плохо расшифровывает божественные телеграммы и часто переводит их ложно и смешно. Так что лишь обучение и истинная наука могут разрушить суеверия и бессмыслицы, распространяемые невежественными переводчиками, находящихся на образовательных станциях у всех народов на земле. Эти слепые переводчики Слова всегда хотели навязать своим ученикам обязанность клясться без экзамена, *in verba magistri*.

Мы не потребовали бы лучшего, увы, если бы они переводили в точности внутренние голоса, которые обманывают лишь ложных духов. Это нам, – говорят они, – надлежит растолковывать оракулы, на нас возложена исключительная миссия, *spiritus flat ubi vult* [дух дышит, где хочет – Ин. 3:8], и он дышит лишь на нас, – говорят они.

Он дышит повсюду, и лучи духовного светила освещают все сознания; но как есть совы, которые избегают света, так есть и преломляющие свет тела, и многие, которые лишены отражательной способности. И таковых большинство; и когда все тела и все духи будут одинаково отражать этот двойной свет, то будет гораздо яснее, чем сегодня.»

Мы, вместе с ученым г-ном Мореном, верим, что настоящие явления наведут нас на дорогу, ведущую к еще большим и еще более важным открытиям. Эта умственная фотография текущих представлений есть нечто огромное, что открывает нам великое общение жизни. Эта единственная душа и в самом

деле поддерживает жизнь во всей природе – *mens agitat molem* [ум движет материю].

Эта душа активна у разумных людей и пассивна у других. Итак, активное действует на пассивное и сообщает ему свою силу. Человек может взять смелость у льва, у обезьяны – ловкость и проворность, он может также внушить льву и обезьяне свои собственные мысли, и пользоваться ими, как орудиями, – все это связано с магнетизмом.

Думаете ли вы, что великий художник, например, находит у торговцев краски, которыми он заставляет светиться свое полотно? – Нет, его мысль повелевает солнцу, которое уступает ему свои отблески. Всякая разумная сила есть магия, и магия, оказавшаяся на службе духа, становится разумной.

День, чтобы проявиться, нуждается в ночи, и, как сказал г-н А. Морен в нескольких довольно удачных стихах, мысль которых мы завершим:

Для Аполлона настало время отречься;

Мы знаем, какого гения нужно вызвать теперь.

Сила его –

Весь мир;

Зовут его –

Человек;

– Тот, кто его не имеет, он его и дает;

Как в магните отрицательный полюс

*Является постоянным действующим началом эффекта
положительного.*

Немая природа внушает слово,

Общественное невежество творит символ,

И человек гения, если сказать двумя словами,

Есть тот, кто притягивает к себе ум всех глупцов.

Лафонтен сделал больше: он притянул к себе гений животных, или скорее он одолжил им свой, и заставил их говорить лучше, чем наши медиумы свои столики. Мир принадлежит гению. Он говорит камню: живи! И камень поднимается и живет. Скульпторы делают богов; затем приходит вера, и боги говорят, статуи вращают глазами, мрамор плачет. Чистое изображение, – скажете вы; да, часто так, но не всегда; и доказательством тому то, что столы действительно шевелятся и говорят. Еще не известно, какими силами может располагать человеческий магнетизм; и когда чудеса веры станут завоеваниями науки, тогда человек, поднявшись над всеми суевериями, займет свое место во Вселенной; он поймет, что родился повелителем природы, и что он здесь полномочный представитель Бога.

Фотография, несомненно, является одним из самых прекрасных и самых любопытнейших открытий этого века; но в то же время, как искренне сожалеют г-да Вейю и Мирвилль, что изобретатель этой прекрасной вещи не был обвинен в магии, и что невежественные массы не убеждены, что эти мгновенные и чудесные картины не являются делами злых духов? Что же тогда думать о стереоскопе, этом бинокле, который придает рельефность плоскому изображению и превращает призрак в статую? Путешественник носит в своем кармане

Альпы; Собор Святого Павла в Риме кладут в футляр. Соедините микроскоп со стереоскопом, и вы увидите, как в ваших руках восстают во всей своей пугающей величине колоссы Пирамид, которые вы можете созерцать, когда вам угодно через отверстие, размером с игольное ушко!.. Смотрите, наш дорогой господин Мирвилль, разве ваш дьявол действительно здесь ничуть не замешан? Нет, не так ли? Но, что до ментальной фотографии говорящих столов, – это нечто совсем другое; да, это нечто другое, действительно; но это нечто другое совершенно аналогично первому.

Точно так же как солнечная фотография воспроизводит с неприятной точностью пятнышки и родинки лица, так и астральная фотография воспроизводит мелочи суетных бесед, дерзость догадок и промахи глупых мыслей. Узнают о так называемых открытиях Виктора Геннекена⁶⁴; медиум Роза заверят нас, что Эскусс и Лебра⁶⁵ были Ромео и Джульеттой, и находит в Сатурне несчастного Лезурка⁶⁶, который стал садовником. Это напомнило нам один куплет из одной нелепой песни Ваде:⁶⁷

Царица Клеопатра

Жарила в своей печи

Каштань,

Которые Карон

64 Victor Hennequin – известный французский медиум, написал несколько книг в середине 19-го века; закончил жизнь в сумасшедшем доме. – Прим. перев.

65 Victor Escousse и Auguste Lebras – французские драматурги, друзья. Покончили с жизнью самоубийством в 1832 г. – Прим. перев.

66 Joseph Lesurques – широко известная в свое время жертва судебной ошибки; его отправили на гильотину в 1796 году; впоследствии был найден настоящий преступник. – Прим. перев.

67 Жан-Жозеф Ваде (1720–1757) – французский поэт. Нижеследующая песенка, разумеется, рифмована, но передать ее на русском, не изменяя смысла, невозможно; так что я перевел дословно. – Прим. перев.

Бросал курам.

Тогда как Зороавель

Варил в Израиле

Мидий.

Это сновидение во всей его бессвязности. Затем он вызывает мадам Лафарж⁶⁸, и вынуждает ее сознаться, что она виновна, – бессовестное надругательство над могилой несчастной, память о которой, защищенная сомнением от общественного мнения, задевает честь одного почтенного рода, некоторые члены которого еще живы и верят в невиновность Марии. Другой медиум, некогда ученый, впоследствии «вращатель столов» и галлюцинирующий, верил, что получает поцелуи от одной женщины, которую он любил; но вскоре его любимая с того света стала ревновать, – губы другой усопшей ошастливили иссохшие уста и беззубый рот старого Жерара. И новая Селена этого безобразного Эндимиона⁶⁹ (мы бы не осмелились это повторить, если бы он побоялся это написать) ни кто иная, как сама Богоматерь. Помимо этих аномалий, мы видим, как из под карандаша медиумов выходят страницы, которые не могли быть еще нигде написанными, но которые, кажется, уже не раз читались, – настолько эти разглагольствования заурядны и напоминающие друг друга. Иногда так называемый «дух» совершенно наивно копирует какого-нибудь автора, которого он, несомненно, считает малоизвестным. Тот, кто пишет эту книгу, однажды с удивлением прочитал за подписью «Платона» в одном из номеров «Истины» (Лионский

68 Мари Лафарж (1816–1852) – фигурантка громкого судебного процесса, обвинявшаяся в отравлении своего мужа и признанная виновной, хотя сама она так и не признала себя виновной. – Прим. перев.

69 Эндимион – мифический персонаж, красивый юноша, которого богиня Луны Селена усыпила вечным сном, чтобы поцеловать. – Прим. перев.

спиритический журнал) целую страницу из своего введения к «Истории Магии». Карандаш сочиняет плоские песенки, которые он подписывает именем Беранже⁷⁰, и приписывает пошлости Ласенеру⁷¹, – это какая-то напыщенная ахиня и огрызки воспоминаний; это волшебный фонарь⁷² без света, это шабаш самых бедных чертей, которых можно только себе представить; это хаос из экстравагантностей. Затем, помимо этого, полные остроумия суждения, строгие гипотезы и ошметки истинной науки, сшитые ветхими бечевками Табарина или Жокриса⁷³. Аполлоний Танский пишет свято-симоновские тирады и подписывает их «святой Августин»; святой Августин высказывается против католической Церкви, святой Луи говорит как Жан Журне⁷⁴, святой Винсент де Поль блистает красноречием, а великому святому Элигию уже не хватает даже здравого смысла, чтобы захотеть вернуть на место вещи короля Дагоберта⁷⁵. Это анархический гул толпы, это суматоха толкучки, это смешение масс, фотографируемых в движении; это безличных и многоликий дух, который просто топит животных в которых он находит себе пристанище, дух, которого отовсюду прогоняет кроткое влияние Слова истины, и имя которому – легион.

ГЛАВА 2

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО О СПИРИТИЗМЕ

Нечто странное и неслыханное происходит в этот момент в мире. Христианство, возлагая все наши надежды на смерть,

70 Пьер Жан де Беранже (1780–1857) – известный французский поэт. – Прим. перев.

71 Пьер-Франсуа Ласенер (1800–1836) – известный разбойник, сочинявший во время своего судебного процесса стихи и писавший мемуары. Был отправлен на гильотину. – Прим. перев.

72 Волшебный фонарь – аппарат для проекции изображений. – Прим. перев.

73 Табарин и Жокрис – комические персонажи бродячих французских театров, аналогичны шута или скомороха. – Прим. перев.

74 Жан Журне (1799–1861) – французский поэт социаллет. – Прим. перев.

75 Святой Элигий (588–660) – был ювелирных дел мастером, затем избран епископом; при дворе короля Дагоберта был казначеем. – Прим. перев.

отбило у людей охоту жить; и вот новая вера, кажется, хочет вернуть нас к жизни, упразднив смерть.

Для секты спиритов, действительно, смерть больше не существует. Жизнь настоящая и жизнь грядущая, едва ли разделяемые тоненькой перегородкой, через которую могут проникать духи, отныне есть одна и та же жизнь. Мы окружены теми, которых любили, они видят нас, они касаются нас, они подают нам знаки, они пишут нам, они ходят с нами и берут на себя половину наших тягот. Иногда даже их рука становится видимой и осязаемой, чтобы соединиться с нашей. Это чудо вошло в моду, и мы можем его воспроизводить по воле. Нет больше слез, проливающих над могилами, нет больше траура, нет больше похоронных венков в память о тех, кого больше нет, ибо, поистине, они не то чтобы прекратили быть, но стали еще более живыми, чем мы. Колыбель ребенка, пошатываясь, приподнимается сама и говорит несчастной отчаявшейся, что ее бедный ангелочек всегда пребывает подле ее сердца. Старая обветшалая стена, которая некогда навеки разделяла два вида существования человека, стала перегородкой, которая разделяет местопребывания Пирама и Фисбы⁷⁶; она позволяет проникать словам, не останавливает даже поцелуи. Что за божественные грезы, какое прелестное безумие! А ведь тех, кого нужно причислить к адептам этой новой науки, тысячи. Не слишком ли жестоко будет вывести их из заблуждения, если они сами вводят себя в заблуждение, ибо они опираются на рассуждения, на которые нечем возразить, и шагают в окружении чудес. Их нравственность с виду чиста и их учение не противоречит католическому догмату, кроме как в противопоставлении скромным надеждам чрезмерных уверенностей. Все это такое ценное, такое поразительное, такое прекрасное, что легко позволяют овладеть собой лестным легковерием, и не рассуждают достаточно, чтобы

⁷⁶ Пирам и Фисба – персонажи древней легенды, влюбленная пара, поженившиеся с собой по недоразумению. Рассказ есть в «Метаморфозах» Овидия. Прим. перев.

увидеть, что так называемая новая религия упраздняет культ и иерархию, делает духовенство бесполезным, разрушает храм в пользу могилы, замещает таинства живых сомнительным и спорным контактом с мертвыми. В этих многочисленных вызываниях утомляется разум, материализуется вера, строгие величия теологии превращаются в романтические и сентиментальные мелочи, о Христе говорят почти так же нелепо, как говорит г-н Ренан, а о Деве Марии, – что она приходит по вечерам целовать в уста старого Жирара из Кодемберга. С другой стороны, злой г-н Мирвилль, который не прощает нам того, что мы называли его добрым, прикладывает к устам адский рожок и провозглашает царство Сатаны. Его пес, г-н Гужено де-Муссо, подносит ему кропило, чтобы изгнать князя тьмы. Брызжут оскорбления вместо святой воды. Честные вольтерьянцы глупо отрицают факты, чтобы не заниматься расследованием случаев. Уважасмый г-н Вельпо⁷⁷ объясняет легким подергиванием мускулов ног те удары, которые ломают столы и, кажется, рушат стены. Для большинства людей американец Хоум не болес чем ловкий фокусник, еще большее число просто смеется, пожимает плечами и не желает даже слышать обо всем этом, и среди этого хаоса истинная наука, серьезная, молчаливая и унылая, изучает, наблюдает и ждет.

Тем не менее, она не может хранить вечное молчание, иначе она умрет. Подходит время, когда обязана будет заговорить, чтобы встать на защиту того вечного разума, который является основой всякой правды. Нужно, чтобы она заговорила, чтобы объявить миру о самой великой и самой необходимой из его революций, той, которая должна скинуть деспотизм глупости, чтобы основать власть мудрости, той, которая должна навсегда примирить разум с верой.

77 Альфред Вельпо (1795–1867) – знаменитый французский хирург. Прим. перев.

Крепкое прилепление ума к необходимым и разумным гипотезам – это вера, и об этой вере можно также сказать, что она – разум.

Упрямое прилепление ума к невозможным и безрассудным гипотезам – это суеверие, это фанатизм, это безумие.

Бог мудрецов – это живой и всеобщий разум; Бог фанатиков и суеверных – это абсолютное безумие.

Но абсолютное безумие – это абсолютная ложь, это зло, это дьявол, – суеверные поклоняются дьяволу.

Таким образом, религия суеверных может быть отброшена без исследования.

Когда говорят, что истинный христианин должен пожертвовать разумом ради веры, то выражаются не точно. Пожертвовать свой разум вере означает подчинить свое собственное суждение по вопросам религии общему авторитету, что является в высшей степени мудро и разумно. Святой Павел, разве не требовал он разумного послушания? Весь мир это знает, но никто не желает этого понимать, и во все времена люди дурной веры, чтобы иметь повод ссориться, возвращали неправильное понимание.

Вера без разума – это безумие. Какой-нибудь пациент Бисетра [известная парижская психбольница] твердо и упорно верит, что он король Франции. Так почему он безумен, веря в это? Да потому, что у него нет разумных оснований верить в это, или потому, что он верит в это без разума.

Винтра твердо верил, что он пророк Илия, и что святой архангел Михаил, переодетый в старого нищего, по-дружески с ним беседует. Его ученики заявляли, что у него есть разумные основания в это верить, и они приводили в качестве дока-

зательств так называемые пророчества и чудеса. Итак, оказывается, эти пророчества есть бредни и бессвязные заявления, эти чудеса – отвратительные явления и носят характер глумления над самыми святынями. Здесь общественный разум исправляет разум личный, и Винтра и его ученики являются, не скажу что сектантами, с которыми необходимо бороться, но больными, за которыми необходимо ухаживать.

Вера – это вера человеческой души в разум, более высший, чем ее собственный разум. Таким образом, вера возвышает разум человека, а не понижает; бездна неба для нас начинается там, где заканчивается высота гор, вера неизбежно начинается там, где заканчивается наука. Я не могу верить в противоположное тому, что я знаю, и я не могу знать противоположное тому, во что я верю, без того чтобы тотчас же не отречься либо от своего знания, либо от своей веры. Предмет веры, таким образом, неизбежно является гипотезой; но предмет разумной веры – это неизбежная гипотеза.

Не надо нам рассказывать, что вера – это благодать, а не философский вывод; здравый смысл также является благодатью, а благодать, к несчастью, куда более редкая, чем вера. Наши дурные страсти портят наш рассудок. Злой человек никогда не бывает разумным, и небо не сообщает истинный разум, кроме как благожелательным людям.

Уверуйте, и будете разумными, – сказал Христос нищим духом и обездоленным, призывая их к спасению через веру. Будьте поистине разумными, и вы уверуете, – можем теперь сказать ученым и мыслителям. То есть вы уверуете разумно, а не будете верить безумно, ибо волей-неволей человеку всегда необходимо верить. Провидение или рок, – но существует первопричина. Порядок или хаос, – но существует нечто в бесконечности. Но порядок даже в одном уголке Вселенной – это уже отрицание хаоса. Жизнь

по своей природе управляющая и управляемая во всех своих проявлениях есть отрицание рока. Истина *credo quia absurdum* – это истина человека, который отрицает. Перед лицом бытия действительно необходимо быть безумным, чтобы дойти до утверждения небытия.

Бытие, будучи бесконечным, может быть познано в своих конечных проявлениях. Познанное приводит, либо через необходимую, либо только разумную гипотезу, к предугадыванию относительного непознанного; но над всеми возможными гипотезами, всегда будет оставаться бесконечное непознанное, о котором невозможно ничего ни сказать, ни помыслить. В этом-то неисследимом, неопределенном, невыразимом непознанном древние каббалисты и видели Бога, никогда не пытаясь его понять.

Там, где останавливается наука, – начинается вера, а вера черпает свои гипотетические откровения в чаяниях сердца, всегда более ненасытного и более отважного, чем ум. Итак, человеческое сердце может опереться на силу или позволить себе впасть в заблуждение слабостью. Сила – это героическое чувство самопожертвования. Слабость – это изнеживающие грезы самодовольного эгоизма.

Таким образом, чтобы восполнить недостаточность науки, можно обратиться или к экзальтации благородных чувств, или к перевозбуждению трусливых инстинктов.

Экзальтация благородных чувств приводит веру к самопожертвованию и, как следствие, к постоянному труду, к послушанию, к иерархии, к отказу от своего разума, чтобы подчинить себя разуму общему. Тогда Церковь поднимается, общество становится стражем порядка со своими чинами и своей дисциплиной, обязательной для всех. Тогда самый могучий разум проявляет себя через самую великую покорность.

Нет ничего более ясного, чем слепое послушание, нет ничего более достойного свободы, чем жертвование самой свободой. Солдат, который не может больше подчиняться, не может больше жить, и когда его генерал приказывает ему нечто, что он никак не может выполнить, он не дезертирует, он погибает.

Экзальтированное, несправедное, чувство, которое рождает подчинение знамени, называется честью. Экзальтированное, но праведное, чувство, которое рождает подчинение Церкви, именуется верой.

Эгоистические грезы, противные вере, являются ересью. Это солдат, который хочет победить, обособившись, это эксцентричный верующий, который хочет присвоить одному себе льготы общества. Это человек, который хочет общаться с Богом без посредника, и который создает откровение для одного себя. Как если бы Бога человечества можно было бы отлучить, как если бы основанием религии не был бы дух любви, и как если бы дух любви был бы лишь в благотворительных организациях и в оказании поддержки иерархии в общественном и церковном деле создания и сохранения веры!

Тот высший разум, который называют Церковью, поглощает и должен поглощать все индивидуальные рассудки. Христос, явившись миру, заставил умолкнуть оракулы, потому что оракулы не являются разумом. Действительно, какое имеет значение феномен, который наука еще не объяснила, и который может быть противен разуму? Если бы я увидел, как на небе огненными буквами пишется какая-то нелепость, то я бы изумился этому явлению, но не оказался бы настолько безумным, чтобы принять эту нелепость. Теперь, когда голос Христа больше не слышен, воскресили оракулы. Столы разговаривают, перья пишут сами собой, камни кричат, но что они кричат? Что говорят столы? Что пишут карандаши медиумов? – Все это говорит во всех тонах и на всех языках о том,

что люди глупы, когда они не берут за основание мудрость Божию, которая заключается в духе любви.

Однажды Лютера посетил один дух; был ли он белым или черным? – этого реформатор сказать не мог; однако он склонился к тому, что этот дух был дьяволом. И вот дьявол стал приводить аргументы против монаха, и вот монах, убежденный аргументами дьявола, – так вот в мир вошла реформация. Спириты и столовращатели, вот вся ваша история: к вам говорит голос, вы не знаете, какой голос. Не один раз ваши так называемые откровения кишели противоречиями и ложью. Но вот вы избавлены от иерархии, вы это знаете лучше, чем ваш кюре и папа.

Другой мир открывается вам прямо или посредством людей низших за вас, людей невежественных и больных, несчастных сумасшедших, которые спят или не знают того, что они пишат, и вот вы, как Израиль сильны против Бога [Быт. 32:28]. Вы по своему усмотрению расставляете вечный догмат. Вы отрицаете это, вы принимаете то, вы создаете фантазийный рай и чрезвычайно терпимый ад; с этим вы можете продавать мораль, – это всегда надежный вексель, и все знают, что с вами, это ни к чему не обязывает.

Ибо с абсурдной предпосылкой следствие невозможно проверить, потому что его не существует.

Вы говорите: Бог не одобряет разум и поощряет безумие.

Это все равно, как если бы вы сказали: дьявол не одобряет безумие и поощряет разум; итак, грех – это безумие, а добродетель – это разум.

Безумная добродетель и греховная мудрость – несовместимые слова.

Но почему же вы не видите, что принимаете Бога за дьявола, а дьявола за Бога?

По вам, так дьявол – это бог разума!

А Бог – это демон безумия! Придите в себя, и подумайте.

Итак, после молний пророков, после нимбов апостолов, после блесков отцов, после терпеливого, трудолюбивого, но неполного разума схоластов, после отважных отчаяний реформации и философии, – Бог, исчерпав почти все средства, посылает говорящие столы, чтобы прочесть по слогам, вприпрыжку, бранное слово Камбронна⁷⁸, – приправа, обязанная идиотической доктрине, поощрение практикам, которые можно назвать онанизмом ума. И это Бог? – нет, это ваш Бог прибегает к подобным средствам! И вы проходите мимо Бисетра [психбольницы], не снимая своих шляп и не напевая припева Беранже:

Привет родине моей!

Вера в Бога – это крепкое прилепление ума к неизбежным гипотезам разума. Святой Павел сформулировал их в таких словах:

Accedentem ad Deum oportet credere, quia est et inquirentibus se remunerator fit.

[Приходящему к Богу нужно верить, что Он есть, и ищущим Его воздает. – Евр. 11:6]

Что Бог есть, и что он воздает тем, кто его ищут.

78 Пьер Жак Этьен Камбронн (1770–1842) – знаменитый французский генерал в армии Наполеона. Бранное слово, о котором идет речь, он произнес в ответ англичанам на предложение сдаться в битве при Ватерлоо, слово это – *merde* (дерьмо), оно-то и вошло в историю, как «слово Камбронна». – Прим. перев.

Вера в Иисуса Христа и в его Церковь – вот крепкое прилепление души к неизбежным гипотезам сердца. Если Бог есть, то он благ; если он благ, то он нас любит; если он нас любит, то он должен действительно исцелять наши недуги. Он должен прийти к нам, ибо мы не можем идти к нему. Воплощение, искупление, таинства, незыблемый догмат, непогрешимая иерархия становятся тогда необходимыми, и все это еще доказывается реальным существованием и постоянным присутствием в Церкви некоей силы, очевидно, божественной, которая превращает невежд в мудрецов, слабых в героев, самых простых женщин и даже бедных детей в настоящих земных ангелов.

Сила эта, – горе тому, кто ее не понимает, позор тому, кто ей противостоит и ее отрицает, – это дух любви!

Вера разума, которая утверждает одного Бога, есть вера Моисея.

Вера сердца, которая утверждает Церковь, есть вера Иисуса Христа.

Вера Моисея – это Бог, недоступный человеку.

Вера Иисуса Христа – это Бог, присутствующий в человечестве.

Недоступный для мысли, но всегда присутствующий для любви – вот действительно весь Бог.

Моисейство и христианство неотделимы, как ум и сердце, как разум и любовь.

Церковь – это христианское человечество, необходимое следствие и дополняющая сила моисейского иудаизма.

В стороне от этой разумной веры всегда пытается поднаться вера безумная и воображаемая, анархичная, как безумие, прихотливая, как грезы.

Это вера видящих, которые принимают за божественные откровения призраки своего воображения; тех, кто ищут мудрости в экстазе, в опьянении, в сновидении, в каталепсии, наконец, во всех состояниях, которые, подавляя свободную волю человека, делают его более или менее сумасшедшим.

И они не видят, что сумасшествие – это упадок человека.

И они не понимают, что дух умопомрачения – это дух лжи и зла.

И они не чувствуют, что впадая в самопроизвольные приступы сомнамбулизма или гипнотизма, поддаваясь роковым и сомнительным побуждениям духа вертящихся столов, они отдают неизвестной тьме управление своей мыслью, и становятся (что ужасно и противно природе) добровольными сумасшедшими.

Тогда они становятся пророками водоворота, видящими умопомрачения, оракулами великого хаоса, толкователями рока.

Они смотрят в разбитое зеркало, и они думают, что видят множество небесных духов, которые уже послужили пищей их духу, и их грезы о доктрине напоминают кошмары несварения.

Чем же по сути отличаются наши современные загнипнотизированные от тех древних гностиков Индии, которые, с глазами, сосредоточенными на своем пупке, ждали явления нетварного света?

Задолго до нас брахманы магнетизировали столы и поднимали их от земли одним возложением на них рук. Аэндорская волшебница [1 Цар. 28:7] была тем, кого вы сегодня называете сильным медиумом, и она вызывала усопших; итак, вызывание усопших, – мне неприятно вам это говорить, – но это некромантия, самая черная из всех наук бездны, самое проклятое из святотатственных деяний. Некромантия, подменяющая христианство; свет мертвых, замещающий слово Бога живого; призрачный флюид, спускающийся на нас вместо благодати; евхаристическое причастие, забытое ради не знаю каких пиров, на которых душа задыхается, вдыхая фосфор трупов, – вот, несчастные безумцы, то, что вы принимаете за обновление религии; вот ваша вера и ваш культ, вот, наконец, черный Бог, которому вы поклоняетесь!

Г-н де Мирвилль ничуть не ошибался, приписывая спиритические отклонения дьяволу.

Но, если Бог посылает дьявола на задание, то ведь дьявол обязан повиноваться Богу? Ведь дьявол слуга Бога? Ведь дьявол посланец Бога?

Тогда это Бог отвечает за дьявола.

Тогда все то, что приписываете дьяволу, все это делает Бог.

Дьявол не имеет больше своей свободной воли и совершает вопреки себе все то, что Бог заставляет его совершать.

Тогда, если дьявол лжец, то лжец Бог; если дьявол палач, то палач Бог; если дьявол уродлив, то уродлив Бог.

Богохульники вы! И вы не трепещете!

Нет, не больному воображению человека, нет, не его безумию, не его грезам, но его уму и его разуму открывается Бог.

Если один отец Церкви написал знаменитое *credo quia absurdum* [верую, ибо абсурдно], так это потому, что он хотел показать этим парадоксом реальную область веры, которая начинается за крайними границами науки. Итак, на этих своих крайних границах наука впадает в абсурд, если хочет выйти за их пределы; тогда разумная душа не может найти пристанище, кроме как в вере. Так что в некотором роде абсурд делает веру необходимой, *credo quia absurdum*, – верую, ибо было бы абсурдно рассуждать о том, чего я не могу знать⁷⁹, верую тем более, ибо было бы еще болсе абсурдно не верить.

Душа непреодолимо тянется к этим гипотезам, так как они строго необходимы, она может любить их и цепляться за них, так как они разумны; но безумные души добровольно пристращаются к нелепым и невозможным гипотезам. Я верю в вечную жизнь, – вот необходимая гипотеза; вечная жизнь не позволяет нашим душам угаснуть, когда мы умираем, – вот разумная гипотеза. Но чем становятся души, отделенные от наших тел? Вы мне отвечаете, что они остаются в нашей туманной атмосфере совершенно нагими и дрожащими, или же, что они прячутся в нашей мебели, которую они заставляют трещать, в наших столах, которые они заставляют вращаться, в карандашах, которые, кажется, совершенно сами чертят то банальные строчки с простой моралью, достойные самое большее гения г-на Прудона, то настоящий бред и оскорбления, – вот нелепая гипотеза и, как следствие, невозможная.

Происходит необъяснимое для вас явление. Ваше предвзятое воображение объясняет его на свой манер. Совершили ли вы акт веры? – Нет; вы совершили акт дерзости или, – если хотите, – наивности. Голос выходит из стены, он разговаривает с нами, – мы не знаем, откуда он пришел. Это святой Михаил, – говорит несчастный Винтра; это дьявол! – пишет злой г-н де Мирвилль, который негодует от того, что его называют

79 В исходном тексте пропущено отрицание, – явная опечатка. – Прим. перев.

добрым, и оба пишут толстые книги. Но, в конце концов, что говорит этот голос? – Банальности, но тогда это не святой Михаил; пошлости, но тогда это не дьявол. Но ведь кто-то таки говорит, ведь мы слышим голос, а мы знаем, что стены не разговаривают. Хорошо, но к чему мы приходим? А вот к чему: что разговаривает не стена, но что же тогда? Я сказал бы вам, если бы знал это, но если вам это скажу, не зная, то я буду лжецом или полоумным.

О, здравый смысл, как ты редок! Но здесь кое-кто меня остановит. Моисей, – скажут мне, – слышал голос на Синае, – как он мог узнать, что это был голос Бога, а не дьявола, или не сновидение? Быть может, это была физическая душа земли; быть может это был раздраженный гений Египта, который хотел, обманув евреев, отомстить за поражения Красного моря. Моисей верил, что это был Бог. Но какие непогрешимые разумные основания имел он, чтобы в это верить? Почему, утверждая, что это Бог, он не был ни лжецом, ни полоумным? Почему? – Сейчас я вам это скажу: потому что законы Синая являются выражением самого высшего и самого чистого разума; потому что Десять Заповедей были высечены в совести людей, прежде чем были вырезаны на камне пальцами Бога, который, как известно, не имеет пальцев; потому что молнии и громы, от которых ревели и содрагались горы, были, в этой первой сцене великой драмы откровения, всего лишь декорациями и аксессуарами. Скажите на милость, что может сделать в деле провозглашения догмата единства Бога один болтун?

Когда Иисус, благодаря божественному героизму своей смерти, доказывает миру бессмертие души, когда, восторжествовав над агонией, он издает вопль победы, кротко склоняя затем голову и умирая, то какая у меня нужда в том, чтобы камни расселись и гробы отверзлись? [Мф. 27:51-52] Позвольте мне пропустить эти чудеса; для меня более чем довольно

и того, чтобы восхищаться последним выдохом праведника. Избавьте меня от этих призраков, у меня нет времени их видеть; моя мысль целиком поглощена высшей реальностью!

Я не пытаюсь, как некоторые современные писатели, объяснять себе чудеса Евангелия нелепо, я не предполагаю, например, что больной Лазарь был погребен заживо и держался четыре дня во гробе своими сестрами, дабы завлечь в эту странную ловушку тщеславие некоторых сомнительных чудотворцев. История или легенда, Евангельский рассказ налагает на меня почитание, я вспоминаю величественную картину пророка Иезекииля, стоящего посреди костей. Думаешь ли ты, пророче, что эти останки можно оживить? И все же, по слову человека, подчиняющегося Богу, жизнь загорается и приходит в движение во всем этом поле смерти. Дух Слова подул, и человечество возродилось. Так же и с Лазарем. Лазарь, это великое прокаженное человечество, больной земли, был мертв четыре дня, т.е. четыре тысячи лет, ибо у Бога, – говорит в другом месте Писание, – тысяча лет, как один день [2 Пет. 3:8]. Он уже разлагался, этот род человеческий, которым правил император с Капри⁸⁰. Спаситель мира, вы пришли слишком поздно. Если бы вы там были, Лазарь не умер бы. Иисус ничего не ответил, но плакал, и тогда сказали: Смотрите, как он его любит!

Затем он попросил отвалить камень, он призвал мертвеца к жизни, и мертвец встал, все еще закутанного в свой саван. – Вот начало христианства. Раскутайте его, – сказал Спаситель, – и пусть он идет свободно; и вот свершение и конец. Это не история человека, это пророческая легенда мира, это исполнение и объяснение видения Иезекииля. В этой истории чувствуется божественное дыхание полной грудью. Здесь плачут с Иисусом, вздрагивают и поднимаются

⁸⁰ Остров Капри – резиденция императора Тиберия, правившего во времена Христа.
Прим. перев.

с Лазарем; возносят к небу еще связанные руки. Лазарь – это рабы Америки, это угнетаемые Ирландии, это мученики Польши. Скажи, скажи, Господи, чтобы их развязали, и чтобы они смогли идти!

Разве мне нужно искать что-то другое на этой странице, когда я так сильно впечатлен этим? Я чувствую, что это истина, я поддаюсь эмоции, которую это во мне вызывает; но притчали это всего лишь, или пересказ события? Я этого не знаю, и, как следствие, я был бы дерзок, если бы стал утверждать об этом нечто, противоречащее учению Церкви. Здесь со мной предание отцов, они понимали этот символ, как его понимаю я, и они остерегались отрицать историю, которая служит основой этого символа. Мне следует подражать их мудрости, но бедная критика г-на Ренана вызывает у меня глубокое сожаление.

Сила Евангелия не в чудесах, о которых повествует эта священная книга, но в том высшем разуме, в том Логосе, которые есть свет всех человеков, пришедший в мир, как сказал святой Иоанн. «Вы спрашиваете меня, кто я, – сказал Иисус, – я начало, которое говорит» [Ин. 8:25].⁸¹ С точки зрения противоречия обычным законам природы, чудо подобно ошибке; но истина (всегда одна и та же) заставляет бледнеть призрачный блеск всех чудес перед сверканиями вечного порядка!

Невозможно заточить истину во гробе, и, как следствие, она не могла бы оттуда выйти. Именно жизнь сияет над смертью, а никак не смерть сияет над жизнью. Духу великих людей не нужно возвращаться к нам из загробного мира, он всегда остается на земле. Обращающиеся к загробным оракулам, вы напоминаете тех людей, которые проводят свою жизнь, глядя в глубину колодца, чтобы увидеть солнце.

81 В синодальном переводе так: от начала Сущий, как и говорю вам. Прим. перев.

Жертвование настоящей жизнью ради будущего существования – вот дух христианства, по определению всех подвижников. Находить в самой этой жертве самое величайшее блаженство настоящей жизни – вот гений христианства, не столько точно предчувствованный, сколько величественно представленный душой Шатобриана; но сердце христианства, его сущность, его фундаментальный закон, – это иерархия, прямо противоположная анархии. Действительно, благодаря иерархии образуется и поднимается общество; благодаря анархии оно дробится и уничтожается. Иерархия – это причастие; анархия – это добровольное отлучение. Иерархия – это человек, преданный обществу и защищаемый им; анархия – это человек, изгнанный обществом, и замышляющий против него. Иерархия, наконец, – это всемогущий человек, потому что он множество; анархия – это беспомощный человек, потому что он один.

«Если Бог говорит, – сказал Руссо, – почему я никогда его не слышал?» – Об этом тебе нужно спросить у своей совести, ты, хотящий идти один, и делающийся глухим, когда говорит общество. Разве у Бога должно быть одно искупление для человечества и другое для Руссо? Разве Руссо более-менее не человек? Если более, то где его титулы? Если менее, то где его права?

Но, – скажете вы, – если общество хочет навязать моей вере нелепости, которые возмущают мой разум, то могу ли я отречься от своего разума, чтобы в них поверить? – Нет; общество не повелевает верой, но оно запрещает тебе возмущать мир общих верований возмущениями твоего ума или твоего воображения; сомневайся, если таково твое несчастье, но молчи, – таков твой долг.

Личные вдохновения ничто, пока они не получили общественное одобрение. Человек гения – это тот, кто думает лучше всех о том, о чем думает или хотел бы думать весь мир.

Эксцентричный мыслитель, который ни у кого не встречает симпатии, не является человеком гения; а если таковой упрямится, то это безумец.

Нет, ни Лютер, ни даже Савонарола не смогли бы реформировать Церковь, если бы Церковь не сожгла Савонаролу и отлучила Лютера; отделиться от больного – это не исцелиться; и Тридентскому собору было нечего ни ждать, ни получить от фантазеров Аугсбургского Исповедания⁸².

Тот же закон, который обязывает верующего идти с Церковью, он же обязывает Церковь идти с человечеством, иначе Церковь может перестать быть Церковью. Поэтому иудейская Церковь осталась лишь синагогой, после того как ее опередил христианский прогресс.

Бог не изменяется; но божественный идеал может меняться, и он необходимо меняется вместе с гением народов. «Когда человек возрастает, Бог поднимается», – сказал Псалмопевец; и когда Бог поднимается, его Церковь преобразается; но всегда, приближаясь к высшему разуму. Если допустить (чего мы не допускаем), что время христианства вышло, я понимаю деизм Вольтера, но я не понимаю теургии Максима Эфесского и Юлиана.

Действительно, что доказывает видение, кроме того что есть видящие? Вы говорите мне, что Иисус Христос превзойден, – и кем же? О, Боже мой! Вы указываете мне на Аллана Кардека. Ну и ну! Вы определенно шутите.

Мы считаем, – говорите вы, – что христианство отжило свое время, и что оно – мертвое дерево, потому что оно еще не дало своих плодов. Евангелие не было понято, истина не была преподана во всей своей полноте; дети прочли по слогам

82 Аугсбургское Исповедание – официальный документ, в котором отражено вероисповедание протестантов (последователей Лютера); был принят в 1530 году. – Прим. перев.

письмо, но дух остался в глубине текста, как надежда на дне ларца Пандоры. Мы же верим, что дело не в обучении чему-то новому, но в лучшем объяснении того, чему уже обучали. Этого лучшего обучения мы ожидаем от одной Церкви; и поэтому мы кладем у ее ног результат наших поисков и наших исследований, дабы она читала и судила.

Одобренные Церковью, или нет, наши труды будут полезны миру; ибо если Церковь может запрещать эксцентричному верующему догматизировать, то она не может помешать ученому обучать. Итак, не на религию, но на науку духов мы обращаем сегодня внимание мыслителей. Наша цель при написании этого труда, не только в том, чтобы положить заслон распространению эпидемии спиритизма. Мы не являемся противниками никого по предубеждению, мы любим тех, кто ищут, ибо мы долго искали, и с ними-то наипаче мы и желаем поделиться нашими любопытными открытиями.

Великая неизбежная гипотеза о будущих судьбах разрабатывалась и проводилась, от заключения к заключению, мудрецами древнего мира. Каббалистическая пневматология поистине является наукой, потому что она действует методически и точно, переходя от известного к неизвестному путем минимально сомнительных аналогий, потому что факты открывают ей законы, и на этих законах она строит твердую базу своих всегда разумных гипотез. Именно эту каббалистическую пневматологию мы и раскрыли нашим читателям. Мы присоединяем к ней анализ одного глубокомысленного трактата Исаака Лория о развивающемся круговороте душ (*De revolutionibus animarum*) и анализ Сефер Друшим этого же богослова.⁸³ Мы извлекли из тьмы оккультизма эти удивительные книги, к которым современный мир не имеет боль-

⁸³ Речь идет о трактатах, находящихся в сборнике «Разоблаченная каббала» под редакцией Кюорра фон Розенрота. Имя автора в заглавиях к разным его трактатам пишется по-разному, а именно: Jitzhak, или Jezchak, или Jizchak Lorja, или Lorjensis, или Loriense. — Прим. перев.

ше ключа, и мы считаем, что окажем большую услугу науке и разуму.

С помощью этих мощных светильников мы объясняем странные феномены, которые наши полу-ученые предпочитают отрицать, однако которые раздавливают их своей очевидностью. Да, статуи дрожат, мрамор говорит, священный хлеб пропитывается кровью; да, рука может выходить из стены, чтобы напугать угрожающей надписью нечестивый пир Вальтасара. Мы видели, слышали и осязали подобные чудеса; так не будем же говорить, что мы в них верим, потому что мы знаем наверняка, что они есть.

Чудо не есть явление, противоречащее законам природы; иначе природа была бы уничтожена. Но оно есть явление исключительно и не обычное для природы, если нам позволят так выразиться. Одним словом, чудо, как и все, что существует, не может существовать без разума; так что оно ничего не доказывает против разума, и это-то наша книга должна ясно показать, как и наши другие труды.

Эта истина, будучи однажды понята, сделает невозможным суеверие; фанатизм уйдет, истинная религия возьмет весь свой блеск у высшего разума и отбросит пустые чудеса. Вера не будет больше смущать души; она будет их поддерживать и утешать, тогда как наука будет их просвещать. Человечество выйдет из детства; с улыбкой оно оттолкнет и отбросит обратно во тьму возвращающихся с того света и вампиров. Скрытые силы природы станут завоеваниями ума; символизм прояснит себя сам, аллегории заговорят, история избавится от облаков мифа. Так, – говорят наши пророки, – однажды Сын Человеческий, сойдя с облаков неба, явится во всей славе и во всей простоте своей святой человеческой природы, и, открыв книгу совестей⁸⁴, будет судить живых и мертвых.

84 Книга совестей (le livre des consciences) – понятие из католического богословия.

Автор этой книги не боится признать, что у него самого были потрясающие и пугающие видения; он видел и касался демонов и ангелов, как их показывали и давали прикоснуться своим ученикам Максим Эфесский⁸⁵ и Шрепфер из Лейпцига⁸⁶. Он мог сравнивать галлюцинации бодрствования с иллюзиями сновидений, и на основании всего этого он пришел к выводу, что разум, направляющий веру, и вера, поддерживающая разум являются единственными истинными светильниками нашей души, а все остальное всего лишь усталость мозга, искажение чувств и помрачение мысли. Так что он не пишет только то, что предполагает, но твердо учит тому, что знает.

Поэтому его книга озаглавлена «Наука о духах», а не «Догадки или очерки о духах».

Спускаясь из пропасти в пропасть и из страха в страх вплоть до дна седьмого круга бездны, пройдя через всю длину тень города грусти, Данте, схватив, если можно так сказать, дьявола за шерсть, вышел с победой и утешением к свету. Мы совершили такое же путешествие, и мы показываем миру уверенность на лице и мир в сердце. Мы спокойно говорим людям, что ад, дьявол, безнадежная пропасть, химеры, сатиры, гули, персонифицированные грехи, дракон о трех головах и все остальные фантасмагории тьмы всего лишь кошмар безумия, но что одни Бог живой, один реальный, один вездесущий, заполняет пустоту, не оставляя ее, заполняет, – говорю я, – безграничное пространство сиянием и вечным утешением верховного разума.

Книга, в которой записаны все грехи и добродетели людей, которая будет раскрыта на Последнем Суде. О ней, как считают, сказано у пророка Даниила (Дан. 7:10). – Прим. перев.

85 Максим Эфесский – философ-неоплатоник 4-го века, наиболее знаменитый последователь Ямвлиха, учитель императора Юлиана Отступника. – Прим. перев.

86 Шрепфер Иоганн-Георг (1730–1774) – немецкий оккультист, один из первых устраивавших публичные спиритические сеансы. – Прим. перев.

ДИАЛОГ МЕЖДУ ЧИТАТЕЛЕМ И АВТОРОМ

ЧИТАТЕЛЬ

Итак, как я хорошо понял, вы отвергаете авторитет римокатолической Церкви?

АВТОР

Я сказал это? Наоборот, я его уважаю, и я верю, что к нему нужно вернуться, как к единственному началу иерархии и единства.

ЧИТАТЕЛЬ

Однако, ваше учение отличается от ее. Думаете ли вы, что вы знаете больше ее?

АВТОР

В вопросах науки, – да. Ибо Церковь непогрешима лишь в вопросах веры.

ЧИТАТЕЛЬ

Вы отвергаете дьявола и ад г-на де Мирвилля; разве это не является вопросом веры?

АВТОР

Верую г-на де Мирвилля могло бы быть таким:

Верую в дьявола, всемогущего разрушителя, возмутителя неба и земли, и в антихриста, сына его едиnorodного, нашего гонителя, который будет зачат от духа злого, родится от оскверненной девы, будет прославлен, будет царствовать, и воссядет на алтаре Бога отца всемогущего, откуда он надругается над живыми и мертвыми. Верую в духа злого, синагогу сатанинскую, собор нечестивцев, неисправимость грехов, гибель плоти и вечную смерть.

Кто осмелится сказать так? Кто не видит, что черное Верую полностью противоположно таковому Церкви, и что верующий, который утверждает одно, необходимо должен отрицать другое?

ЧИТАТЕЛЬ

Однако, Евангелие и Церковь говорят о дьяволе и аде?

АВТОР

Да, но символически, и эти-то символы я объяснил с помощью науки и разума.

ЧИТАТЕЛЬ

Но, в конце концов, вера Церкви...

АВТОР

Церковь никогда не принимала дьявола за предмет веры.

ЧИТАТЕЛЬ

Но, в конце концов, вы утверждаете о каком-то всемирном католичестве, которое предполагает не только римскую Церковь.

АВТОР

Я решительно сказал противоположное; было бы так же нелепо поставить Рим вне всего мира, как и пытаться заключить весь мир в Риме.

ЧИТАТЕЛЬ

Вы позволяете мне отдавать предпочтение верованиям моей великой матери всем вашим рассуждениям.

АВТОР

Вы вольны думать, как великие матери, или не думать вообще ничего. Но мир страдает без религии, и я хочу, на свой страх и риск, показать возможность примирения между разумом и верой. Позвольте мне надеяться, что однажды у меня будут дети, которые будут думать, как их великий отец.

ЧИТАТЕЛЬ

Но думаете ли вы, что Рим вас одобрит?

АВТОР

А разве он одобрил Галилея? Однако, Земля вертится.

ЧИТАТЕЛЬ

Но теперь он больше не осуждает.

АВТОР

Это вопрос времени. И вы хорошо заметили, что у меня есть основания надеяться.

ЧИТАТЕЛЬ

Но вас будут преследовать.

АВТОР

Я к этому привык.

ЧИТАТЕЛЬ

Г-н де Мирвилль скажет еще, что ваши книги отвратительны.

АВТОР

Я слишком вежлив, чтобы отвечать ему, что его книги жалки.

ЧИТАТЕЛЬ

Против вас еще больше, чем когда-либо организуют заговор молчания.

АВТОР

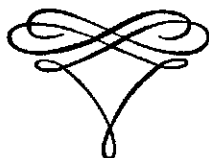
Тогда со мной обойдутся, как с Александром, перед которым замолчала земля: *siluit terra in conspectus ejus* [и умолкла земля пред ним, – 1 Мак. 1:3].

ЧИТАТЕЛЬ

Прощайте, ибо вижу я, что вы неисправимы.

АВТОР

До свидания, ибо я всегда надеюсь, что вы захотите исправиться.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СИЛА КАТОЛИЧЕСКОЙ ИДЕИ, СОЕДИНЕННАЯ С ДУХОМ, А НЕ С БУКВОЙ СВЯТЫХ КНИГ, И КАК ЕЕ НУЖНО ПРОТИВОПОСТАВЛЯТЬ ГРЕЗАМ СОВРЕМЕННЫХ НОВАТОРОВ.

Спиритические учения невероятно заблуждаются, так как являются результатом умопомрачения и иступления, разрыва золотой цепи предания, упразднения священства и иерархии, и лишения морали ее вечного одобрения. Для нас, восхищающихся каббалой и ее секретными догматами, такими полными утешением и надеждой, мы не верим, что новая Церковь сможет сделать из них предмет нового учения. Они по сути принадлежат оккультной философии, и им выносят осуждение, как только их раскрывают.

Если мы и отвращаемся всем нашим сердцем от фарисейской накиши, которая благодаря столетиям наслонилась и накопилась на чистом золоте святилища, то мы из-за этого не станем менее преданными сторонниками авторитета и иерархии; и если бы наш мессианизм был бы всего лишь новой сектой, если бы он не был самой основой иудейской науки и христианского догмата, если бы мы его не подчиняли законному авторитету во всем, что касается содержащихся в нем учениях, то мы всего лишь прибавили бы еще одно сновидение к таковым Сен-Симона и Фурье; мы не отыскиали бы истинной науки и вечной истины.

Пусть эта книга остается тем, чем она должна быть, – сборником любопытных исследований, предназначенных просветить умы, достаточно сильные, чтобы свободно думать и оставаться покорными. Пусть обывательские умы ее проиг-

норируют, пусть люди с предосуждением ее осудят, – этого мы желаем. Революционеры мысли такие же, как и революционеры в политике: они заведомо идут на риск, им позволяют погибнуть, от них отрекаются, и реакция, которая их убивает, пожинает плоды их трудов.

Они – козлы отпущения прогресса, они – парии [отверженные] завоевания; их телами заваливают пропасть, которая отделяет прошлое от будущего; законные власти торжественно входят по дороге, которую они проложили, но они входят преображенными. Проклятые трудились ради святых, но в конце концов придет запоздалый день, когда рискнут предположить, что эти отверженные, так долго пренебрегаемые или прокливаемые, были, быть может, мучениками.

Конечно же, у меня нет таких притязаний; но уж если быть откровенным, то я признаю незыблемую власть, и я не боюсь, что она ошибется, осудив меня. Действительно, абсолютная власть необходима, чтобы остановить бредни заблуждения. Власть [авторитет] – это коллективный разум; грезы – ничто перед ней, и какой-нибудь частный разум не может рассчитывать на большее, чем на адаптацию ею.

Мы думали написать после наших смелых откровений, касающихся оккультного догмата древних, пространную и полную апологию о католичестве, в смысле графа Жозефа Местра; но эта работа не для нас, и мы не считаем себя ни достаточно достойными, ни достаточно авторитетными, чтобы взяться за нее. Нам будет достаточно изложить ее план и главные мысли. Придет время, и другие выполнят ее, мы в этом не сомневаемся. Каждому свое дело; наше – дело первооткрывателя, а не строителя. Итак, вот несколько наших камней и архитектурных набросков.

О КАТОЛИЧЕСКОЙ ИСТИНЕ

ПРОТИВ СКЕПТИКОВ, СПИРИТОВ И СОВРЕМЕННЫХ ЕРЕТИКОВ

ПЛАН И МАТЕРИАЛЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Единственный способ навсегда объединить философии и религию – это признать, что они противоположны друг другу, но противоположны как два полюса, которые поддерживают ось Земли.

Как только какая-либо религия объяснена, так сразу она прекращает быть религией и становится философской системой. *Credo quia absurdum* [верую, ибо абсурдно] вечно.

ПЕРВОЕ СЛОВО ОТКРОВЕНИЯ

1. Бог есть, – закон природный; бытие есть бытие.

ВТОРОЕ СЛОВО ОТКРОВЕНИЯ

2. Бог есть дух, – закон Моисея; бытие живое и мыслящее.

3. Бог есть дух любви, – закон Спасителя; бытие есть добро.

Существование зла. – Относительное, но реальное существование, зло существует лишь как злоупотребление добром; это произвольное извращение бытия, – реальное, как и свобода человека, – безповоротное, как и она.

Смертный грех является категоричным, практичным и подтвержденным отрицанием духа любви. – Это отрицание, ставшее вечным через самоубийство свободы, является адом.

Гордыня, или несправедливое желание господства и уважения; сладострастие, или несправедливое желание удовольствий плоти; алчность, или несправедливое желание благ этого мира, – вот три врага человека [в православной традиции их называют славолубием, сластолюбием и сребролюбием]. Дух любви поражает всех трех.

Мораль не является условным договором между людьми; это неизбежный закон, который толкает вас направо или налево, в зависимости от вашего выбора, во все мгновенья вашей жизни.

Зло – это сила инерции, добро – сила действия. Исполнение, или скорее привычка, зла парализует душу; исполнение добра, наоборот, делает ее способной на еще большее и более возвышенное добро.

Для тех, кто любят исполнять обязанности честного человека, обязанности христианина являются скорее утешением, чем бременем.

Первородный грех имеет наказанием смерть и изгнание из земного рая. Бог не грозил Адаму страданиями ада; так что нельзя сказать, что дети, умершие без крещения, отправляются в ад. Они не смогут войти в этом состоянии в царство небесное, – вот что подразумевается в Писании. Их судьба – тайна милосердия Божия; но если и позволено об этом что-то предполагать, то только в духе любви.

Дух любви повелевает быть кротким, и нужно сохранять, даже при покаянии, мирный и благожелательный дух, противостоящий преувеличенным страхам, сомнениям, неблагоприятным умерщвлениям плоти. Нет ничего более мудрого, более гармоничного, более умеренного, более приятного, чем дух любви.

Caritas patiens est, benigna est, non inflator, non aemulatur, non agit perperam, non quaerit quae sua sunt, non cogitat malum, non gaudet super iniquitatem, congaudet autem veritati.

[Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не превозносится, любовь не завидует, не бесчинствует, не ищет своего, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. – 1 Кор. 13:4-6]

Существует ли этот дух в католической Церкви? – Да, вне всяких сомнений; и противоположные соблазны могут лишь подчеркнуть эту истину. Дух любви является такой основой католических институтов, что без этого духа они не простояли бы и дня.

Можно заметить и констатировать нечто менее любвеобильное, чем Церковь. Это – исповедание веры в духе любви, который должен быть для нее сущностным, и без которого ее невозможно понять.

Чтобы спасти мир, нужно в нем воскресить дух любви; нужно распространить этот дух, нужно сделать его всемирным. Для этого нужны не книги и не разговоры, но усилия любви, героические жертвы, добрые дела и непрестанные молитвы.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ

ГРАФА ДЕ МЕСТРА

Как мне кажется, было бы неплохо посадить за один стол Вакха и Минерву, чтобы предохранить одного от распушенности, а вторую от педантичности. (Санкт-Петербургские вечера, стр. 10)⁸⁷.

Если суеверие иногда верит в веру, то гордыня очень часто верит в неверие. (Стр. 14).

Действительно, неверие является отрицательным верованием, а наивная вера исключает веру.

«Вы не знаете, что говорите», – это комплимент, который имеет право сделать здравомыслящий человек толпе, кото-

⁸⁷ Есть русское издание: Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. СПб, 1998. 732 с.; но у меня не оказалось его под рукой, так что я здесь даю свой перевод. – Прим. перев.

рая позволяет себе рассуждать о щекотливых вопросах философии.

Думаете ли вы, что нужно быть равным Декарту, чтобы иметь право насмехаться над его завихрениями? (Стр. 19).

Главная идея труда	Наибольшее количество счастья, даже мирского, принадлежит не добродетельному человеку, но добродетели.
--------------------------	--

У меча правосудия нет ножен; он всегда должен угрожать или поражать. (Стр. 45).

Наши дети будут носить тяготы наших ошибок. Наши отцы отмщены за них заранее. (Стр. 61).

Что такое IOVI [Юпитер], если не IOVA [Иегова]?

Дикарь – это не первобытный человек, это деградированный человек. (Стр. 82).

Привязанный орел, просит ли он воздушного шара, чтобы подняться в воздух? – Нет, он лишь просит разорвать узы. (Стр. 104).

Я, как Иов, полон речами: *plenus sum sermonibus* [Иов. 32:18]. (Стр. 104).

Государство природы – это цивилизация. (Стр. 108).

Мы находимся в таком отношении к первобытному человеку, в каком дикарь к нам. (Стр. 123).

Нет добродетели в полном смысле этого слова без победы над собой, и то, что нам дается даром, то ничего не стоит.

1. Распределение.
2. Упадок.
3. Провидение.
4. Молитва.

5. Иерархия существ, относительно ко злу. Материя не что иное, как доказательство духа.

6. Действенность молитвы; человеческая свобода.

Никогда не будем бояться слишком высоко подняться и ослабить идеи, которые мы должны будем иметь о величии божием. Чтобы поместить бесконечность между двумя границами, не обязательно принижать одну, достаточно безгранично поднять другую.

Нужно верить в то, во что верили всегда, везде и все. (Викентий Леринский [святой 5-го века]).

Гермес вырвал из Тифона жилы, чтобы использовать их на струны божественной арфы. (Плутарх. Об Исиде и Осирисе, стр. 314 [Есть русское издание, п. 55]).

Ангел-разрушитель вращается, как солнце вокруг этого несчастного шара, и позволяет дышать одному народу, лишь чтобы поразить им другие.

Между богохульством человеческим, которое отрицает Бога, и так называемым божественным парадоксом, который отрицает человека, Евангелие дает нам середину в одночасье божественную и человеческую, которая позволяет нам избе-

жать одного и другого подводных камней; это утверждение, что Бог сделался человеком; это божественное Слово, открывшееся в человечестве.

Почему мы всегда показываем палача, где нам, прежде всего, нужно найти врача?

Все великие люди были нетерпимы, и таковыми нужно и быть (цитата из Гримма, эпитафия к «Письмам об Инквизиции»).

Никогда великие несчастья политики, тем более, никогда никакие насильственные нападки на тело Государства невозможно предупредить и отвести другими способами, кроме как равноценным насилием (Первое Письмо об Инквизиции).

Я уважаю мудрость, которая предлагает новый орган, настолько, насколько того, кто предложил бы новую ногу (Философия Бекона, стр. 9).

Бекон – индукция; Кондильяк – анализ; Кант – критика.

Невозможно иметь новой науки о сознании, ни нового метода для открытия. Гордыня может лишь дать новые имена древним понятиям, и невежество и нерадивость могут принять эти имена за нечт (Там же, стр. 12).

Напрасно Творец вложил в наши руки светоч аналогии; Бекон накрыл этот божественный светильник своим поэтическим гасильником (Стр. 33).

Есть великая аналогия между благодатью и гением, ибо гений есть одна из благодатей. Настоящий человек гения – это тот, кто действует через побуждение или импульс, никогда не задумываясь и никогда не говоря себе: Да, я действую импульсивно.

Чего Галлер [Карл Людвиг, – швейцарский философ] не увидел в яичном желтке?

Страх огня (Бекон). Ужас пустоты! Глупые головы, это предохранительная любовь! Сердце обезьяны так относится к сердцу человека, как грезы человеческой поэзии к божьему провидению.

ЧЕТЫРЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АБСОЛЮТА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РЕЛИГИИ ИСТИНА – РЕАЛЬНОСТЬ – РАЗУМ – ПРАВДА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Истина – тождество бытия с идеей.

Реальность – тождество бытия с наукой.

Разум – тождество бытия со словом.

Правда – тождество бытия с действием.

ПЕРВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ТОЖДЕСТВО АБСОЛЮТНОГО БЫТИЯ С БОГОМ, КАКИМ ЕГО ОПРЕДЕЛЯЕТ КАТОЛИЧЕСКАЯ ВЕРА

1. Идея Бога является фактом психологическим, реальным, всеобщим, неоспоримым.
2. Реалистичные развития этой идеи.
3. Влияния иерархии или анархии на эту идею.
4. Католичность божественной идеи.

ВТОРОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ТОЖДЕСТВО РЕЛИГИОЗНОГО БЫТИЯ С КАТОЛИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

1. Как истинная природная религия должна быть религией божественного откровения.
2. Нет религии там, где есть только наука.
3. Необходимое согласие религии и науки, происходящее от самого их антагонизма.
4. Католическая религиозная наука, или теология.

ТРЕТЬЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

РАЗУМ

1. Религиозное утверждение разумно лишь в католическом и иерархическом порядке.
2. Глубокая разумность так называемых религиозных абсурдностей.
3. Очевидное неразумие всех диссидентов.
4. Разумность католической веры доказана надеждой и любовью.

Безразличный в вопросах религии означает безразличного в вопросах морали.

Нерелигиозный означает аморальный.

Римокатолики являются духовной семьей, имеющей своим отцом Верховного Первосвященника, а Церковь – своей матерью.

Христиане греческого обряда являются семьей со многими отцами и, как следствие, со многими матерями, при условии, что их церковь не прелюбодейка. Это семья без единства.

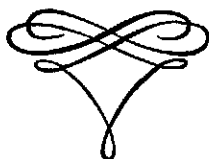
Протестанты являются семьей без отца и матери, они добровольные сироты, которые хотят быть сиротами, чтобы не подчиняться своим родителям.

Ислам	Религия квиетизма и смерти; рок и покорность.
Буддизм	Тень католицизма, нарисованная тьмой старых символов Индии.
Брахманизм	Так относится к Буддизму, как греческая Церковь к Церкви латинской.
Иудаизм	Живой пень, но обрезанный, который не может ожить, не присоединившись к живой ветви, католичеству.
Сен-Симонизм	Чувственный эгоизм, умеряемый привычками вежливости и промышленными обменаи.
Фурьеризм	Сделать порядок из беспорядка, удовольствие из страдания, добродетель из порока, добро из зла, гармонию из анархии; упразднить страдание, а следовательно и удовольствие; разрушить понятия добра и зла; огрубение и оскотинивание.
Скептицизм	Ничего, ничего, ничего.

Критика Вольтера является критикой кляузника и педанта. Все дело в тексте или слове, которого он не понимает, и которое его кюре понимает плохо! Все дело в духе любви, и это определенно не есть дух Вольтера.

Истинная природная религия – это религия откровения; в природе религии быть откровенной, иначе как мы могли бы ее отнести к высшему порядку?

ЧУДЕСА

Чудеса – это естественные следствия вмешательства некой причины, высшей к тем, которые приводят к обычным следствиям.

Они не могут быть абсурдными, и так предполагать означает оскорблять премудрость Божию.

Самое абсурдное на вид чудо, чудо рождения Девой, шокирует наше сознание лишь по причине наших непристойных и дерзких рассуждений.

Матерь Бога незапятнанная, она безупречная дева и мать. – Вот догмат.

Ее девство никогда не претерпело посягательства, – таково следствие. Как же тогда она могла стать матерью? Это тайна Бога. Тот, кто исследует и обсуждает подобную вещь больше не является христианином и никогда им не будет. Тот, кто пытается объяснить, тот дерзок. Именно как абсурдно, а не факт.

Ум – жертва обмана сердца, – так говорят, и это всегда верно. Неразрешимые возражения ума происходят из увлечений сердца недостатком жизни.

Настоящий честный человек, который выигрывает от того, что религия истинна, без труда верит в религию.

Инквизиция и религиозные войны были делами людей. Церковь отвращается крови, – вот принцип. Когда факты находятся в противоречии с принципами, то их нужно списать на счет человеческих страстей. Человечество также отвраща-

ется крови, и во имя человечества революция принесла столько жертв!

Смертная казнь противоположна духу Церкви, которая всегда надеется на обращение грешника и смотрит на время, которое ему осталось, как на бесценную милость неба. Она ломает поникший тростник, и она не наступает на еще дымящийся фитиль.

Католическая мораль не является особой для этого причастия; мораль всеобщая, строго прилагаемая и одобренная положительными законами.

Католичество не отвергает ничего красивого, доброго или приятного, оно осуждает и предотвращает только злоупотребления. Целомудрие не есть презрение любви, но скорее ее освящение.

То в чем больше всего упрекают религию, т.е. ее служителей, так это в антирелигиозных поступках. Это очень напоминает логику тех, кто упрекают Бога в том, что он не достаточно Бог, чтобы затем его обвинить в том, что он больше не Бог вообще.

Религию не труднее практиковать, чем истинную философию; все дело в том, чтобы быть или не быть, жить человеком разумным или скотиной, середины нет. Разумная жизнь требует величайших жертв, религия же дает лишь облегчения. Катоны христианства не вскрывают себе внутренности [Катон покончил с жизнью самоубийством], они позволяют торжествовать Цезарю и поклоняются одному только Богу.

Толпа алчных и трусливых, что это такое? Разве они думают? Разве они живут? Они – копошащееся разложение. Жить – это побеждать.

Религия Иисуса Христа подверглась своему последнему испытанию, самому ужасному из всех, самому решительному – критике и безразличию. Но страждущие массы людей не смеялись вместе с Вольтером; они предпочли бы, чтобы Спаситель пришел еще раз, чтобы поплакать с ними. Они не рассуждают вместе со Штраусом; лучше помолиться с самыми смиренными верующими. Никто не коснулся духа любви. Его не критикуют, и перед ним невозможно оставаться безразличным.

Верите ли вы в серьезность жизни? В строгость долга? В достоинство супружеской веры? В чистоту нравов? В долг трезвости и умеренности? Если это не так, то я вам не буду говорить о религии; вы в нее не верите. Если же это так, то я могу лишь еще раз вам ее посоветовать; вы в нее верите, или поверите.

Говорят: Я не хочу валяться в пороке, но я также не хочу жить, как Катон; я хочу вести честную и удобную жизнь. Но это иллюзия; невозможно быть наполовину человеком и наполовину скотом; рано или поздно один должен взять верх над другим. Настанет момент, когда вам придется сделать выбор, и чем позже вы его сделаете, тем сомнительнее и труднее будет победа.

Презренная толпа, отвергнутая масса – это масса теплохладных, людей, которые не умеют творить ни добра, ни зла. Жить – это действовать, это думать, это желать, это делать. Благодать может поразить нечестивца и возвратить ему сердце; но что она может сделать с теплохладным? Так и Спаситель заявил теплохладным, что он их извергнет [Откр. 3:16]. Чем станут теплохладные после смерти? Они будут разогре-

ты огнем чистилища. Именно для них, и ради них создано чистилище.

Что было нужно Яну Гусу и Лютеру, чтобы подчиниться Церкви, вопреки своим собственным рассуждениям? – Дух любви.

Что нужно для примирения Ламенне [Фелисите-Робер] с Церковью? – Дух любви.

Что лежит в основе духа послушания? – Дух любви.

Есть одна сторона пародной и смешной вульгаризации догматов, которую принимают за сами догматы. Святой Павел советует остерегаться нелепых легенд и сказок старух; но враги религии не принимают это в счет; они были бы слишком огорчены, если бы не воспользовались таким удобным случаем посмеяться с того, чего не понимают.

Нет Бога без Иисуса Христа.

Нет Иисуса Христа без Церкви.

Нет Церкви без видимого главы.

Антихрист – это дух раскола и разделения, *spiritus qui solvit Christum* [дух, разделяющий Христа, – слова апостола Иоанна, но в русском синодальном переводе этой фразы нет, но есть в латинской Вульгате и других версиях. См. 1 Ин. 4:3].

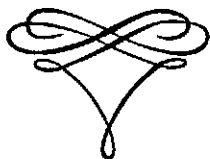

Это дух, противоположный духу любви.

Антихрист – это человек-индивидуалист современного времени, который называет себя Богом, делает себя центром всего, живет лишь правами, не признавая обязанности, и не признает другого общества, кроме общества по интересах.

Раскол, предсказанный святым Павлом, начался в шестнадцатом веке, продолжался на протяжении семнадцатого и восемнадцатого; и он закончится с девятнадцатым; затем произойдет возвращение на протяжении двадцатого, и великое торжество религии возымеет место к двухтысячному году.

Предположим на мгновение, что фурийеризм, или какой угодно другой бред, именующий себя религиозным и социальным, сумел взять верх в мире; что Евангелие забыто, и что однажды один гениальный человек возвратит его и будет его проповедовать. Какой свет! Какой прогресс! Какая революция нравов! Когда люди устанут от истины, тогда ложь покажется им истиной на мгновение; но когда обман им надоеет и наскучит, то с каким порывом они бросятся к истине!

ТРУДНОСТИ ДОГМАТА САМОГО ПО СЕБЕ

ДОГМАТ, СФОРМУЛИРОВАННЫЙ И ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ДУХОМ ЛЮБВИ, ЛИБО РАСТОЛКОВАННЫЙ В ДУХЕ ЛЮБВИ

Первородный грех	Кажущаяся несправедливость. Невинные, приговоренные вместо виновных.
Воплощение и его последствия	Бог смятает самого себя, принося себя в жертву самому себе; материнское девство Марии.
Вечное проклятье	Превеликого числа людей, делающее почти бесполезным все дело спасения.

ДВОЙНАЯ ТАЙНА

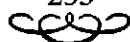
Тайна любви, Тайна правосудия.	Объясненная и примиренная тайной любви.
-----------------------------------	---

Догмат, сформулированный и определенный духом любви, должен также растолковываться в духе любви.

1. Первородный грех не вменялся бы нам в вину, если бы мы были в нем не виновны.

2. Если объяснять Бога, сравнивая его с человеком, то ли в его милосердии, то ли в его гневе, то обязательно придем к абсурду.

3. Вечное проклятье основано на одном факте, а не на числе. Все люди могут его избежать – вот факт, а число тех, кто этого не хочет, неощутимо для других и для Бога, который

один знает и судит глубину сердец. Люди составляют себе ложное представление о проклятии, вмешивая туда Бога, как активного мстителя, тогда как Бог позволяет мстить своим законам через саму силу этих законов, и грешники страдают от лишения благ, недостойными которых они себя сделали.

Посмотрите здесь, сколько всяких комментаторов, либо чтобы обременить, либо чтобы умягчить этот строгий и страшный догмат, ведут себя неразумно и смешно.

ДРУГОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ.

ЗАПУСТЕНИЕ, В КОТОРОМ ПРЕБЫВАЕТ ЦЕРКОВЬ

Предсказанное запустение – *discessio*, которое должно предшествовать эпохе возвращения иудеев и великого торжества веры.

ВОПРОС

Если по учению Церкви большинство людей должно быть осуждено?

Нет; верно, что настоящие праведники в малом числе; но эти избранные, эти отборные души, каждая, увлечет с собой на небо множества слабых. Молитвы Церкви, сонм святых имеют огромную действенность. Чистилище довершает то, что было несовершенного на земле. Дух любви хочет спасти всех и спасает множество верующих.

Страдание лишает сил лишь трусов; сильным оно дает силу.

Тело является машиной, душой которого должен быть машинист, под страхом самому стать машиной тела, и в этом-то и заключается смысл этого глубокого афоризма Учителя: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» [Мф. 15:14].

Император Юлиан не поклонялся идолам; он верил в высший свет. Но его свет был без тепла; он не понял духа любви.

Любовь не желает равенства между людьми; наоборот, она желает, чтобы они нуждались друг в друге.

Любовь настолько принадлежит к католическому христианству, что вне этого причастия это слово меняет свой смысл.

Мечтатели всегда являются сновидцами, и беда приходит к ним во сне.

Не нужно из жизни делать сновидение, если не хотите из смерти сделать горькое пробуждение.

ДУХ ЛЮБВИ

Что такое Бог, раскрытый и объясненный учением и примерами Иисуса Христа?

Что должно быть целью всех наших усилий и концом всех наших жертв?

Каково доказательство истинной веры?

Что такое католичество в самом широком смысле этого слова?

Каков предохранитель от всех заблуждений ума и всех отклонений сердца?

Каков отличительный и неизменный признак истинной Церкви?

Какова самая непреодолимая сила, самая неопровержимая истина, самая очевидная божественность христианства?

Что такое долг, и что может сделать его более необходимым нашей душе, чем право?

В чем согласие авторитаризма и свободы?

В чем религиозный мир?

В чем согласие науки и веры?

Каковым должен быть конец всех ересей?

Каков признак предопределения?

Что такое вечная жизнь?

В чем смысл непогрешимости Святого Престола?

В чем примирение кажущихся противоречий?

Какая сила победит насмешки Вольтера и аргументы его Школы?

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ДУХ ЛЮБВИ. – ПЛАН ПРЕДПОЛАГАЕМОГО СОЧИНЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

МУДРОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ И БЕЗУМИЕ КРЕСТА

Первая часть

Книга 1. Наука и Вера	Сущностные и абсолютные понятия. Необходимое различие. Ум и сердце. Древо познания и древо жизни.		
Книга 2. Право и Долг	Канн и Авель. Исав и Иаков. Саул и Давид. Притча о блудном сыне.		
Книга 3. Устройство эпох	Природный закон, красота и доброта Бога.		
	Древний закон, единство и сила Бога.		
	Христианский закон	Эпоха завоевания	Иерархическая власть. Свобода детей Бога
		Эпоха торжества	Дух любви.
Книга 4. Дух любви	Дух любви сквозь века. Ответ на все возражения против веры. Ясное и универсальное объяснение существенных пунктов доктрины. Необходимое католичество. Вывод и универсальный синтез в двух словах, составляющих одно – дух любви.		

Победить грубость, присутствующую в поисках естественных удовлетворений – это дело хорошего образования.

Победить влечения к удовольствию и пожертвовать их долгу – это заслуга чести.

Победить боязнь боли и даже смерти, чтобы подчиниться чести – это героизм, это человеческое совершенство. К этому совершенству приходят через постепенное воспитание воли. Подвижничество было учением мучеников; не умирают как Курций, когда живут как Натта. Чтобы идти к совершенству, нужно его любить. Любовь к совершенству – это дух любви.

Искупление – это плата за отсутствие образования; блаженны признающие его и принимающие!

Искуплять – это съедать после десерта соль, которую забыли добавить в свою пищу.

Хорошо воспитанный человек не является ни развратником, ни пьяницей, ни обжорой.

Человек чести строго соблюдает человеческую мораль; только христианин исповедует самоотречение и любовь, которая является героизмом всех добродетелей.

Человек, выйдя из рук природы, не является добрым, как то предполагал Руссо, у него есть инстинкт эгоизма, и его страсти, развиваясь, вскоре делают из него дикое животное. Общество, налагая на него страх наказаний, вскоре учит его лицемерию и трусости, и не может сформировать у него добродетель, если не вмещается религия; и именно это происходит со всеми людьми, действительно добродетельными. Чувство чести и долга являются религиозными чувствами. Без реальной веры в сам принцип чести и долга, достаточно ка-

заться честным и обойти закон, чтобы спокойно жизнь. Именно в этом смысле нет настоящей порядочности без религии.

Любовь к красоте, к добру, к чести естественна; но привлекательность должно развивать образованием и усиливать религиозной верой.

Все дело в смешении слов. Люди создают себе вымышленного Бога, которого затем находят абсурдным, и после этого заявляют, что Бога нет. Католиков называют современными фарисеями, и делают из этого вывод, что католичество состоит в напудренности и лицемерии. Лицемерие принимают за набожность, и затем с удовольствием смешивают истинную набожность с лицемерием. Случайно встречают плохого священника, и резко порывают из-за этого со всем духовенством. Верно ли все это, есть ли здесь хотя бы тень логики и разума?

Никто не нападает на истинную религию, на истинную благочестивость, на истинного Бога, но все сражаются с ветряными мельницами.

Мы познаем Бога лишь через дух Иисуса Христа, который является духом любви, проявленным через его учение и его дела; в этом состоит все откровение, очевидно божественного, как и любовь является божественной. Наука отвергает чудеса и оспаривает пророчества, но есть нечто более сильное, чем наука, и более чудесное, чем чудеса, это – любовь. (См. текст святого Павла).

Дух Иисуса Христа всегда живет на земле, иначе все бы умерли; а там, где находится дух Иисуса Христа, там присутствует Бог, действуя в некотором смысле видимо.

Кто, не веря в Иисуса Христа, произносит слово Бог, определенно не ведает, что говорит. Не существует никакого пункта веры, касающегося дьявола. Все, что о нем говорят, принадлежит верованиям и преданиям. Дьявол – это дух, противоположный духу Бога, – вот принцип. То, что этот злой дух существует, о том достаточно свидетельствуют заблуждения и преступления людей. Его представляют безобразным, хотя дух и не имеет формы [образа], чтобы дать понять, что это дух беспорядка. Он навеки отвержен, потому что зло навсегда непримиримо с добром.

Сказать, что Бог безличен, – это лишить сознание всякой возможной идеи о нем. Сделать его единоличным, – это все равно, что сделать его чем-то ограниченным и неполным. Он трехличен, чтобы быть одним во многих и всем во всех.

Арианство стремилось сделать Иисуса Христа живым идолом, неким недобогом; монофизитство уничтожало в нем человечность.

Две отличные природы в Иисусе Христе, но не две личности; две природы есть у всех нас – духовная и телесная; две личности, тогда был бы конфликт.

Религия является совокупностью средств, организованных так, чтобы помогать людям жить по мудрости.

Единство религии не может установиться иначе, как через дух любви. Это будет всеобщим причастием людей, и как только дух любви восторжествует в лоне самой Церкви над все ми пороками, которые ведут с ним войну, тогда он распространится во всем мире, который его зовет и которые его жаждет.

Мученики первых веков доказали дух любви мужеством в пытках; и свидетели обновления веры должны будут в свою очередь дать свое доказательство в самоотверженности, бедности, смирении с клеветой, с презрением, с оставленностью и часто с совершенно незаслуженными и жестокими гонениями

Если не могут узнать добро и творить его, чтобы сформировать у себя правильное представление о Боге, если мы не можем узнать Бога иначе, как через Иисуса Христа, а Иисуса Христа иначе, как через его Церковь, то со всей строгостью можно сказать: Вне Церкви нет спасения. Но Церковь всемирная, т.е. влияние ее благодати и сила ее молитв простирается на всех тех, кто принадлежит к ней по доброй воле, по прямоте сердца и желанию. На всех таковых, если они могли бы ее узнать, разве нет крещения желанием? И не всегда ли проделывал долгий путь свет истины, чтобы просветить душу и тронуть сердце? До прихода Иисуса Христа, все те, кто желали истинного света, неявно верили в него. Душа Церкви шире ее тела, она заполняет мир и притягивает к себе все, что принадлежит доброй вере и добрым правам. Руссо смеялся с ангелов-посланцев святого Фомы, потому что не был достоин почувствовать все то, что в этой мысли есть от веры и любви;

хорошо думать, что из четырех или пяти сотен миллионов наших братьев, не знающих истинной религии, в лоно истинной Церкви войдет, после смерти, несчетное их число, наставленных и крещенных ангелами!

Протестанты не имеют даже кажущегося смысла. В самом деле, против чего они протестуют? – Против злоупотреблений, который никогда не было, или которых больше нет? Против гонений, которые уже прекратились? – Нет, но они протестуют против иерархического единства, которое одобряет законы Церкви. Они протестуют, сами того не зная, против духа любви.

Националистический дух иудеев сильнее приблизит их к тому союзу, который есть душа Церкви, и у них появится сила святилища, когда они поймут:

Что христиане не поклоняются трем богам;

Что они не приписывают человеческой природе божественных достоинств;

Что они не нарушают закон Моисея, но исполняют его;

Что Мессия пришел, и что это наш Господь Иисус Христос.

Иисус Христос, явившись нам, показал нам также и своего отца; Бог стал видимым, явным, осязаемым.

Церковь, явившись нам, также должна видимо являть нам своего главу, преемника Иисуса Христа, воодушевленного тем же духом.

(Возражение, связанное с плохими папами, легко разрешается: на престоле святого Петра были плохие люди, но никогда не было плохих пап.)

Дух любви является истиной, потому что он свет, тепло и сила.

Видимое сверхъестественное – это дух любви; истинные чудеса, неоспоримые чудеса – это чудеса духа любви.

Дух любви дает жизни полноту и радость, превосходящую все удовольствия жизни.

Итак, Бог видим в людях, истинная религия очевидна и не нуждается в доказательстве себя.

Долг ясно очерчен, и ему легко следовать в любых условиях жизни.

Ошибочно считать, что мир без религии; общество является более католическим, чем думают; весь мир поклоняется, желает и стремится к духу любви.

Чем больше несчастья, тем ближе обновление этим духов.

Никто не любит страданий ради самих страданий, даже наш Господь; страдания любят ради любви, радости которой получают этой ценой.

Если захотят забрать у тебя рубашку, то отдай также и плащ. Учитель сказал это отдельным людям, а не обществу; собственность – это принцип, и общества защищают принципы под страхом смерти. Христианин Мастай должен позволить себя раздеть, но папа Пий IX не должен позволять раздеть Церковь.

Пойдите на уступки, или у вас заберут все, – говорят самодержавному понтифику. Non possumus [невозможно], – отвечает папа, и говоря это, он защищает принцип; он знает, что рискует все потерять, и он упорствует. Нельзя жертвовать духовным ради мирского. Правда вечна, и папа защищает правду.

Лучше умереть на своем престоле, сказав non possumus, чем позволить пролиться крови (чтобы не сказать больше) Перуса и Кастельфидардо. Но все люди совершают ошибки, и папы тоже люди.

Некоторые притчи Евангелия кажутся не законченными, например, притча о блудном сыне. Он возвращается к своему отцу и тот закалывает жирного тельца; но у него больше ничего не было, и его отец, который разделил свое имущество между двумя своими детьми, не имеет больше, что дать блудному сыну. Что же произойдет? Мудрый брат даст в долг исправившемуся блудному сыну; и этот последний будет работать и получит доход, он вновь станет богатым благодаря

своему брату и своим собственным усилиям, – вот что Иисус Христос не захотел сказать, конечно же потому, что еще не пришло время.

Человек выброшен из зала пира, потому что он у него не был свадебного платья; но если бы кто-либо из сотрапезников вышел и дал ему свое, то смог ли бы он вернуться? А отец семейства, разве бы он оставил за дверями того, кто повел себя так благородно? Думаю, что нет, более того, он сам дал бы одно из своих платьев этому милосердному сотрапезнику. Вот одна из тех вещей, на которые можно наедаться, но чему не нужно учить.

Если бы духи другого мира могли общаться с людьми этого мира, то почему они не делают это всегда? Почему Христос, почему Церковь, почему соборы, почему наши работы, почему наши науки, почему наш разум? Но мы знаем, что во все времена были видящие и шарлатаны; все ересиархи считали себя вдохновленными. Лютер по-свойски беседовал с дьяволом, и этот дьявол Лютера был хитрым и грубым теологом, как и его хозяин. Что из всего этого вышло? Смятение, анархия и, в конечном счете, скептицизм или слабоумие. Одни и те же причины всегда приводят к одним и тем же следствиям. Дерево познается по плодам.

Если бы ангел Божий, – сказал святой Павел, – объявил бы вам другое Евангелие, чем то, что вам объявлено, да будет анафема! [Гал. 1:8] О глубине этих слов размышляли не достаточно. Если бы даже сам Бог мог бы нарушить порядок,

который сам и установил, то все пришло бы в смятение, и сам Бог не был бы больше Богом.

Пока в законной Церкви будут злоупотребления, пока протестанты будут иметь аргумент; но если злоупотребления будут подавлены, протестантство падет само.

Когда иудеи смогут понять, что мы поклоняемся Богу в Иисусе Христе, а не Иисусу Христу вместо Бога, тогда они вспомнят, что Иисус Христос был более свят, чем иудеи, тогда они станут христианами, как мы, и мы станем иудеями, как они.

Когда дети станут такими же опытными, как родители, когда люди будут рождаться совершенно мудрыми и совершенно образованными, когда больше не будет слабых и несовершенных умов, тогда иерархия, прекратив существовать в природе, перестанет быть необходимой в Церкви. Свобода совести тогда станет единственной истиной, и можно будет обойтись без священников и пап. Но кем будет отец семейства, который, если он не чудовище, позволил бы своим детям отравлять себя под предлогом того, что они свободны? Нет, не свободен тот, кто, предоставленный самому себе, обязательно причинит себе зло. Не помешать безумному убить себя, даже с помощью силы, – это все равно, что самому стать убийцей.

Знаете ли вы, каково преступление современных христиан? – Не быть христианами в достаточной мере. Преступление католиков также в том, что они не достаточно католики.

Настоящие протестанты должны считать себя большими христианами и большими католиками, чем папа. Тогда они являются архи-папистами, или они не являются никем.

Человек не может обойтись без авторитета, и тот, кто считает ниже своего достоинства, обращаться за советом к Церкви, тот со всей серьезностью спрашивает совета у своего столлика или своей шляпы.

Спиритизм является фотографированием текущих идей. Книги Аллана Кардека напичканы сен-симонизмом, сведенборгизмом и мормонизмом; но они менее научные, чем у Сен-Симона, менее возвышенные, чем у Сведенборга, менее логичные, чем у Джозефа Смита. Так что нужно полагать, что люди дряхлеют и после смерти, и они бросают на землю замогильные бредни. Какая грустная перспектива для великих людей! Какая грустная находка для живых!

Прекрасная и святая монархия неба, Иисус Богочеловек и Мария Богоматерь! Ангелы Фра Анджелико⁸⁸, святые Золотой Легенды, девы из рая Данте, – насколько вы величественнее, поэтичнее, прекраснее тех призраков Каанье и блуждающих лярв Аллана Кардека! Строгий и нерушимый догмат, прекрасная и святая любовь, которая распределяет избранных по золотой лестнице иерархии, глубокое учение, полное света для нищих духом и тьмы для гордых, солнце славы и правды, люди вас больше не видят, потому что у них больные глаза. Да возвратятся они к разуму, и тогда они вернутся к вере, ибо вера и истинный разум – сестры, и обе являются любимыми

88 Итальянский художник, монах. Прим. перев.

дочерями Бога. Горе тому, кто не различает их, но трижды горе тому, кто хочет их разделить!

Мы стоим накануне религиозного преобразования, граф Местр сказал об этом, и все это знают; но каким будет это преобразование?

Наука и вера говорят нам об этом достаточно, это будет переход от анализа к синтезу, от христианства к мессианизму, от слепого католицизма к просвещенному католичеству.

Это будет примирением иудейского разума с христианской верой; возвращение к каббалистическим исследованиям подготовит это великое событие, предсказанное апостолами и ожидаемое всеми отцами Церкви. Самые просвещенные иудеи, которые знают и изучают Зогар, ожидают его приближения. Г-н Франк в своей книге о Каббале говорит об одной школе Зогар, которая почти полностью сделалась христианской; но, – добавляет он, – они считают текущее христианство лишь необходимым переходом от древнего догмата Моисея к всемирному религиозному синтезу.

Этот синтез предчувствуют все возвышенные умы нашего времени. О нем величественно мечтал Гете; Ламеннэ хотел, чтобы он был принят официальной Церковью; Шатобриан позволяет угадывать его под вуалями поэзии, которыми он покрыл жрицу Гомера – христианку Кимодокею⁸⁹; Мишле [Жюль] воспел его в ритмической прозе в Библии человечества, но люди слишком сильно видят в нем дитя Вольтера, озлобленного на христианство за теологическое варварство средних веков. Как бы то ни было, синтез делается. Мишле объясняет символы Индии, Персии и

89 См. роман Шатобриана «Мученики». Прим. перев.

Греции, но он меньше понимает символы христианского Рима, быть может потому, что христианский Рим дошел до того, что сам перестал понимать их. Дух, которым написаны апокрифические Евангелия, был утерян вместе с тайнами гностицизма, и современная церковная критика, находящаяся во власти холодного и узкого протестантского разума, предпочла искалечить легенды или стереть их, чем найти в них аллегорический смысл.

Мы нашли одну среди книжечек о рыцарских романах, и эта легенда, очевидно, древняя, кажется, восходит до эпохи гностических Евангелий; она полна трогательных аллегорий и имен греческого происхождения. Это легенда о святой Анне, матери святой Девы; Анна, чье имя означает благосклонность или благодать. О ее рождении объявлено стариком по имени Архос, имя, означающее принцип или начало; она родилась от одной дамы по имени Эмерантиана, или дама наших дней. Ее легенда – настоящая аллегорическая эпопея, и мы приводим ее здесь в качестве дополнения к нашей работе об апокрифических Евангелий, и в качестве подкрепления нашего мнения о гении первых христианских веков, и о философском смысле наших священных книг.

ЖИЗНЬ СЯТОЙ АННЫ, МАТЕРИ СЯТОЙ ДЕВЫ ОТ КАКИХ РОДИТЕЛЕЙ ПРОИЗОШЛА СЯТАЯ АННА

Давным-давно, в стране Иудее, в одном городе под названием Зефор, расположенном в двух верстах от Назарета, жила одна девушка, которую звали Эмерантиана, которая происходила из рода Давида, поклонявшемуся нашему Господу.

Эта девушка жила в страхе Божьем и телесной чистоте, и была угодна нашему Господу.

Она по обыкновению посещала людей набожных, пророков Илию и Елисея, которые обитали на горе Кармель, и разговаривала с ними о духовной жизни и чудесах нашего Господа, сотворенных Им в былые времена в двенадцати коленах Израиля, а также о разных пророках, которые неоднократно обещали приход нашего Господа, а также о том, что Сын Божий, чтобы исцелить человеческую природу, должен был родиться от молодой Девы, и почему это так долго не происходит.

Когда однажды Эмерантиана так вот беседовала с учениками Илии и Елисея, случилось, что она говорила с одним таким учеником по имени Архос, ста тридцати лет возраста, сказав: О, досточтимый Отче! Могу ли я спросить тебя о том, что терзает мое сердце.

Он ответил: Эмерантиана, дочь моя милая, смело спрашивай и ничего не утаивай, ибо слово твое мне приятно и радостно.

Тогда она сказала ему: Досточтимый Отче, мое сердце не может понять, как может в этом непостоянном мире найтись замужняя женщина, от которой произойдет святая дочь, которая удостоится родить Сына Божия, которого ни небо, ни земля не смогут объять, и как она выносит его тело в своем лоне и хрупком теле.

Как это можно понять? Ведь как я понимаю, как возможно, чтобы святость всех тех, кто были от начала мира и будут еще до скончания его, сможет вся оказаться в одной личности, несравнимой с той женщиной, от которой произойдет будущая Мать Сына Божия.

О, дорогой мой отче, когда я думаю обо всем этом, я прихожу в восхищение; однако я не могу не думать, почему наш Искупитель медлит вот уж более четырех тысяч лет?

И пока слезы скатывались с глаз этой девушки, она продолжала говорить и сказала: Увы! Я боюсь, что еще пройдут многие годы, прежде чем найдется на земле такая святая супружеская пара.

Святой отец Архос, выслушав эти слова и задумавшись над глубиной мысли этой святой девушки, изумился, и долгое время смотрел на нее как бы в восхищении, и от великого восхищения не мог произнести ни слова. Немного погодя к нему вернулась речь, и он сказал:

О, Эмерантиана! Благородная дама, молодая годами, но старая умом, вы кажетесь мне корнем того святого и незапятнанного брачного ложа, о котором вы сказали, из которого эта святая дочь, будущая мать, должна будет родить Сына Божия. Еще до того, как мы покинем этот мир, он придет; ибо истинно говорю тебе, что среди дочерей Иерусалимских не было подобной тебе, способной так глубоко мыслить, как ты; ибо Святой Дух пребывает на тебе; на тебе будет благословение всех сил надземных.

Эмерантиана, слушая, как говорит этот старец, утешилась, и, заплакав, упала на колени и сказала: О, Бог Израиля! Сколько еще будешь скрывать свое лицо от нас и от наших отцов в лимбе [местопребывание душ праведников], непрестанно вопиющих к тебе в великой тоске, и ожидающих от тебя того, кто был обещан пророками и святым Писанием.

Мы унаследовали пятно греха; кто освободит нас, если не ты, обещанная Дева? Когда мы сможем свободно пройти врата тьмы? О, Боже мой! Когда придет невинный агнец, который изгладит грехи людей и заплатит долги наших прародителей, этот сильный лев, который ломает врата ада? Когда запоем мы в юбилей: Пришел Господь наш, и просветилась тьма? Я бедная девушка, уверенная, что нам надлежит спуститься к

нашим отцам в лимбе, которые, однако, были совершеннее при своей жизни, чем я; но одно меня тешит, ибо я верю, что те, кто выйдут из моего рода, не приблизят место тьмы ада, тем более, что после меня взойдет безупречная ясность, которая озарит всякий мрак.

Когда ученики Илии и Елисея вместе со старцем Архосом услышали слова молодой Эмерантианы, то они сильно возрадовались с ней во Христе Иисусе, воздав ему хвалу, о чем он упомянул в книге чудес.

О ПРАВАХ И ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ ЭМЕРАНТИАНЫ

Эмерантиана была очень красива и хороша телом; она также была очень богатой, благородного происхождения, но еще более благородная своими добродетелями; ибо она с терпением наказывала свое тело и хранила такое молчание, что с вечернего часа до полудня следующего дня не произнесила ни слова; три дня в неделю она воздерживалась от мяса и не пила, и не ела ничего, кроме твердых и горьких корнеплодов, которые росли в пустыне; она не посещала никакого порочного человека; она влеклась только к людям добродетельным и духовным, благочестивым мужам и женам; она также посещала пророков Илию и Елисея, пребывающих на горе Кармель и живущих в строгости.

Также часто молилась Богу в закрытой комнате, и избегала всякую праздность, пребывая в божественном служении, помогая нищим с самого своего юного возраста, когда в ней появилось сознание, вплоть до времени, когда, по совету своих родителей, она вышла замуж и больше никогда не смотрела ни на какого мужа в лицо, кроме людей набожных и благочестивых, с которым она разговаривала с опущенны-

ми к земле глазами. Поэтому слух о ее святости разошелся по всей Иудее.

Нет ничего удивительного в том, что от хорошего дерева и хорошего корня происходят и хорошие плоды; ибо сказано в Евангелии, что не может дерево доброе приносить плоды худые [Мф. 7:18].

КАК ЭМЕРАНТИАНА ВЫШЛА ЗАМУЖ

Когда этой девушке Эмерантиане исполнилось восемнадцать лет, ее родители и друзья собрались и стали советовать, чтобы выдать ее замуж за благочестивого мужа. Прежде чем согласиться, она решила узнать Божью волю через служителей Бога; ибо она до этого собиралась провести свою жизнь в целомудрии; и так как она не знала, что хочет Бог, чтобы она приняла, то она пошла на гору Кармель посоветоваться со святыми, попросить их помолиться Богу, дабы Тот явил какой-нибудь знак своей божественной воли. Тогда святые отцы так и сделали, и стали молиться Богу. К концу третьего дня непрерывных молитв им явилась большая ветвь дерева, имеющая на себе лишь один плод, и как только плод был сорван, эта ветка тотчас же засохла. Сразу же после этого увидели, как другой прекрасный на вид плод был подвешен на эту засохшую и окруженную ослепительным божественным светом ветвь, так что этот плод казался таким ярким, что человеческий глаз не мог смотреть, и от этого видения святые отцы пришли в восхищение; но так как в этих чудесных знаках не возможно было понять божественной воли, то они возобновили свои молитвы, прося Бога явить им, что означает это знамение.

Прошло еще три дня в молитвах, прежде чем с неба раздался голос, объявивший значение этого знамения такими словами: Зеленая ветвь обозначает брак, который будет заключен с Эмерантианой; плод, принесенный ею, означает дитя, которое

она вскоре родит; сухость ветки обозначает бесплодие; свет, с которым плод прикреплен к ветке, означает божественную силу, благодаря которой Эмерантиана в своей старости, обесплощенной ходом природы, зачнет и произведет новый плод, который принесет спасение всему миру, имя которого будет изгонять злых духов, и добрые ангелы будут ему служить.

И когда святые отцы услышали этот чудесный голос, они воздали хвалу и благодарение Богу Творцу, рыдая от радости, и дали знать Эмерантиане, что в короткое время по воле божьей и совету своих друзей она возьмет мужа и через свой брак Бог явит миру свою великую милость.

Эмерантиана, узнав это, воздала благодарность Богу, и стала смиренно его молить, чтобы он по великой милости своей соединил ее в браке с добрым, праведным и верным мужем, который бы боялся Бога, и просила она ничего другого, как чтобы в браке умножить род к чести Творца. Наконец, она уступила всем этим настойчивым просьбам.

РОД СЯТОЙ АННЫ

В то время жил один молодой человек, богатый и с хорошим именем, по имени Столано [как правило, отцом Анны считают некого священника Матфана], происходящий из царской крови, благородный от начала своего детства, вскормленный в страхе Божьем, который, по совету друзей Эмерантианы, и был обручен с ней законным браком, от которого она родила дочь, которую называли Исмерия. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, она вышла замуж за Эленда, от которого родила дочь по имени Елизавета, которая имела мужем Захарию, – верховного священника, от которого произошел Иоанн Креститель, и еще Исмерия зачала дочь по имени Этим, – мать святого епископа Серватия. Затем, когда Эмерантиане исполнилось шестьдесят один год, она была уверена, что отныне и в

будущем, согласно ходу природы, у нее больше не будет детей; однако она ждала согласно обещанию, которое ей было дано святым отцом Архосом. Спустя несколько дней, пребывая в комнате в молитве, ее окружил яркий свет, и она услышала голос, который ей сказал: Эмерантиана, сегодня я возвещаю тебе о великой радости, грядущей в мир, ибо всемогущий Бог хочет явить свою бесконечную милость детям рода человеческого; близко время, обещанное им через пророков; ибо корень Иессея [отец царя Давида] и семья Авраама получит благословение, и будет кому воссесть на престол Давида. Слушай меня, ибо дух Бога живого во мне.

О ЧУДЕСНОМ РОЖДЕНИИ СВЯТОЙ АННЫ

Когда Эмерантиана увидела яркий свет, она сильно испугалась, она услышала голос, говорящий ей: Эмерантиана, не бойся и не страшись, но чти твоего Творца всей своей силой; ибо по его милости ты зачнешь вопреки ходу природы от Столано, своего мужа, и родишь дочь, от которой родится дочь, которая была предуготована прежде творения мира, стоящая выше всех творений человеческих; ибо Бог хочет совершить в ней нечто непостижимое, превосходящее понимание ангелов и людей, превосходящее дела природы.

Тогда Эмерантиана ответила: Я дочь Адама, стара годами, плода брака нет во мне; поэтому я не могу естественно зачать; однако я знаю и верю, что для Бога нет ничего невозможного. Делай со мной по своему доброму желанию и по своей великой милости; ибо наши родители и я сильно согрешили и ничего не заслуживаем. Тогда она снова услышала голос, который сказал ей: Дочь, мир с тобой, ибо нужно, чтобы я дал знать о божественной силе и воле также и Столано, мужу твоему. В то время Столано пошел посмотреть свои стада, пасущиеся на лугах; и когда он был в своей молитве, внезапно его окружил свет, и он услышал голос, который сказал ему: Сто-

лано, мир с тобой, встать и иди в дом свой, и ляжь с женою своею Эмерантианой, имя которой будет явлено всему миру.

Когда Столано услышал этот голос, он сильно испугался, и еще больше удивился; ибо было ему семьдесят лет, и оба они были неспособны дать потомство, согласно ходу природы. Тогда он снова услышал голос, говорящий: Столано, не сомневайся, ибо нет ничего невозможного для Бога, и в подтверждение тому, что я сказал, я дам знак, и когда ты войдешь в свою комнату, где тебе надлежит лечь, посмотри у изголовья кровати, и увидишь надпись из четырех золотых букв, которые никто не мог написать. И сказав это, яркий свет вокруг него исчез. Когда Столано понял, он встал в своей келье, воздал хвалу Богу и отправился к своей жене Эмерантиане, и они рассказали друг другу, что видели и слышали, затем вошли в комнату и обнаружили знамение из четырех золотых букв, написанное у изголовья кровати, как бы две А и две N, которые соединялись и давали Анна⁹⁰, которую Эмерантана вскоре зачнет и родит, и за которую они воздавали хвалу и благодарение Богу, ожидая исполнения обещания Творца. Спустя немного времени Эмерантиана зачала от своего мужа Столано плод по особой милости Бога и с великим желанием ожидала времени родов.

Когда это время пришло, она пошла к тем ученикам, смиренно моля их, чтобы они вознесли молитвы за нее Богу, дабы он соизволил сохранить от врага плод, который она принесет, и чтобы она могла благополучно родить. В то время был один ученик по имени Франсуа, который, когда увидел Эмерантиану, упал на колени, восклицая громким голосом, говоря: Кто эта святая матрона, которая стоит здесь возле меня? Эмерантиана ответила ему: Досточтимый отец, разве не узнаешь меня? Я старая Эмерантиана, твоя смиренная раба. Он сказал ей: Эмерантана, я вижу в тебе великую тайну, превосходящую ход природы. Истинно говорю тебе, как

90 На еврейском имя Анна из трех букв: אַנָּה. – Прим. перев.

свеча или лампада освещает тьму, так и я вижу в чреве твоём сияющую ярким светом дочь, которой не могу налюбоваться, ибо она превосходит понимание человеческое.

Эмерантиана сказала ему: Уважаемый Отче, неисповедимы пути Господни, и милости его непостижимы, и то, что он хочет явить в скором времени своему народу. Помолитесь за меня; ибо божественная благость хочет явить себя, что нам было обещано уже давно.

Когда добрый отец Франсуа и его братия услышали это, то они с жаром начали молиться за нее, и они сказали ей: Эмерантиана, возрадуйся, ибо молитва твоя услышана; возвращайся в свой дом и готовься к родам.

В КАКОЕ ВРЕМЯ РОДИЛАСЬ СВЯТАЯ АННА

Когда пришел час Эмерантиане, согласно обещанию ангела, родить дочь, то случилось это, как и было предсказано; и на груди этого ребенка появились четыре золотые буквы, составляющие имя Анна. Это имя сияло, как драгоценные камни.

ЧУДО, СЛУЧИВШЕЕСЯ ИЗ-ЗА ЕЕ ИМЕНИ

Когда это прекрасное чудо с ее именем увидели женщины, помогавшие ее рождению, то слух об этом чуде разнесся по всем краям, и приходили великие люди из народа, чтобы увидеть это чудо; среди прочих пришел один слепой рыцарь, и так как его глаза не могли увидеть имя святой Анны, то он попросил дотронуться до него руками, на что ему дали разрешение. Эмерантиана, видя, что он был одним из праведников Иерусалима, не посмела ему отказать и согласилась. Когда он дотронулся до ее имени, и с великим благоговением поцеловал ее, случилось, что ручка Анны коснулась его глаз, которые внезапно открылись, и он увидел, чего не мог видеть рань-

ше, так как был слепорожденным. Когда он увидел имя святой Анны с такой великой ясностью, то от великой радости он воскликнул, сказав: Будь благословен Бог Израиля. Эмерантиана взволновалась от этого чуда, боясь, что если простой народ узнает об этом, то толпой повалит, чтобы увидеть ее дочь, а от этого ребенок может и заболеть, по причине нечистоты многих людей; поэтому она умолила этого рыцаря не разглашать то, что с ним случилось. Когда рыцарь услышал это и увидел, что Эмерантиана так сильно озабочена, то пообещал ничего никому не говорить; он поцеловал ее с великим почтением, закрыв глаза, как если бы по прежнему был слепым, и повелел своему слуге вести себя в Иерусалим, место своего проживания.

КАК СВЯТАЯ АННА НА ПРОТЯЖЕНИИ ПЯТИ ЛЕТ СЛУЖИЛА В ИЕРУСАЛИМСКОМ ХРАМЕ С ДРУГИМИ ДЕВОЧКАМИ

После того, как Эмерантиана и Анна, дочь ее, перебрались жить в Вифлеем, пришло девять священников из Иерусалимского храма, которые приняли святую Анну от ее матери с великими почестями, которой не было еще и трех лет, ввели ее с великим почтением в Иерусалимский храм, чтобы она служила там с другими благочестивыми, среди которых Анна росла в любви Бога и процветала всякими добродетелями; проводя день и ночь в своих молитвах, она была также прилежной в своем рукоделии, которое ей поручалось, ибо девочки, служа в храме, должны были стирать, шить и мыть украшения в храме.

Когда она оказывалась наедине, она падала на колени, чтобы молиться Богу с великим благоговением, и один из священников храма, заметив это, удивился великой благоговейности этой девочки. Чтобы еще лучше удостовериться в этом, он спрятался в комнате, где она по обыкновению творила свои

молитвы, дабы он мог увидеть и услышать, как она молится. И вот настала полночь, Анна, как обычно, встала со своей кровати, и стала молиться с сомкнутыми руками, с коленями на земле, глазами, устремленными к небу, такими словами:

О, Бог Израиля! Моя совесть свидетельствует мне, что мы сильно оскорбляем тебя, и поэтому ты отдалился от нас; Господи, сколько еще времени пройдет до освобождения нас из нашего жестокого рабства? Мы ждем, по обещанию, данному нам тобой через отца нашего Авраама, когда дашь нам избавителя. Господи, не помяни наши прошлые ошибки; но пусть твоя милость придет утешить нас.

Вспомни о наших отцах Аврааме, Исааке и Иакове, и о милости, которую ты им обещал.

Молю тебя, Господи, внять молитве моего нежного сердца, и не отвергай мое прошение, ибо ты мой Отец, сотворивший меня; поэтому мои уста и восхваляют тебя с моей юности, а когда я приду в возраст, то воздам тебе еще большие хвалы, исповедуя тебя, и буду помнить о твоей милости, и буду молиться за тех, кто в тебя не верит.

Когда Анна так помолилась, она пала ниц на землю и немного отдохнула.

Священник, который спрятался, чтобы увидеть и услышать горячие молитвы этой девочки, пришел в восторг от того, что увидел такое великое благоговение, и сказал в себе:

Если бы все мудрецы Иерусалима увидели набожность этой девочки, то они удивились бы этому не менее моего. И так как приближался день, то этот священник не посмел больше оставаться, боясь быть замеченным, но тайно удалился. Впечатление, которое на него произвело узнанное об этой свя-

той дочери, было такое, что всякий раз, когда он видел Анну в лицо, он сцеплял руки и говорил:

О, всемогущий Боже! я не мог жить спокойно, пока не узнал об этой святой девочке, и я верю, что эта дочь достигнет великой степени святости.

Анна продолжала свои молитвенные упражнения, и все больше и больше становилась угодной Богу.

КАК УМЕРЛА ЭМЕРАНТИАНА И БЫЛА ПОЛОЖЕНА В ГРОБНИЦУ ВОЗЛЕ СВОЕГО МУЖА СТОЛАНО

Когда Эмерантиане, матери святой Анны, исполнилось семьдесят восемь лет, она сказала своей дочери Анне: Вот, мои дни истекли, время мне упокоиться с моими отцом и матерью и быть в гробнице подле Столано, твоего отца. О, дорогая моя доченька! Помни о милости, которую явил нам Бог, и терпеливо жди времени благодати, обещанной нам Богом. Храни заветы Бога, сострадай нищим, утешай скорбящих, спрашивай совета у людей набожных и ученых, читай Святое Писание, воздавай благодарения Творцу всякого блага, которое он тебе сотворил, и будь кроткой со всеми людьми, и не предавай забвению последний день своей жизни, но всегда будь готова.

Когда Эмерантиана наставляла так Анну, дочь свою, пришла смерть, чтобы похитить ее жизнь.

Анна горько оплакивала смерть своей матери, благоговейно моля Бога за нее. Тогда Анна собрала всю свою родню, и они похоронили Эмерантиану с великими почестями, и погребли ее рядом с ее мужем, как она и просила. Анна оплакивала свою мать столько дней, сколько ей было лет.

КАК СВЯТАЯ АННА В ВОЗРАСТЕ ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ ВЫШЛА ЗАМУЖ

Когда Анне исполнилось восемнадцать лет, то по совету своих друзей она вышла замуж за человека боящегося Бога, благородных кровей, из рода царя Давида, по имени Иоаким, который жил святой жизнью в страхе Божиим, и хранил его заповеди, и был милосердным к нищим; ибо о нем сказано, что когда исполнилось ему пятнадцать лет, то он разделил свое имение на три части, отдав одну часть нищим, другую – храму, а третью часть оставил для покрытия нужд своего дома.

Когда ему исполнился двадцать один год, он обручился с Анной и взял ее в жены, а была она очень любвеобильной, творила добро нищим и даже больным и скорбящим; она проживала в Назарете, небольшом городе в Галилее, в котором ангел Гавриил объявил Марии, ее дочери, что она зачнет и родит сына Божия; итак, Анна вела крайне святой образ жизни. Однажды случилось, что она читала, как Товит наставлял своего сына, что в случае, если Бог сильно одарит его мирскими благами, то он должен их раздавать нищим, и слова эти напугали ее, так как она подумала в сердце своем: Боже! сколько у меня благ и всяческого добра! Увы, я была неблагодарной и не исполнила так, как это велит заповедь. Когда она так размышляла, неожиданно пришел Иоаким, ее муж, и увидев ее грустной, сказал ей: О, возлюбленная моя! Отчего ты грустишь? Она ему ответила: Мне кажется, что раз Бог одарил нас благами, то мы должны разделить его на три части, чтобы две первые части раздать во славу Бога, а третью часть оставить для своих нужд. Он сказал ей так и поступить, ибо он и сам желал сделать подобное, еще до того как они соединились. Когда Анна это услышала, то возрадовалась, и приготовила мула, уселась на него, и поехала со своими слугами в луга и в места, где пасся их скот, чтобы пригнать к дому. Скота насобиралось две тысячи двести. И когда они их пригнали, они их раздели-

ли на три равные части; одну часть отдали в храм, другую – нищим, а третью они оставили себе на пропитание, и еще она продолжала помогать бедным вдовам и сиротам, везде, где их находила, и делала это с согласия своего мужа Иоакима, ибо он был таким же милосердным к нищим, и они жили в страхе Божиим, во взаимном мире и любви, тщательно храня заповеди Бога.

Увы! Много ли сегодня найдется супружеских пар, которые ведут себя подобным образом! Так устроил Бог. Да будет так.

КАК АННА ПРОВЕЛА С ИОАКИМОМ В БРАКЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ БЕЗ ПЛОДА, И КАК ИОАКИМА, ПРИШЕДШЕГО ПРИНЕСТИ ЖЕРТВУ, УПРЕКНУЛ ВЕРХОВНЫЙ СВЯЩЕННИК

Иоаким провел с Анной в браке двадцать лет, живя по Богу, и у них не было плода, что было великим позором в глазах людей, ибо в то время насмехались над теми, кто были бесплодны и кто не увеличивали численность народа, и по этой причине презирались большинством.

Поэтому-то они творили свои молитвы Богу с жаром, дабы он сглянулся над ними и послал бы им плод, который они пообещали отдать на службу в Иерусалимский храм.

Однажды Иоаким пришел на большой праздник с другими из своего рода в Иерусалим, чтобы принести жертву, согласно закону, и он подошел к алтарю и положил на него жертву.

Священник взял ее и сбросил с алтаря в присутствии всех людей, упрекнув его в бесплодности, говоря:

Не прилично принимать твою жертву с жертвами тех, которые плодовиты, ибо твой брак не приумножил народа Израиля.

От этих слов Иоаким загрустил и затосковал, он склонил голову и не смел никому взглянуть в лицо.

КАК ИОАКИМ ПОШЕЛ ПОСМОТРЕТЬ, КАК ЕГО ПАСТУХИ ПАСУТ ЕГО СКОТ, И КАК ЕГО УТЕШИЛ АНГЕЛ

Когда Иоаким в присутствии своих друзей и всех людей был таким образом выгнан, ибо это была его вина, то он не смел вернуться в Назарет, боясь, что его соседи будут упрекать его за то, что произошло с ним в храме, поэтому он направился к своим пастухам и решил жить с ними, не возвращаясь в Назарет, и ждать, что Бог утешит его и даст ему понять, что делать дальше.

И когда он провел там немного времени, однажды так случилось, что когда он был один, к нему пришел ангел Божий в ярком свете, утешая его и воодушевляя, дабы он не боялся, такими словами: Я - ангел Бога, им посланный, чтобы объявить, что твоя молитва услышана Богом, и что твои милостыни поднялись на самое небо; он увидел стыд и позор твоего бесплодия; ибо Бог мститель грешникам, а не природы. И когда делает женщину бесплодной, то делает это, дабы чудом вернуть ей плодовитость, когда ему будет угодно, как он это сделал с Сарой, женой Авраама, которая в старости своей родила Исаака. Подобно и Рахиль была бесплодной и в старости родила Иосифа, который стал великим вельможей в Египте. Затем Самсон и Самуил, которые оба родились от матерей, которые долгое время были бесплодны; итак, нужно верить, что поздние рождения тем более чудесны, чем они более поздние. Знай, что твоя жена зачнет дочь, которую ты назовешь Ма-

рией. Эта дочь освящена Богом, и с чрева материнского будет преисполнена Святым Духом; поэтому она не будет жить среди обычных людей, но в храме, дабы никто не заподозрил ее, и так она будет рождена от бесплодной женщины; и от нее родится Сын Божий, который назовется Иисус, и через него все творения примут спасение. А в качестве знамения истины твоя жена Анна встретит тебя в Иерусалиме при золотых воротах, ибо она догадывается, что ты там к ней вернешься.

Когда ангел так сказал Иоакиму, тот возрадовался; и так как Анна, его жена, тосковала, ожидая его прихода, то этот же ангел явился и ей, и утешил ее, сказав то, что объявил Иоакиму, и что она отправится в Иерусалим к золотым воротам, где она его встретит, что она и сделала.

И когда они встретились, они преисполнились радости от обещания ангела, насчет дочери, которая у них должна появиться. Отслужив в храме Богу, они вернулись вместе в Пазарет, где они стали с великой радостью ожидать исполнения божьего обещания. Вскоре после этого Анна зачала, и спустя девять месяцев она родила дочь, которую называли Мария, как повелел ангел. И какая была радость на небе и на земле от этого рождества! Кто мог объяснить счастье, которое ждет людей!

О РОЖДЕСТВЕ МАРИИ

В день, когда Анна должна была родить блаженного ребенка, о котором ангел возвестил Иоакиму, ее мужу, от пошел найти повитух, чтобы помочь Анне с родами. Итак, пойдя на гору, он нашел Елизавету, жену Захарии, и Исмерию, сестру Анны, восьмидесяти одного года. Когда их ввели к комнату Анны, они почувствовали в сердце великую радость, и чем ближе они приближались к Анне, тем большую радость они чувствовали. Когда настал час Анне родить, ее вдруг окружило яркое сияние, и она родила прекрасную дочь, сияющую, как

солнце, и тотчас же пришло множество небесных духов, мелодично поющих: Вот царица небесная и грядущая мать Сына Божия. Когда повитухи собрались в комнате Анны, и находились там шесть дней, то видели чудеса и воздали славу Богу.

ЧУДО

В момент, когда родилась Мария, спустился парящий орел на дом, где Анна рожала, держа в своем клюве веточки, из которых свил гнездо на этом доме, которое стояло там много лет, даже после воскресения Иисуса Христа.

ДРУГОЕ ЧУДО

В то же время в пустыне недалеко отсюда был один весьма большой единорог, подобного которому никогда еще не видели, и на которого часто охотились цари, но не могли его схватить; но когда родилась Мария, он подошел к воротам, и никто не мог его прогнать. Тогда один рыцарь по имени Адриан, проживавший возле Назарета, пронзил его копьем и убил, и поднес его верховному священнику Иерусалима, который его за это премного поблагодарил.

ДРУГОЕ ЧУДО

В то время все, жившие в окрестностях Иерусалима и в стране Иудее, были одержимы злыми духами, и издавали такие страшные крики, что народ сильно поражался, боясь, что Бог хочет поразить всю страну. Тогда в Иерусалиме был один святой человек, который стал заклинать одного из одержимых, дабы тот сказал, отчего это случилось. Тогда злой дух сказал устами одержимого: в этот день родилась в Назарете дочь, которой ангелы очень возрадовались, и что они не могут более пребывать в телах одержимых, и что они вынужде-

ны выйти из них, чтобы быть ввергнутыми на дно ада силою этой божественной дочери.

ДРУГОЕ ЧУДО

В то время были избавлены от врага двести пятьдесят одержимых людей в стране Иудее и Самарии.

КАК АНГЕЛ ОБЪЯВИЛ ИОАКИМУ О РОЖДЕНИИ МАРИИ

В то время, как Анна рожала Марию, Иоаким был вне дома, ожидая радостных вестей о рождении. Как только ребенок появился, к нему подошел ангел, говоря: Иоаким, возвещаю тебе великую радость, ибо сегодня родился плод, который тебе был обещан, и я повелеваю тебе на протяжении шестнадцати дней не входить туда, где лежит Анна, дабы не нарушать радость повитух, собравшихся там; в это день радость твоя и всего мира.

Сказав это, ангел исчез, и Иоаким тотчас же пал ниц на землю, благодаря Бога; после чего он встал и пошел в свой дом, преисполненный радости, и повелел всей своей семье, чтобы никто не входил туда, где лежит его жена.

После этого Иоаким оделся в свои лучшие одежды, и взял дар и жертву с собой, и отправился с ними и со своей семьей в Иерусалим, чтобы поднести Богу свою жертву. Когда священники храма услышали, что Бог послал им дочь, они очень возрадовались, восхваляя Бога песнопениями, и воздавая Иоакиму и его семье честь и почтение. Иоаким оставался в храме с семьей восемь дней, чтобы отпраздновать рождение дочери, затем вернулся на постоянный двор. И когда прошло шестнадцать дней, Иоаким послал одного из своих слуг в комнату Анны, где еще находились повитухи, и

дал им знать, что шестнадцать дней прошло, во что они не могли поверить, ибо им казалось, что они не провели здесь и пол дня, ведь они не заметили ночи, так что они не могли поверить тому, что говорил им слуга; но чтобы убедиться в этом, они позвали Иоакима, который им сказал, что прошло шестнадцать дней. Тогда они вышли, и каждая возвратилась в свой дом.

КАК ИОАКИМ ПОВИДАЛ СВОЮ ЖЕНУ АННУ, ПОКА ОНА ЛЕЖАЛА, И В ВЕЛИКОЙ РАДОСТИ ПОЦЕЛОВАЛ СВОЮ НОВОРОЖДЕННУЮ ДОЧЬ

После того, как повитухи провели с Анной шестнадцать дней, они возвратились себе. В этот момент Иоаким вошел к Анне, своей жене, и поприветствовал ее. Тотчас же она дала ему в руки свою дочь, которую он с радостью принял, хваля Бога, и от великой радости начал плакать, видя красоту этого ребенка; затем отдал ее Анне и назвал ее Мария, как ему был повелел ангел. Когда они нарекли ее этим именем, пришло девять ангелов, которые упали на колени девять раз, говоря: Благословенно будь имя Марии; сегодня нам явлено имя нашей царицы; почему мы и возрадовались, дождавшись этого имени. Тогда они исчезли, мелодично поя.

Когда Мария услышала мелодичную песню ангелов, она взглянула на них с улыбкой на лице, от которой ее родители пришли в великую радость, дивясь чудесам, которые Бог творит на земле, и затем услышали голос с неба, говорящий: Иоаким и Анна, не удивляйтесь тому, что вы увидели и услышали, как если бы это было нечто новое, ибо это было предвидено Святой Троицей, и теперь случилось по воле Бога, чтобы явиться всем тварям на земле. Отчего Иоаким и Анна удиви-

лись; они пали на колени, воздавая благодарения и хвалы всемогущему Богу.

КАК МАРИЯ ИЗОБРАЖЕНА В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Святой Иероним в одной проповеди на Успение Марии говорит: Она была изображена патриархами, возведена пророками, показана Евангелистами; Мария – это та дама, о которой упомянуто в первой книге Ветхого Завета, Бытия [Быт. 3:15], которая раздавит голову змия, т.е. того врага, который возбудил похоть плоти и гордость сердца; также она является тем светом, которому Бог повелел быть, из которого он вышел.

Она является верной копией Иисуса в полноте благодатей Бога, она зачала от Духа Святого, родила без боли и осталась пречистой Девой. Поэтому Ева называется лишь матерью мертвых, другом умирающих, как смерти души, так и смерти тела; но Мария всех нас избавила от этих двух смертей, ибо Иисус, ее Сын, есть истинная жизнь души и тела верующих, которые через него спасены; но она также и ковчег Ноя, который сделан из непортящегося дерева, истинного Ноя Иисуса Христа, который единственный оказался праведный в своем рождении; она есть та Ревека, сын которой Иаков боролся с ангелом, который получил отцовское благословение за всех тех, кто боролись против злого врага. Она также та лестница, которую видел патриарх Иаков в видении, и по которой ангелы поднимаются и спускаются. Она также та прекрасная Рахиль, родившая Иосифа, который не только был господином своих братьев, но и всего Египта, и также князем ангелов, Господом всех тварей, благословенным Иисусом Христом. Она также изображена неопалимой кушиной Моисея [Исх. 3:2], которая, казалось, горела, но не горела, ибо она приняла Сына и осталась нетронутой Девой. Она еще изо-

бражена расцветшим жезлом Аарона [Чис. 17:8], ибо она породила Иисуса Христа. Она также изображена руном Гедсона [Суд. 6:37], на которое спустилась ночная роса, не омочив землю; ибо Сын Божий спустился в нее, не нарушив ее целомудрия. Еще она изображена жезлом Моисея, который разделил море на две части, чтобы дети Израиля прошли посуху, и которым Моисей ударил камень, из которого потекла вода, которой напились все люди и все стада. Также она изображена истинным щитом Иисуса Навина, которым он победил врагов Божиих; ибо она одна уничтожила все ереси. Мария также является престолом истинного царя Соломона и креслом из слоновой кости; ибо ее девство подготовило Иисусу Христу престол и кресло в ее девственном чреве, где он отдыхал на протяжении девяти месяцев. Еще она является славой Иерусалимского храма, который построили без орудий, топоров или молотов, ибо она породила Иисуса Христа без боли. Также Мария является той блаженной Девой, о которой пророчествовал Исаия и Иеремия; первый сказал: И произойдет отрасль от корня Иессеева, и дева родит сына [Ис. 11:1, 7:14], а другой сказал: Ибо Господь сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа [Иер. 31:22]. Если бы он сказал о ребенке, то это не было бы чем-то новым, чтобы удивляться, если бы Иисус Христос был человеком из чрева своей матери, не от возраста, но от мудрости; не по силе телесной, но по силе духовной, положен в ясли, в возрасте тридцати трех лет, он проповедовал и он до настоящего времени восседает справа от отца своего вечного; но он не воспользовался этой мудростью на время, как мирской мудростью, чтобы показать, что он поистине принял человеческую природу. Также она является той высокой горой, из которой был вырезан камень не руками человеческими, и под которым камнем нужно понимать Иисуса Христа, который родился от Девы без труда мужа. Также она является закрытыми дверями, в которые только Господь входил и выходил; ибо Мария осталась Девой, зачав и родив, и будет оставаться такой всегда.

Также Мария является тем золотым подсвечником, у которого, как сказал пророк Захария, семь горящих светильников в храме Иерусалимском, которые означают семь дел милосердия Марии, и светлый образец ее святой жизни и добрых нравов. Она также есть ковчег Завета, в который были положены заветы закона и две скрижали Моисея, на которых рукой Бога были написаны десять заповедей, которые Мария тщательно исполняла, живя по ним; в этом же ковчеге был также и жезл Аарона, который расцвел и принес плод живой, Иисуса Христа, который питает нас своей божественной плотью и драгоценной кровью святых таинств алтаря; этот ковчег также содержал манну, которую дети Израиля получили в пустыне, и Мария носила истинную манну неба в течение девяти месяцев, истинный хлеб ангелов, и мясо больным; этот ковчег был также из не гниющего дерева, таковой же была и Мария, без разложения, перенесенная на небо в теле и душе; у ковчега было четыре золотых кольца по бокам, благодаря которым его несли; у Марии же было четыре главных добродетели, которые являются корнями всех добродетелей.

У ковчега было два древка, которые вставляли в четыре золотых кольца, когда его несли, и они-то изображают любовь, которая была у Марии, а именно – любовь к Богу и к своему ближнему. Ковчег был позолочен изнутри и снаружи, так и Мари украшена, сверкая всеми добродетелями. Мария изображена дочерью царя Астиага [последний мидийский царь], который, как сказано в школьной истории, увидел в видении как бы растущую из чрева этой дочери ветвь, которая разрастается так сильно, что покрывает все его царство, и ему было сказано, что из его дочери выйдет царь, и после она родила царя Кира, который освободил детей Израиля от вавилонского плена; также было сказано через ангела Иоакиму и Анне, что от них произойдет дочь, которая освободит нас от власти дьявола, также изображено источником, выходящим из закрытого сада; ибо она была закрыта во чреве сво-

ей матери, была освящена Святым Духом и оберегаема Святой Троицей, так что никакой грех не смог войти в нее; она еще изображена пророком Валаамом, который сказал, что из рода Иакова выйдет звезда великого моря [Чис. 24:17], а именно – этого тленного мира, без помощи которой невозможно ни избежать кораблекрушения, ни прийти в порт спасения. Святая Церковь приветствует ее ежедневно этим гимном: *Ave, maris stella*, т.е. приветствую тебя, звезда морская, о которой также и святой Бернард написал гомилию, в которой сказано: Мария есть сверкающая звезда этого великого моря мира, блестящая добродетелями, делами и примерами доброй жизни и добрых нравов. Мария также изображена храмом Соломона, который он построил Богу из белого камня, мрамора, сверху позолоченных; также и Мария белая и святая чистотой, девственна телом и душой, украшена любовью и милосердием.

КАК ИОАКИМ И АННА КОРМИЛИ СВОЮ ДОЧЬ МАРИЮ

Когда Анна родила, то отнесли Марию в храм, согласно закону, и после того, как принесли в свой дом, Анна и Иоаким заботливо кормили ее с великим благоговением, и не позволяли ей никого касаться, кроме себя и Фины, – сестры Анны [выше сестрой была названа Исмения]. Кто может описать ту великую радость, которую они испытывали, глядя на это благословенное дитя, целуя его и играя с ним? Думаю, никто не может этого выразить. Иоаким и Анна смотрели на нее с таким восхищением, что они иногда даже забывали пить и есть, и им казалось, что время летит. Они повелели всей своей семье, чтобы никто их не тревожил, когда они находились вместе со своим дитем в комнате; что и исполнялось.

ПРИНЕСЕНИЕ МАРИИ В ХРАМ

Когда Марии исполнилось три года, Иоаким сказал Анне: Моя дорогая Анна, помни обещание, данное нами, ибо не было бы у нас плода, если бы не дали обет Богу, что отдадим его в храм, если он соизволит нам послать его. Тогда Анна ответила ему: Мой дорогой друг, как бы ни тяжело было нам отдать нашу дочь, еще горше будет не исполнить наше обещание и не отдать ее Богу. Поэтому я готова последовать твоему совету и исполнить его. Он начал готовиться, и собрал своих ближних друзей и честных женщин из своего рода, взял дорогие дары и богатую одежду медового цвета, которая была спита золотыми нитями и сверкала, как звезда на небе, и сделал венец из прекрасных цветов, который возложил Марии на голову, и прикрепил к нему пять драгоценных камней, блеск которых превосходил блеск всех камней; и когда все было готово, то она со своим мужем, своей дочерью и своими друзьями отправились в Иерусалим и были три дня в пути; от Назарета к Иерусалиму тридцать пять верст; они проделали путь в великой радости, ибо их сопровождали ангелы.

Когда они прибыли в Иерусалим, то Иоаким послал сказать священникам храма, чтобы они приготовились принять его дочь; они приготовились, взяв дорогие одежды, в которые и облачились.

КАК МАРИЯ БЫЛА ПРИНЯТА В ХРАМ

Когда Иоаким и Анна с Марией, своей дочерью, и своими друзьями, будучи одетыми в свои лучшие одежды, и одев свою дочь Марию в одежду и венец, они все вместе подошли к храму, а храм возвышался на горе, и им надлежало взойти по пятнадцати ступеням.

Итак, они начали подниматься, и хотели было вести свою дочь за руку до самого верха, но Мария поднялась по ступеням совершенно сама, и так быстро, как если бы ей было двенадцать лет, что вызвало великое изумление у священников, ее родителей и друзей, и у всех тех, кто видели ее и слышали, что ей всего лишь три года. Когда они приближались к храму, они имели наготове свой дар, и они подошли к священнику и отдали ему свою дочь Марию с богатыми дарами, как и обещали. Тогда священник принял ее с великим почтением, с песнями и хвалами, и отвел ее вместе с другими девами жить в храме, служить и днем, и ночью.

КАК МАРИЯ ТРИЖДЫ ПРИНОСИЛАСЬ В ХРАМ

Однако, как говорят святые епископы Епифаний, Карсий и Василид, Мария трижды приносилась в храм; но Вицептий в «Зерцале истории» и многие другие пишут, что когда ей исполнилось три года, ее отдали в храм, где она уже пробыла доброе количество времени, ибо впервые она была принесена в храм своей матерою через восемьдесят дней после своего рождения с даром очищения, согласно заповеди закона, по которой женщина, у которой родилась дочь, должна быть вне храма восемьдесят дней, а если сын, то она должна быть вне храма сорок дней, и это по той причине, что, как пишут учителя природы, сын получает жизнь в утробе своей матери в два раза раньше, чем дочь. Когда Анна принесла Марию в храм с обычным даром, она сразу же забрала ее с собой обратно в дом. Второй раз ее принесли в храм, когда Марии исполнилось три года, как было выше сказано. Но спустя немного времени ее снова вернули в дом ее родителей, где она находилась, пока ей не исполнилось семь лет, когда ее отдали в храм в третий раз, где она находилась до четырнадцатилетнего возраста.

КАК ПРИНЕСЕНИЕ МАРИИ В ХРАМ БЫЛО ИЗОБРАЖЕНО ЗАРАНЕЕ

Принесение Марии в храм было заранее изображено на дощечке, которая была найдена в Сорбионе [Sorbion], о которой говорит Школьная История [Scholastica Historia]. Однажды рыбаки забросили сеть в море, и когда вытянули на борт, то обнаружили в ней золотую дощечку, которую они поднесли Солнцу, ибо они поклонялись Солнцу, как своему Богу в храме Солнца, который был построен на берегу моря. И эта дощечка является прообразом Марии; также прообразом является и дочь Иеффая, о котором написано в Библии в книге Судей [Суд. 11:30-31, 34, 39], но она была принесена неблагоприятно, ибо она больше не могла служить Богу [Иеффай принес свою дочь в жертву]; Мария же была принесена благоприятно, и служила Богу все дни своей жизни.

КАК МАРИЯ БЫЛА ПРИНЕСЕНА В ХРАМ И ПРЕБЫВАЛА ТАМ ДО ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Итак, Мария была принесена в храм; там она пребывала до четырнадцатилетнего возраста, и жила там с другими девочками, которые также были угодны Богу; она изучала закон Моисея, – слуги Бога. Она помышляла в своем сердце взять Бога себе за отца и за родню, и могла сказать вместе с Давидом: Отец мой и мать моя оставили меня, но Господь примет меня [Пс. 26:10]. Она училась от священников закону Моисееву, думая в своем сердце, что бы она могла сделать, чтобы больше угодить Богу, и непрестанно молилась Господу, дабы он дал ей благодать творить его волю, дабы она могла хранить заповеди закона, и дабы его воля была единой с ее, и дабы она могла любить все, что любит Бог; и ненавидеть то, что он ненавидит, и иметь в себе все добродетели, которыми бы она могла угодить Богу, и дабы ежедневно возрастала во

всех добродетелях и в мудрости, и была бы выше всех дев, которые там были; она непрестанно созерцала бесконечную божественную доброту в отношении исправления рода человеческого. Она часто молилась Богу и иногда читала святое Писание, или шила в храме одежды, приделывала новые украшения, и штопала старые одежды, и зашивала то, что ей велели священники; ибо в подобном деле и упражнялись девочки в храме. Когда они достигали замужнего возраста, четырнадцати лет, их отдавали их родителям, чтобы выдать замуж. Мария также упражнялась в чтении Святого Писания и читала о приходе нашего Господа, которого она находила мудрейшим за всех, кто были в храме, самым смиренным, наиболее любящим, наиболее целомудренным, самым совершенным во всех добродетелях; также она была тверда во всех добрых делах и никогда не унывала. Никогда ее не видели в гневе, ее слова были преисполнены кротости; так что по ее языку могли познавать Бога. Она заботилась о своих подругах, стараясь, чтобы они не оскорбляли Бога или своих ближних, или не подавали дурных примеров, или чтобы не провоцировали никого на грубость, или чтобы никого не обижали. Она непрестанно славословила Бога и молилась за спасение рода человеческого; и когда ее приветствовали, она отвечала: *Deo gratias* [благодарности Богу]. Вероятно, что от нее и пошел тот обычай, когда людей приветствуют, они отвечают: *Deo gratias*. Мария также дала обет целомудрия Богу, до которой не было подобного примера, ибо ни одна девушка, от начала мира, не делала ничего подобного, так что она была первой, давшей обет целомудрия Богу. Она так мудро поступала во всех своих делах, что ее жизнь была для всех людей зеркалом добрых нравов и добродетелей, как о ней написал святой Амвросий, что она ежедневно возрастала в святости, и каждый день ее посещали ангелы, и у нее были божественные видения. Святой Иероним написал в одном письме к святым епископам Хромацию и Гелиодору, что Мария вела такую жизнь, что с самого утра до первого часа она пребывала в мо-

литве, а после занималась рукоделием аж до третьего или шестого часа, и после того как ангел восстанавливал ей силы, она возвращалась к своей молитве, так что она никогда не была праздной, но молилась Богу, размышляла или делая какие-то добрые дела; она пребывала в храме в этих занятиях до сорокалетнего возраста.

ПОСЛЕ ТОГО КАК ИОАКИМ И АННА ПРИНЕСЛИ СВОЮ ДОЧЬ В ХРАМ, ОНИ ВОЗВРАТИЛИСЬ В НАЗАРЕТ

После того, как Иоаким и Анна принесли свою дочь Марию Богу в храм, и побыв немного возле нее, воздав хвалу и благодарение Господу за его благословения, которые он им явил, они возвратились в Назарет, и как они были в пути три дня, когда шли в Иерусалим, то так они были три ночи на обратном пути, и шли той же дорогой, что и раньше; по дороге с ними случились многие чудеса, которые, казалось, нарушали ход природы, но я обойду их молчанием.

КАК ИОАКИМ УМЕР В ТО ЖЕ ГОД, В КОТОРЫЙ ОТДАЛ МАРИЮ В ХРАМ

Как только Иоаким и Анна отдали свою дочь Марию в храм, и возвратились домой, в тот же год Иоаким заболел и молил Бога, чтобы он принял его, как принял его предшественников; и так как он лежал больным и чувствовал приближение смерти, то он позвал свою жену Анну и сказал: Жена моя Анна, пришел час мне упокоиться с нашими отцами. Прошу тебя положить меня в гробницу моего отца Барфантера [Barphanter] и провести остаток твоей жизни в заповедях Господа. Почаще воспоминай с благодарностью Богу те благодеяния, которые он нам здесь явил; помни также об обещании, что наш плод будет ко спасению всего мира, ибо я иду в лимб

[место пребывания душ праведников] объявить нашим отцам о милости нашего Бога, дабы они утешились и ожидали их избавления, и когда ты дашь знать о моем уходе нашей дочери Марии, то скажи ей, пусть имеет обо мне память, высеченной в своем сердце, как солнце на тверди. И сказав это, отдал свой дух Богу; увидев это, Анна пала ниц на землю, оплакивая с сердечной любовью того, кого любила. Она повелела смазать его драгоценным маслом и положить возле его отца, по его повелению, и оставалась над его гробом, оплакивая своего усопшего, и после вернулась в свой дом, где продолжала плакать четырнадцать дней.

КАК АННА, ПОСЛЕ КОНЧИНЫ СВОЕГО МУЖА, ПО ПОВЕЛЕНИЮ АНГЕЛА ВЗЯЛА ДРУГОГО МУЖА, ИМЕНЕМ КЛЕОПА

Спустя год после кончины Иоакима Анна взяла праздничные одежды и хотела разорвать и раздать их нищим, говоря: Отныне не будет у меня праздничных одежд, но одену одежды траурные и буду оплакивать своего мужа всю свою оставшуюся жизнь. И когда она взяла нож, чтобы разрезать свои одежды, ей явился ангел, и сказал: Анна, ты не разорвешь свои одежды, но вспомнишь, как Бог сделал тебя плодоносной, когда ты была бесплодной, и послал спасительный плод, подобных которому не было и никогда не будет, из которого выйдет Сын Бога вечного для спасения всего мира. Поэтому ты должна повиноваться Богу, так что возьми себе в мужья того, кого я назову, который праведный пред Богом, и зовут его Клеопа; и будет у тебя дочь, от которой родятся великие мужи, которые поддержат веру христианскую и будут бороться за нее до пролития своей крови, и примут венец мученичества, примут его первыми из всех; воссядут они на местах судить двенадцать колен Израилевых. Анна, верь мне и следуй моему совету, ибо ради этого послал меня к тебе Бог; сбрось свои траур-

ные одежды и одень праздничные, и ты исполнишь волю Бога. Когда Анна услышала, что ангел сказал ей, то пала на колени и возблагодарила Бога, и вышла замуж за Клеопу, от которого зачала и родила в тот же год дочь, как ангел ей и предсказал, и назвали ее Мария, в знак уважения о ее первой, которая была от Иоакима; и до того как она родила, Клеопа, ее второй муж, скончался, оставив свою жену беременной. Анна, видя это, преисполнившись скорбью, сказала: О горе мне! Как буду я радоваться плоду, который принесу? Тоска великая одолевает меня, ибо дочь, что от меня родится никогда не увидит своего отца, и в этой тоске Анна ожидала дня своих родов, и час пришел, и она родила дочь, которую назвала Марией. Когда эта дочь пришла в замужний возраст, то по совету своей матери взяла себе мужа боящегося Бога, именем Алфей, от которого родились святой Иаков Младший, святой Алфей, или Иуда (второе имя), и праведный Иосиф, которые были апостолами Иисуса Христа. Итак, Анна отныне оплакивала смерть своего мужа Клеопы, и год спустя она сказала себе: Теперь я исполнила волю Божию, и отныне не хочу быть супругой мужу. И только сказав это, пришел к ней ангел, и сказал: Анна, ты знаешь, что всякое свидетельство говорится трижды; поэтому, возьми третьего мужа, который праведен пред Богом, именем Саломий, от которого ты зачнешь и родишь дочь, которую назовешь Марией, как и других; от нее родится два князя, которые воцарятся над двенадцатью коленами Израилевыми, и Бог сотворит нечто чудесное через них перед всем миром. Так возрадуйся же Анна, ибо Бог хочет сотворить нечто чудесное на земле через них, и вышедшее из тебя получит благословение вечное; так прими мои слова, ибо после кончины трех мужей ты останешься вдовой, как тебе было и предназначено.

КАК АННА ВЗЯЛА ТРЕТЬЕГО МУЖА, ИМЕНЕМ САЛОМИЙ, ПО ПОВЕЛЕНИЮ АНГЕЛА

Когда Анна услышала повеление ангела, то благословила Бога, чудного во всех делах своих, и взяла третьего мужа, именем Саломий, и жила с ним вместе праведно и в страхе Божи-ем, храня заповеди. Прожив один год с мужем, Анна зачала и родила дочь, которую назвала Мария, которая, придя в замужний возраст, была выдана замуж за одного крайне набожного человека, именем Зеведей, от которого она зачала и родила двух детей, – апостолов Бога, – Иакова Старшего и святого Иоанна Евангелиста. Спустя немного времени Саломий скончался, и Анна оплакала его, как оплакивала своих других мужей; и после его смерти Анна рассталась со всеми своими радостями и хорошими одеждами, и решила прожить остаток своей жизни в строгом покаянии, что она и сделала.

КАК МАРИЯ БЫЛА ВЫДАНА ЗАМУЖ ЗА ИОСИФА

Марии исполнилось тринадцать лет, до этого возраста она служила при храме, куда ее отдали. Верховный священник повелел, чтобы все девушки, пришедшие в этот возраст, уходили, что обычно и происходило, за исключением Марии, дочери Анны, и верховный священник спросил Марию, почему она не подчиняется его повелению. Она ответила, что дала обет девства, и поэтому не может взять мужа. Верховный священник, услышав это, был удивлен, ибо он знал, что Писание повелевает хранить обеты и обещания, данные Богу; но он не захотел с этим согласиться, ибо это было нечто новое; поэтому он не знал, как ему поступить. Он спросил совета у Анны, матери Марии, ибо она знала ее, как божью женщину; и когда она предстала пред ним, то осведомила его о многих чудесных событиях, которые привели ее к тому, что она отдала

свою дочь в храм, от чего священник еще больше засомневался о том, что делать; наконец, он решил собрать священников храма, и собрав их, они пали ниц на землю, моля Бога, чтобы он дал им знать, как нужно поступить. Тогда раздался голос с великого алтаря, именуемого Святой Святых, который сказал: Выйдет цветок, на котором почиет Святой Дух, как пророчествовал Исаия. Когда священник услышал все это, то собрал всех мужчин, могущих жениться, из рода Давида, повелев им каждому принести с собой в храм посох, и тот, на посохе которого появится цветок, на котором почиет Святой Дух, тот и возьмет Марию в жены; что каждый и сделал, за исключением Иосифа. И потому что не оказалось посоха, который бы расцвел, то сказали и Иосифу принести свой, и поставив его с другими на алтарь, на нем тотчас же появился цветок, на который спустился Дух Святой в виде белого голубя. Когда Анна узнала, что ее дочь Марию взял в жены Иосиф, то она сильно возрадовалась, ибо она знала, что он боится Бога, и что желает ей славы, и что часто пил и ел с нею после кончины ее мужа. Он часто помогал ей в ее нуждах, как если бы он был ее сыном; также у нее была еще живая дочь, и по этой причине дружба между Анной и Иосифом только укрепилась.

КАК МАРИЯ БЫЛА ОТДАНА ЗАМУЖ ЗА ИОСИФА ВЕРХОВНЫМ СЯЩЕННИКОМ

Иосиф, видя, что божественное Провидение хочет, чтобы он женился на Марии, и, зная, что она дала обет девства Богу, возрадовался, хваля Бога за то, что он соединил его с такой особой, которая была отдана своими родителями Богу Творцу и отдала Ему свое девство, дабы жить в целомудрии, и он сам также решил жить в целомудрии.

Когда Мария узнала, что верховный священник и друзья Иосифа говорят о браке между ним и ею, то она задумалась над обетом, данным ею, и опустила глаза. Когда Анна ее заме-

тила, то она забрала ее с другими девушками из храма, которые захотели быть ее спутницами, и они все вместе пошли в Назарет, где она жила. Иосиф удалился к себе, чтобы подготовить все необходимое для свадьбы. Несколько дней спустя верховный священник их поженил. Когда Мария была отдана Иосифу в жены, они отправились вместе с их матерью Анной в Назарет и проживали там долгое время, пока готовились сыграть свадьбу, а затем Иосиф поспешно ушел к себе, чтобы подготовиться для приема Марии, своей супруги, в свой дом.

КАК АНГЕЛ ГАВРИИЛ ВОЗВЕСТИЛ МАРИИ, ЧТО ОНА ЗАЧНЕТ СЫНА БОЖИЯ

Итак, пока Иосиф поспешно готовился принять Марию, свою супругу, в свой дом, ангел Гавриил, как свидетельствует святой Лука, был послан Богом в Назарет к деве, замужем за человеком по имени Иосиф, из дома Давидова, деву же звали Мария. Вероятно, как пишет святой Бернард, дева Мария была запертой в своей комнате и упражнялась в чтении Святого Писания; ангел Гавриил вошел к ней и сказал: Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами [Лк. 1:28].

Когда она услышала эти слова, то смутилась, размышляя, что бы это было за приветствие. И сказал ей ангел: Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь и родишь сына, и наречешь ему имя: Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст ему Господь Бог престол Давида, отца его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца. Мария же сказала Ангелу: Как будет это, когда я мужа не знаю? Ангел сказал ей: Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим; вот и Елисавета, кузина твоя, зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо нет ничего невозможного для Бога. Тогда Ма-

рия сказала ангелу: Вот, раба Господня; да будет мне по слову твоему [Лк. 1:29-38]. Итак, получив согласие Марии, это было исполнено Святым Духом, и она зачала Сына Божия.

КАК МАРИЯ НАВЕСТИЛА СВОЮ КУЗИНУ ЕЛИСАВЕТУ

После того, как Мария была приветствована ангелом Гавриилом, и как она подчинилась воле Господа, она поспешно пошла, как пишет святой Лука, в нагорную страну, и вошла в дом Захарии, и приветствовала свою кузину. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, разыграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святого Духа, и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна ты между женами, и благословен плод чрева твоего! И откуда это мне, что пришла мать Спасителя моего ко мне? Ибо когда голос приветствия твоего дошел до слуха моего, разыграл младенец радостно во чреве моем. И блаженна уверовавшая, потому что совершится сказанное ей от Господа [Лк. 1:39-45]. Тогда Мария сочинила прекрасную песню: *Magnificant* [см. Лк. 46-55]. Пребыла же Мария с нею около трех месяцев, и возвратилась в дом свой [Лк. 1:56].

ИОСИФ, УВИДЕВ МАРИЮ, СВОЮ СУПРУГУ, БЕРЕМЕННОЙ, ЗАХОТЕЛ ЕЕ ТАЙНО ОТПУСТИТЬ, И КАК АНГЕЛ ОТГОВОРИЛ ЕМУ

Когда Мария была отдана Иосифу замуж, и когда она вернулась из дома Елисаветы, как пишет святой Матфей, Иосиф, увидев, что она беременна, не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее; но когда он помыслил это, ангел явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от Духа Святого; родит же Сына, и наречешь ему имя Иисус, ибо он

спасет людей своих [Мф. 1:20-21]. После этих слов Иосиф был утешен ангелом, и принял жену свою Марию в дом свой, и берёт ее.

ПОЧЕМУ НАШ ГОСПОДЬ ЗАХОТЕЛ, ЧТОБЫ МАРИЯ, ЕГО БУДУЩАЯ МАТЬ, ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА ИОСИФА

Нужно знать, по многим причинам, что наш Господь захотел, чтобы его мать была замужем. Во-первых, как написал святой Амвросий, чтобы избежать всяких дурных подозрений в отношении его беременной матери, если бы у нее не было мужа; Бог захотел, чтобы эта тайна была покрыта таинством брака, чтобы помешать клевете; ибо люди считали, что Мария беременна от своего мужа Иосифа; иначе, без этого брака, злые языки могли бы обвинить Марию в прелюбодеянии, и всего этого удалось избежать благодаря браку; также это было для того, что Иосиф стал помощником Марии и Младенцу Иисусу, как мы это видим при их побеге в Египет и при их возвращении после окончания гонений Ирода, как пишут святой Иероним и святой Амвросий, дабы эта тайна не стала известна злым языкам, и дабы они не знали наверняка, что он был Сыном Божиим.

АННА ВОЗРАДОВАЛАСЬ, УЗНАВ, ЧТО МАРИЯ, ЕЕ ДОЧЬ, ЗАЧАЛА СЫНА БОЖИЯ

Когда Анна услышала от Марии, своей дочери, о приветствии, с которым ей явился ангел, и что она зачала Сына Божия, то возрадовалась, воздавая благодарение Господу за все его дары и благодати, говоря: Боже! если бы у меня было столько языков, как у меня есть частей тела, я воспользовалась бы ими всеми, чтобы восхвалить тебя за твою бесконечную благодать, за те великие чудеса, которые ты совершил над моей

дочерью ради спасения всего мира. О небо и земля, и все твари в них, и находящиеся в лимбе и тьме, возрадуйтесь со мною, воздайте хвалу и благодарение Богу за его безмерную милость по отношению к нам.

КАК АННА ИСКАЛА МАРИЮ, СВОЮ ДОЧЬ, В ТУ НОЧЬ, КТО РОДИЛСЯ ХРИСТОС

Итак, пока Анна с огромным желанием ожидала часа, когда Мария, ее дочь, родит Иисуса Христа, она с великой рачительностью готовилась к предстоящему. Она подготовила богатую кровать для Марии и ее сына, также она сделала колыбельку из кедрового дерева, которое ей подарил Рыцарь из Иерусалима в знак обретения зрения при ее рождении, как было выше сказано. Наконец пришел час Марии родить; Анна пошла в Иерусалим, чтобы найти все необходимое для рожавшей женщины. Когда Анна пришла в Иерусалим, как раз вышел указ императора Августа, что все в его обширной империи должны быть переписаны, как повествует святой Лука; так что каждый отправился в город, в котором родился, чтобы быть переписанным. По этой причине Иосиф отправился в Вифлеем; и так как Анны не было в его доме, то он не решился оставить Марию, свою жену, одну, так как ей подходил срок рожать; он посадил ее на осла, так как она не могла идти пешком; также он взял одного тельца на продажу, дабы мог купить необходимое, когда они будут в дороге, ибо она не знала, когда они смогут вернуться; итак, Иосиф с Марией отправились в Вифлеем. Когда Анна вернулась из Иерусалима в дом, то не нашла Марии, что ее сперва огорчило. Соседи сказали ей, что она пошла с Иосифом в Вифлеем, чтобы исполнить повеление Цезаря. Анна испугалась, что день родов ее дочери может застать их в дороге, или до их возвращения в Назарет; поэтому она отправилась в дорогу, и пошла в Вифлеем. Случилось так, что она сбилась с дороги;

когда она это заметила, то села на землю, чтобы отдохнуть, и начала очень горько плакать, боясь, не случилось бы с ней чего недоброго, и была в великом горе и тоске, пока не настала полночь, и тогда она услышала мелодичную песню, и услышала великую радость: Gloria in excelsis Deo, слава Все-вышнему Богу, а на земле – мир добрым людям. Тогда ангелы пришли утешить ее, сказав, что Мария, дочь ее, стала матерью Сына Божия всемогущего. При этих словах Анна утешилась и возрадовалась, благословляя Бога от всего своего сердца.

КАК АННА ОТПРАВИЛАСЬ В ВИФЛЕЕМ, ЧТОБЫ НАЙТИ МАРИЮ, СВОЮ ДОЧЬ, С ИИСУСОМ

Анна, услышав от ангелов эту мелодичную песню и эти слова мира, которые они возвестили людям, вернулась на правильную дорогу, с которой сбилась, и пошла в Вифлеем. И прибыв, ходила от дома к дому и спрашивала Марию и Иосифа; но никто не мог ей ответить; но кто-то сказал ей, что видел их, и что они искали ночлега, но не смогли найти, и не знали, что делать. Анна, услышав это, преисполнилась грустью, и вернулась в Назарет, веря, что они вернуться туда; но вернувшись, она не нашла их; она не знала, что поделаться с тоской; она отправилась в Иерусалим искать их, думая, что с ними могло случиться какое-то несчастье.

И когда Анна пришла в Иерусалим, то искала по городу Марию и Иосифа, но ничего о них не услышала, и начала падать духом и вздыхать, и не знала, ни что делать, ни что сказать.

КАК АННА ВСТРЕТИЛА ТРЕХ ЦАРЕЙ, И СПРОСИЛА ИХ, НЕ ВИДЕЛИ ЛИ ОНИ, ИЛИ НЕ ВСТРЕЧАЛИ ЛИ ЕЕ ДОЧЬ МАРИЮ И ИОСИФА

Итак, когда Анна сильно пала духом, после того как долго искала свою дочь и не нашла ее, то не удовлетворившись, она снова решила искать, пока не найдет; поэтому она снова отправилась в Вифлеем и искала их в другом конце города, где она еще не искала, и там встретила трех Царей, которых спросила со слезами, не встречали ли они по дороге мужчину и женщину, описывая, как они выглядят. Один из них, видя, что Анна является женщиной набожной и добродетельной, слез со своего верблюда и спросил о ее скорби. Тогда Анна, видя, что этот вельможа спрашивает ее из сострадания, рассказала ему все о Марии, и он тотчас же узнал, что Мария, о которой она говорит, была матерью новорожденного Царя, которого он и двое других его спутников навещали, и которому поднесли свои дары, и поклонились, и они возрадовались от того, что увидели ее и разговаривали с ней, и рассказали ей, как они пришли из далекой страны, чтобы поклониться новорожденному Царю и принести ему свои дары; также они сказали ей, что они собрались втроем по повелению Бога. Анна, услышав подобное, сменила грусть на радость, изумляясь, слыша о рождении великого Царя, и ей рассказали, что все они трое знают астрономию, и что они увидели новую звезду, в которой увидели поворожденного младенца, имеющего крест на спине; и они были изумлены, и им было сказано идти в страну Иудею, и там найти Младенца. Когда мы прибыли, мы шли по путеводной звезде, которая привела нас в Иерусалим; и мы спросили, где то место, где родился Царь Иудейский, – как рассказывает святой Матфей; кроме того, этот Царь провел ее по дороге и показал хлев, где родился Младенец. Тогда они расцеловались с великим почтением и разошлись, а Анна от великого восхищения забыла спросить у Царя его имя.

АННА НАШЛА СВОЮ ДОЧЬ С ИИСУСОМ И ИОСИФОМ

Когда Анна прибыла в Вифлеем, то отправилась в тот хлев, где родился Иисус, и увидела его там в яслях; и как только Мария узнала свою мать, то подошла к ней и обняла ее с великой радостью, поздравляя с благополучным прибытием, также сделал и Иосиф, и от великой радости начали плакать. Мария и Иосиф проводили Анну к яслям, где был Иисус между ослом и тельцом. Как только она увидела его, то пала ниц к его ногам, и поклонилась, и сказала: О, Бог мой! О, Спаситель мой! О, всемогущий Сын Божий! О, мой Бог, мой творец! О, Царь царей! О Господь господ! Как! Этот хлев и есть твой дворец? Эти ясли и есть та драгоценная колыбелька, которую я тебе приготовила? После чего она воздела руки к небу и заплакала; затем говорит Марии: О, моя дорогая дочь! Опора души моей, это ли та богатая кровать, которую я тебе приготовила? Оглядевшись вокруг, и увидев этот хлев, разваливающийся со всех сторон, она сказала со слезами на глазах: О, дитя мое! Сердце мое сжимается от великой грусти, от того что я вижу это драгоценное сокровище всего мира здесь, в этом месте, потерпевшем от времени и этой лютотой поры года. Тогда Мария, ее дочь, и Иосиф нежно ободрили ее, сказав, что такова воля божья, и что Бог пожелал так; они привели ей еще несколько других утешительных причин, так чтобы она утешилась. Тогда она взяла Иисуса на свои руки, поцеловав его с великим благоговением; Иисус обнял ее своими маленькими ручками, показав ей знак любви. Она пребывала с ними, помогая чем могла, ожидая дня Очищения, согласно закону Моисея, дабы после они могли вернуться к ней в Назарет в ее дом, чтобы она могла покачать Младенца Иисуса в богатой колыбельке, которую она ему сделала, а Мария чтобы была в прекрасной кровати, которую она ей приготовила.

КАК МАРИЯ, АННА И ИОСИФ С ИИСУСОМ ПОШЛИ В ИЕРУСАЛИМСКИЙ ХРАМ

И когда для Марии настал день очищения, а именно – сороковой день по рождению Иисуса, то Мария, Анна и Иосиф прибыли все вместе с Иисусом в Иерусалим; и когда они прибыли, они вошли в Храм, чтобы воздать свои молитвы и дары, как велит закон; затем они возвратились в Назарет и сильно возрадовались от того, что принесли Иисуса в его дом.

КАК ИОСИФУ ЯВИЛСЯ АНГЕЛ, ПОВЕЛЕВШИЙ ЕМУ ПЕРЕПРАВИТЬ МЛАДЕНЦА И ЕГО МАТЬ В ЕГИПЕТ

Когда Анна возвратилась в Назарет в свой дом, то Мария, Иосиф и другие были еще в пути, и ангел явился Иосифу во сне, говоря, чтобы он встал, взял младенца с его матерью, и отправился в Египет, и оставался бы там, пока он ему не скажет; ибо было ясно, что Ирод искал младенца, чтобы убить его. Иосиф быстро встал и предупредил Марию, которая загрустила от того, что не могла предупредить Анну, свою мать, о своем отбытии. Иосиф посадил Марию на своего осла с Младенцем Иисусом, и отправился с ними со страхом в трудное путешествие.

ЧУДО

В писании сказано, что когда Иисус прибыл в Египет, то все идолы, которые там были, упали и разрушились.

О ГРУСТИ АННЫ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ЕЕ ДОЧЬ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ

Когда Анна пришла в Назарет в свой дом, то она приготовила его как можно лучше для приема Младенца Иисуса с его матерью, и стала с нетерпением ждать их прибытия; она часто выглядывала, не идут ли они, но, никого не видя, она вышла им навстречу в Иерусалим, боясь, не случилась ли с ними какая беда в дороге, так как они сильно задерживались; и когда она уже достаточно прошла, то, ходя из дома в дом, стала спрашивать, не видели ли их, которых она им описывала, как они выглядели. Когда она не получила никаких известий, то пришла в Иерусалим сильно расстроенной, и везде спрашивала, не видели ли их; так же она поступила и в Вифании, и в Вифлееме, и в Иерихоне, в Африке, в Сирии, в Самарии, в Наиме и во всех местах, куда можно было идти; но, увы! Она так и не узнала, где они были.

После того как Анна провела в поисках один год и не нашла их, то вернулась в свой дом, говоря: Увы! Горе мне! Какое драгоценное сокровище я потеряла! Лучше бы Господь лишил меня жизни, ибо я заслужила этого, так как я заставила свою мать Эмерангиану на протяжении двух лет так искать меня во всех странах с великой скорбью в ее сердце; теперь я понимаю, какая у нее должно быть была тоска из-за любви ко мне. В этой грусти она вернулась в Вифлеем, дабы еще раз перед своей смертью взглянуть на то место и на те ясли, в которых был Иисус.

КАКОВЫМ БЫЛО СТРАДАНИЕ АННЫ, ПРИШЕДШЕЙ В ВИФЛЕЕМ И УВИДЕВШЕЙ РЕЗНЮ НЕВИННЫХ МЛАДЕНЦЕВ

Когда Анна, преисполненная тоски, подошла к Вифлеему, то она услышала пронзительные крики Невинных, и жалобные

рыдания матерей, которые так плакали, что не только люди приходили в грусть, но также и животные, ибо шум был такой сильный, что скорбела сама природа; тельцы, овцы и другие животные бродили по лугам, выдавая своим состоянием грусть, в которой они пребывали; и когда Анна подходила к Вифлеему все ближе, то все сильнее становились вопли; и, войдя в город, она увидела невинных младенцев, мертвых и разбросанных по улицам, и кровь, текущую по улицам. Также она видела, как бесчеловечные палачи режут детей на руках у их матерей.

Многие отцы и матери находились возле своих детей, рыдали и рвали на себе волосы; другие предлагали свое богатство, чтобы спасти жизнь своих детей; но ничто не могло изуберечь от этой жестокости; некоторые из них из-за своего сопротивления потеряли и свои жизни с жизнями своих детей; и все люди были потрясены в этих скорбящих городах; были даже такие, которые покидали свои дома, чтобы не видеть подобную жестокость. О, всемогущий Боже! сколько я живу, я еще не видела такой жестокости. Милосердный Господи, утешь этих несчастных матерей, чьи младенцы были убиты. Молю тебя, всеблагий Боже, отомстить тем, кто явились авторами этой ужасной жестокости; ибо и весь мир не может исправить такое преступление; только ты один, мой Боже, можешь это исправить.

АННА СОБРАЛА МЕРТВЫХ МЛАДЕНЦЕВ, КОТОРЫЕ ЛЕЖАЛИ НА УЛИЦАХ В СВОЕЙ КРОВИ, И ПОХОРОНИЛА ИХ

Когда Анна увидела, что Ирод умертвил младенцев, и что взволнованный народ покинул Вифлеем, она преисполнилась состраданием от вида бедных невинных детей, которые были разбросаны по улицам; тогда она собрала их в одно место, чтобы похоронить с великим почтением. Когда спустились четыре

дня сбежавшие люди вернулись в свои дома и, увидев, какую великую любовь проявила Анна по отношению к их мертвым детям, они сказали друг другу: Анна уже сделала нам много добра в былое время, когда исцеляла наших слепых, хромых, параличных и других больных, и теперь, когда похоронила наших детей, а мы неблагодарные, даже когда видели ее беременную дочь, не предложили ей крова; так что ей пришлось приютиться в том хлеву, где она и родила, и никто из нас не помог ей; по причине нашей неблагодарности Бог и послал нам это наказание; и они сказали: Анна, милосердная дама среди дочерей Иерусалимских, нет подобных тебе, мы благодарим тебя за твои добрые дела; мы сознаем, что мы не в состоянии отблагодарить тебя как следует. Так Анна утешила скорбящих отцов и матерей.

АННА ОСТАНОВИЛАСЬ ОТДОХНУТЬ ТАМ, ГДЕ РОДИЛСЯ ИИСУС ХРИСТОС

Шесть дней спустя Анна отправилась в место, которое послужило прибежищем Марии для рождения Сына Божия; она устала и у нее не было еды; она пала на колени там, где лежал Иисус Христос, она сотворила свою молитву перед яслями, затем взяла немного сена из яслей, где родился Иисус Христос, и подложила под себя, чтобы отдохнуть, и заснула; она была восхищена в духе и увидела все страдания, которые претерпит Иисус Христос ради спасения своего народа, и что по этой причине он сделался человеком; затем она увидела страдания, которые Мария, ее дочь, вместе со своими двумя сестрами их детьми претерпят ради Иисуса Христа до смерти. Затем Анна проснулась и сказала:

О, Младенец Иисусе! Ты есть невинный агнец, который будет заклан на Голгофе ради спасения мира; о, спасительное страдание! О, блаженная боль! Пусть все, произошедшие от меня смогут также пострадать ради твоего имени, если это

угодно, а мое собственное тело не пострадало; и ради этого я молю тебя, Боже мой, чтобы ты соблаговолил показать мне место, где, ради любви к тебе, я смогу наказать свое тело; я хочу вернуть дерево, дабы плод, вышедший из него, не умер, ибо я знаю, что этот плод драгоценный, и он будет всегда.

АННА ПОКИДАЕТ ВИФЛЕЕМ, ЧТОБЫ УДАЛИТЬСЯ В ПУСТЫНЮ

Когда Анна решила удалиться в пустыню ради любви к Богу, чтобы вести строгую жизнь, она откланялась нищим больным, за которыми она по обыкновению ухаживала, и прежде чем удалиться, она их помазала и раздала им остаток своего имения. Сделав это, она откланялась им, и ушла в пустыню. Когда нищие об этом узнали, то побесчали за ней, плача и говоря: Матерь наша и благодетельница покинула нас. Кто позаботится о нас? Кто будет помогать нам в наших нуждах? Кто будет давать нам пить и есть?

Солнце, просвети нас, дабы мы смогли найти Анну, которая сделала нам столько добра. И они плакали и ходили по пустыне, ища ее; но не смогли ее найти, и многие умерли с горя.

СУРОВАЯ ЖИЗНЬ СВЯТОЙ АННЫ

Как Анна решила вести суровый образ жизни, так она и сделала; ибо с этого времени она не ложилась на свою кровать, но на землю; и ее пищей был хлеб и вода; она посещала больных и перевязывала нищих, и помазывала странников драгоценным маслом. Также она поступала и с прокаженными, хотя бы они были и обезображены; она стирала и обновляла их одежды; так что слава о ее святой жизни распространилась по всей стране, хотя она и сохраняла смирение. Хотелось бы, чтобы богатые и бедные подражали ее святой жизни. В возрасте пятидесяти лет она решила жить еще более сурово;

поэтому она удалилась в глубь пустыни, куда только могла добраться; она остановилась в месте, где была пещера на холме, и там она остановилась, и ела лишь корни; когда же чувствовала жажду, то шла искать воду за две версты отсюда, и этот суровый образ жизни продолжался много лет.

БУДУЧИ В ПУСТЫНЕ, АННУ ИСКУШАЛ ВРАГ

Враг, видя, что Анна живет святой жизнью в пустыне, впал в зависть; он превратился в молодца, как если бы это был ангел, посланный Богом, и он пришел к ней, и сказал: Анна, брось свои дела и иди со мною, ибо Бог послал меня, чтобы отвести тебя туда, где твоя дочь и ее дитя, и они заблудились в пустыне, когда пошли искать тебя. Анна быстро встала и пошла за ним, думая, что это Ангел, посланный Богом. Он привел ее к подножию одной очень высокой и крутой горы, так что взобраться на нее можно было только с большим трудом. Тогда злой дух сказал ей: Анна, если ты любишь Бога и хочешь наказать свою плоть ради любви к Нему, следуй за мной. Анна ответила: Я поднимусь на гору горечи. Но не оглядываясь. Он первым начал подниматься вверх, а она за ним. Когда они немного поднялись, она увидела острые камни, где нужно было проходить, так что ноги Анны поранились, и из них потекла кровь. Анна, видя это, сказала со слезами: О, Мария, дочь моя дорогая! Если ты будешь проходить здесь, посмотри на эту дорогу, окропленную моей кровью, пролитую в поисках тебя. Когда она попыталась подняться еще выше, то увидела еще более острые камни, так что ее ноги сильно поранились; отчего она упала на землю от слабости; и в этом состоянии она сказала стонущим голосом: Дух быстр, но плоть слаба. Тогда враг, который был под ликом ангела, сказал ей: Если ты не можешь идти, разреши, я потяну тебя на вершину этой горы. Она ему разрешила. И этот злой дух потянул Анну на вершину горы и поранил ее тело об острые камни, так что все ее тело было изранено. Тогда Анна сказала: Боже мой, будь благосло-

вен, за то что послал мне создание, которое наказывает мое тело и испытывает мое терпение; я добровольно страдаю ради любви к тебе.

АНГЕЛ УТЕШИЛ АННУ И ИЗБАВИЛ ЕЕ ОТ ТИРАНИИ ЗЛОГО ДУХА

Когда Анна претерпевала великие страдания и боль, к ней пришел ангел Божий и сказал: Приветствую тебя, благородная душа, знай, что Богу приятно все, что ты претерпела ради любви к нему, и ты получишь за это награду; ибо ты научила весь мир, как должно жить в любви к Богу и к ближнему, и как нужно искать Бога, чтобы найти его. Когда он сказал это, он перенес ее туда, где ее схватил враг, и тотчас же все ее раны исцелились, и она стала здоровой, как и раньше.

ИИСУС И МАРИЯ СО СВОИМИ СЕСТРАМИ НАВЕЩАЮТ АННУ В ПУСТЫНЕ

После того как Анна долгое время вела суровый образ жизни в пустыне, и когда ей исполнилось семьдесят один год, она начала ослабевать; она всегда находилась в грусти с тех пор, как была разлучена с Иисусом и Марией, не зная, где они. Но Иисус, Сын Марии, который знал все по своей божественности, хорошо знал, где она была; он был свидетелем ее страданий и ее сурового покаяния; он хорошо знал также, что кончина ее была близка, и что она готовилась к смерти.

Иисус сказал своей матери: весь Ветхий Завет не представил нам более совершенного образца добродетели, как твоя святая мать, которая непрестанно охвачена божественной любовью, и которая должна вскоре перейти из этой жизни в другую, чтобы наслаждаться там вечным покоем.

Поэтому мы пойдем вместе с твоими сестрами и их детьми повидать ее и утешить ее перед ее смертью. Когда Мария услышала это, то возрадовалась от того, что еще раз сможет увидеть свою мать и поговорить с ней; она собрала своих сестер и их детей, и они пошли вместе с Иисусом в пустыню, где святой Иоанн Креститель приносил покаяние возле реки Иордан, в пустыню, через которую перешли дети Израиля с Иисусом Навином в Землю Обетованную, и так как Елисавета, мать святого Иоанна, была сестрой Анны, то Иисус сказал ему: Пойдем, повидаем святую женщину в пустыне, которая ведет ангельскую жизнь в смертном теле; моя мать почивала девять месяцев в ее лоне, ее великая святость привлекла к ней взгляды неба и земли; и поэтому угодно, чтобы мы, пока мы еще на земле, навестили ее. Когда святой Иоанн Креститель услышал это, то возрадовался, желая увидеть дерево, которое принесло такие драгоценные плоды.

ИИСУС НАВЕЩАЕТ СВЯТУЮ АННУ СО СВОИМИ СПУТНИКАМИ, И КАК ОНИ БЫЛИ ПРИНЯТЫ

Когда Иисус и его спутники прибыли к Анне в пустыню, то она им обрадовалась; она встала, подошла к ним и приняла их с великим почтением. Иисус и Мария шли впереди всех. Когда Анна оказалась возле Иисуса, она пала ему в ноги и целовала их, плача; затем запела псалом: *In te, Domine, speravi* [На тебя, Господи, уповаю... – Пс. 30] и т.д. В тебе, Господи, моя вера, да не постыжусь вовек. И так до конца этого псалма. Затем она нежно обняла свою дочь и сделала то же с ее сестрами и с остальными. После чего, Иисус и Мария сели, и Анна посреди них, и остальные сделали то же.

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ, КОТОРЫЕ ДАЛА АННА НАВЕСТИВШИМ ЕЕ

Когда Анна оказалась среди своей семьи, то нежно заговорила, сказав им: Молю вас, дети мои, выслушайте, что я вам скажу. Любите друг друга, так чтобы никакое несчастье или беда не отлучили бы вас от братской любви; помните, что вы вышли из корня, который видите перед своими глазами; следуйте путями Господними; будьте милосердны; никого не осуждайте; любите нищих; ведите жизнь чистую и мирную на земле; не гонитесь за тленными земными благами, но желайте лишь благ вечных.

Молю вас, дабы вы во время страстей Иисуса не покинули его; ибо после его страстей вы узнаете, что он есть истинный Искупитель людей. Когда Анна так говорила, она почувствовала приближение смерти, она положила свою голову на грудь Иисусу, говоря: Помяни ту, которая испускает дух в твоей любви.

ИИСУС НАВЕЩАЕТ СВЯТУЮ АННУ СО СВОИМИ СПУТНИКАМИ, И КАК ОНИ БЫЛИ ПРИНЯТЫ⁹¹

После этого Иисус увидел яркий свет в небе, где собрались ангелы. Тогда Иисус сказал Анне: Возлюбленная моя, те, кто будут почитать тебя на земле, и обращаться ко мне от твоего имени, будут прощены. Сегодня среда – день твоего рождения. Она также и день твоей кончины; поэтому я благословляю этот день, и посвящаю его твоему имени, и всех тех, кто будут обращаться к тебе в этот день, я их прошу, потому что ты свято жила и прославила моего Отца. И более того, по причине великой святости тех, кто произошли от тебя, ты воссядешь на одном из престолов Отца моего небесного,

91 Заглавие точно такое же, как и через одно выше. · Прим. перев.

дабы ты могла видеть все колена [роды] вместе, а также всех тех, которые будут служить тебе самоотверженно. Тогда Анна сказала святому Иоанну Евангелисту, который был еще молод: Дорогое мое дитя, настанет час, когда Мария, моя дочь, будет в великой печали, и мало тогда людей исповедают божественность Иисуса Христа; поэтому я тебе ее доверяю, я молю тебя не оставлять ее во время ее печали, ибо она будет охвачена величайшей грустью. Едва она окончила эти слова, как почувствовала приближение своего последнего мгновенья.

КОНЧИНА СВЯТОЙ АННЫ

Анна опустила свою голову на грудь Иисуса, и Иисус положил свою голову на ее, говоря к ней с любовью. В этот момент Анна вытянула свои руки, Мария схватила их и оросила своими слезами. Тогда увидели яркий свет, спускающийся с неба, который объял Анну. Тогда она произнесла такой стих из псалма Давида: Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие! [Пс. 41:2-3]. Она продолжила этот псалом до конца; закончив, она отдала дух Богу; и все, кто были возле нее пали наземь, воздавая благодарения Богу различными способами: псалмами и песнопениями; но по обыкновению они все пролили много слез.

ТЕЛО СВЯТОЙ АННЫ БЫЛО ПОГРЕБЕНО

После того, как Иисус и Мария, его мать, с их спутниками пробыли возле Анны двадцать дней, которая уже скончалась, они отнесли ее тело в Назарет, помазали его драгоценным маслом, ибо мать Сына Божия вышла из ее чрева, и погребли ее возле Иоакима, ее мужа; они оставались там до вечера воскресенья; похоронив ее, они ее оплакивали сорок дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АВТОРА ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ТОГО, ЧТО НАПИСАНО О ЖИЗНИ СЯТОЙ АННЫ

Так как ничего нет невозможного для Бога, то не нужно ничуть сомневаться в великих чудесах, который Бог сотворил в тех, кто жили свято на земле; поэтому мы и видим в жизни святых, что Бог ниспосылает им дар творить бесчисленные чудеса и необычайные дела силою своего святого имени.

Те, кто благоговейно молили и молят святую Анну, чувствовали результаты ее могущественного заступничества перед Богом.

Итак, вначале (Архос) был свет (дамавлетах, Эмерангиана), и свет родил благодать, и благодать родила непорочную бездну, которая была названа Мария. – Так начинается эта легенда, которую можно назвать Евангелием Девы.

Анна, как и ее дочь Мария, освящаются в скорбях, ибо гений христианства – это жертва.

Невинная жертва за виновного! Какая несправедливость! – скажет Мишле. О, философ любви! Разве можете вы называть несправедливой добровольную жертву?

Христианство – это благодать, потому что это жертва.

Это отдавание предпочтения долгу перед правом, потому что человек и в самом деле не имеет другого права, как исполнить свой долг.

И христианство говорит ему, что его долг в самопожертвовании ради других.

В этом-то христианство сверхчеловечно.

Поэтому-то, если языческие сказки, вызывающие справедливое восхищение у Мишле, являются Библией человечества, то Евангелие есть и будет Заветом Божественным.

Мишле в своей книге пытается разделить благодать и закон, и противопоставить их друг другу.

Как он не понимает, что вместо того, чтобы разделять их, их нужно соединять, и что благодать без закона, как и закон без благодати, – это две высшие несправедливости?

Однако его книга имеет нечто от величия и истины, ибо он показывает великую и единственную религию человечества, всегда открываемую вере через гений, и всегда одну и ту же под покровами всех мифологий и всех символов.

Сам г-н де Мирвилль, этот неисправимый демонолог, воздал должное этому чудесному единству всеобщего догмата, которым является католичество народов.

Высшая философия природы, скрытая под покровами аллегорий, сотворила мифологии, которые продолжились и дополнились в наших легендах.

Легенда о святой Анне принадлежит тому циклу гениальных христианских сказок, который называют Золотой Легендой.

Эта легенда, где символический дух древнего христианства смешивается с наивными верованиями средневековья, кажется нам достойной воспроизведения и сохранения. В ней находим нечто аналогичное прекрасному мифу о Психее. Миловидная дочь света – это человеческая душа, которая родила возвышенный миф о Марии, матери Иисуса.

Она теряет своих детей, как Психея потеряла Амура, и ищет их, преодолевая самые тяжелые испытания. Она отдана во власть злобе злого ангела, как Психея – гневу Венеры; но демон, который ведет ее через острые скалы, все же приводит ее к цели. Она находит своих детей после стольких трудов, и навечно засыпает на груди Иисуса.

Жертва – вот великое слово христианства, а этого-то Ренан и Мишле не поняли. Жертва выше всякой справедливости, и поэтому-то у благодати есть высший смысл.

Природа прекрасна, сомнений нет, но она наполнена смертью и тлением. Жертва преображает ее и сохраняет; жертвенная природа возносится над собой и становится сверхприродной. Мы сказали, что сверхприродное есть не что иное, как экзальтированное природное. Да, экзальтированное и обожествленное через жертву.

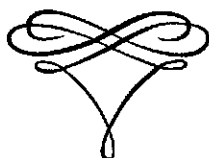
Жертва ума через веру; жертва воли через послушание; жертва чувств через воздержание; жертва самой жизни через мученичество. Христиане! Вот в чем ваше бессмертие. Древние поняли это, когда выдумали высшее самоотречение, страстствия, девство и мученичество Антигона. Психея выходит замуж за Амура, лишь доведя послушание до смерти. Геракл поднимается в славу на небо лишь после того, как оторвал, кусок за куском, со своей кровавой плотью хитон Деяниры.

Страдать, чтобы быть сильным, умереть, чтобы возродиться бессмертным.

Вот, согласно всеобщему религиозному символизму, единственный ключ к великим мистериям.

Подведем итог.

Дух жертвы – это дух Иисуса Христа. Дух Иисуса Христа – это дух Бога и человечества, и наука о духах есть не что иное, если ее хорошо понять, как наука Евангелия.

ЭПИЛОГ, СОСТАВЛЕННЫЙ НА МАНЕР ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЛЕГЕНД И РЕЗЮМИРУЮЩИЙ ДУХ ЭТОГО ТРУДА

I

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Как-то раз Христос проходил через кладбище, и увидел там одного молодого человека, который стоял на коленях и плакал перед крестом.

Увидев этого молодого человека, Иисус сжалился над ним, и, приблизившись, сказал ему: Отчего плачете?

Плачущий обернулся и ответил, протягивая руку: Вот уж три дня там моя мать.

Иисус сказал ему: Поверь мне, сын мой, твоя мать не там. Здесь лежит последняя одежда, которую она сбросила; отчего же плачешь над этим бесчувственным прахом? Встань и иди; твоя мать ждет тебя.

Молодой человек грустно покачал головой и сказал: Я не встану и не пойду искать смерти; я подожду ее, и она придет; и тогда, как я знаю, я воссоединюсь со своей матерью.

Тогда Христос ответил: Смерть ждет смерть, а жизнь ищет жизнь! Не удручай эгоистичной и бесплодной скорбью душу той, что предшествовала тебе; не замедляй свой шаг к Богу своим отчаяньем и своей инертностью. Ибо ее любовь еще живет в твоём сердце, и ты не потеряешь ее, если позволишь ей достойно жить в себе. Вместо того чтобы оплакивать свою мать, воскреси ее! Не смотри на меня с удивлением, и не думай, что я забавляюсь с твоей скорби! Та, о ком ты сожалеешь, находится возле тебя; один из покровов, который отделяет ваши души, спал; еще один остался. И будучи отделенными лишь этим покровом, вы должны жить друг за друга; ты будешь работать за нее, а она будет молиться за тебя.

– Как я могу работать за нее? – ответил сирота, – она больше ни в чем не нуждается, теперь, когда она в земле.

– Ты заблуждаешься, сын мой, и еще путаешь тело с одеждой. Она более чем когда-либо нуждается в ведении и любви в мире духов. Итак, ты есть жизнь ее сердца и озабоченность ее ума, и она зовет тебя на помощь.

Чтобы тебе пройти жизнь и извлечь из нее пользу, и чтобы прийти к ней с полными руками, когда Бог воссоединит вас. Чтобы иметь право отдохнуть, нужно работать. Итак, если ты не будешь работать за свою мать, то ты обречешь ее душу на муку. Поэтому-то я сказал тебе: Встать и иди, и тогда душа твоей матери встанет и пойдет к тебе, и ты воскресишь ее в себе, если заставишь плодоносить ее мысль и ее любовь.

У нее есть тело на земле, и это твоё тело; у тебя есть душа на небе, и это её душа. Пусть эта душа и тело идут вместе, и твоё мать оживет.

Верь мне, сын мой, мысль и любовь никогда не умирают, и те, кого ты считаешь мертвыми, живы больше тебя, если они продолжают думать и любить.

Если мысль о смерти огорчает тебя и пугает, обратись в лоно жизни; там ты найдешь всех тех, кого любишь.

Мертвые, это те, кто не думают и не любят; ибо они работают на разрушение, а разрушение в свой черед работает над ними.

Позволь же мертвым оплакивать мертвецов, и живи с живыми!

Любовь является связующим звеном душ; и когда она чистая, то звено нерушимо.

Твоя мать идет впереди тебя, она идет к Богу; но она еще привязана к тебе; и если ты спишь в оцепенении или в эгоизме, то она будет вынуждена ждать тебя, и она будет страдать.

Но воистину говорю тебе, что всякое добро, которое ты сделаешь, зачтется её душе, а если ты делаешь зло, то она будет добровольно страдать за него.

Вот почему я сказал тебе: Если ты её любишь, живи ради неё.

Тогда молодой человек встал, и его слезы прекратили течь, и он взглянул на лицо Господа с удивлением, ибо лицо Христа сияло ведением и любовью, и бессмертие исходило светом из глаз его.

Тогда он взял молодого человека за руку и сказал ему: Пойдем.

Затем он повел его на холм, который возвышался над всем городом, и сказал ему: Вот истинное кладбище.

Там, в этих дворцах, которые простираются до горизонта, есть мертвые, которых нужно оплакивать больше, чем тех, которые покоятся здесь, ибо те не покоятся.

Они находятся в разложении и оспаривают у червей их корм; они подобны человеку, похороненному заживо.

Их грудям не хватает небесного воздуха, и земля давит на них. Они заколочены в тесных и жалких учреждениях, которые они себе сделали, как в гробах.

О, плакавший юноша, слезы которого осушили мои слова, плачь и воздыхай теперь о тех мертвых, которые еще страдают! Оплакивай тех, кто считают себя живыми, но кто являются мучающимися трупами!

Это к ним нужно кричать громким голосом: Выйдите из своих могил! О, когда же зазвучит труба ангела?

Ангел, который должен пробудить мир, это ангел ведения; ангел, который должен спасти мир, это ангел любви.

Свет будет, как молния, которая поднимается на востоке и видна в то же время аж до запада; по его голосу тело Христа, которое есть братский хлеб, будет открыто всем, и вокруг тела, которое должно их кормить, соберутся орлы!

Тогда человеческое слово, освобожденное от эгоистических интересов, воссоединится со Словом божественным.

И единое слово, звучащее во всем мире, и будет той трубой ангела.

Тогда восстанут живые, живые, которых считали мертвыми и которые страдали в ожидании избавления.

Тогда все те, кто не мертвы, зашагают и пойдут к Господу; тогда как прах тех, которых больше нет, будет развеян ветром.

О, юноша, будь наготове и стерегись умирать!

Живи ради тех, кто тебя любит, люби тех, кто живет, и не оплакивай тех, кто поднялся на одну ступень выше по лестнице жизни; оплакивай тех, кто мертв!

Твоя мать любит тебя, теперь ты любишь еще больше то, что ее мысль и ее любовь освобождены от тяжести земли. Оплакивай тех, кто не думают о тебе, кто не любит тебя.

Ибо истинно говорю тебе, что у человечества одно тело и одна душа, и что оно живет везде, где оно трудится и страдает.

Итак, член, который больше не чувствительный к здоровью или к боли других членов, – мертвый член и должен быть вскоре отсечен.

Сказав эти слова, Христос исчез с глаз молодого человека, который, постояв немного в ступоре, как пораженный воспоминанием сновидения, молча встал на дорогу к городу, говоря: Иду искать живых среди мертвых.

И я буду творить добро всем страждущим, страдая вместе с ними и любя их, дабы душа моей матери знала это и благоговела бы меня на небе.

Ибо я теперь понимаю, что небо не далеко от нас, и что душа относится к телу, как материальное небо к земле.

Небо, окружающее и поддерживающее землю, утоляет жажду необъятности, как наша душа опьяняется самим Богом.

И те, кто живут одной мыслью и одной любовью, никогда не могут быть разделены!

II

ПОНИКШИЙ ФИЛОСОФ

Был в то время один человек, который изучил все науки, рассмотрел все системы, и который от этого стал сомневаться во всем.

Само бытие показалось ему сновидением, потому что он не нашел в нем достаточной причины. Он пытался узнать природу Бога, но так и не узнал, потому что никогда не любил. И его ум был помрачен, как глаз того, кто смотрел на Солнце.

Вот почему он был грустным и поникшим.

Иисусу, который имел дело с мертвыми, и который любил исцелять слепых, сжалился над этим бедным больным умом и этим погасшим сердцем; и одним вечером он вошел в пустынную комнату этого философа.

Это был бледный и лысый человек, с впалыми глазами, морщинистым лбом и заносчивыми губами.

Он сидел в одиночестве за небольшим столиком, покрытым бумагами и книгами; но он больше не читал и не писал.

Сомнение склонило его голову, как свинцовой рукой, его застывшие глаза смотрели в никуда, а его уста невыразительно улыбались с глубоким отвращением.

Подле него горела лампа, и его часы проходили в молчании без надежды и без воспоминания.

Иисус стал перед ним, ничего не говоря, и, подняв глаза к небу, молился.

Ученый медленно поднял голову, затем встряхнул ею и вновь опустил, тихо прошептав: Видение!

– Отче наш, что на небе, да святится имя твое, – сказал Иисус.

– Он позволил тебе умереть на кресте, – добавил мыслитель, – и ты напрасно к нему взывал: Боже мой! Боже мой! Зачем ты меня оставил!

– Да придет царствие твое, – продолжил Спаситель.

– Мы ждем его вот уже восемнадцать веков и сорок лет, – сказал философ, а оно еще дальше, чем раньше.

– Откуда ты знаешь? – спросил его тогда Учитель, направляя на него строгий взгляд.

– Я даже не знаю, что это за царство Бога, которого должно прийти, – ответил философ. – Если есть Бог, то он царствует или не царствует вообще. Итак, раз я не вижу царства Бога, то я его и не жду; и я даже не пытаюсь узнать, есть ли Бог.

– Сомневаешься ли ты также в существовании добра и зла? – возразил Иисус.

– Их различие произвольно, потому что они меняются в зависимости от времени и места.

– Поднеси свой палец к пламени лампы, – сказал Спаситель, – почему же ты так резко отдергиваешь руку? Разве не знаешь, что один такой мыслитель, как ты, сказал, что боль не есть зло?

– Я не разделяю его мнения, но я не знаю, прав ли я больше, чем он.

– Почему же ты не разделяешь его мнения?

– Потому что я чувствую боль, и она меня непреодолимо отвращает.

– Значит, различие добра и зла не произвольно относительно твоих отвращений и влечений? – сказал тогда Иисус; – и в самом деле, зло не может быть абсолютным. Зло существует лишь для тебя и для всех еще несовершенных существ. Для них-то и должно прийти царство Бога, потому что они сами придут в царство Бога. Я тебя убедил в отвращении физическом, и я тебя также легко смогу убедить в отвращении духовном. Огонь предупреждает тебя болью, что он может разрушить жизнь твоего тела, а совесть предупреждает тебя своими зовами и своими угрызениями, что грех губит жизнь твоей души. Зло для тебя – это разрушение; добро – это жизнь, а жизнь – это Бог! Земля, погруженная во тьму, ждет теперь, когда взойдет солнце, и однако солнце всегда светит в центре вселенной, и только вращается вокруг него. Бог царствует, но ты еще не вошел в его царство; ибо царство моего Отца является царством знания и любви, мудрости и мира. Царство Божие является царством света, и этот свет падает на твои глаза, которые его не видят, потому что они ищут ясности в самих себе и находят лишь мрак.

– Господи, так отрой же мне глаза, – сказал философ, – и озари мою тьму.

Иисус ему сказал: Если бы я закрывал тебе глаза, то я должен был бы и открыть их; но если я их открою, а тебе захочется их закрыть, то как увидишь ты свет?

Разве не знаешь, что воля человека властвует над веками его глаз, и если силой пытаться держать их открытыми или закрытыми, то он потеряет зрение?

Я могу помочь тебе зажечь в тебе огонь, который озарит, и поэтому-то я дал услышать тебе мои слова, и если ты уже желаешь, чтобы я открыл тебе глаза, ты не далек от прозрения. Да сменится твое желание энергичной волей, и ты сам откроешь глаза и узришь.

– Что за огонь, который озаряет? – спросил ученый.

– Ты его узнаешь, – ответили ему Христос, – когда ты сильно полюбишь.

Ибо если разум подобен светильнику, то любовь – его пламя.

Если разум подобен оку нашей души, то любовь – ее сила и жизнь.

Великий разум без любви – это красивый, но мертвый глаз, это прекрасно изготовленный светильник, но холодный и погасший.

Когда эгоизм животных страстей погасил человеческую философию, я спас мир верой, потому что вера – это философия любви.

Верят тем, кого любят, и тем, кто нас любит; итак, как основу веры я дал неограниченную любовь, когда я и мои апостолы, мы доказали людям кровавым мученичеством искренность нашей любви. И как Церковь воцарилась благодаря любви, она победила верой; но вера ждет ведения, и близок час, когда те, кто верят, но не видят, поймут и увидят.

Итак, если хочешь понять, начни любить, дабы поверить.

– И во что же я поверю, Господи?

– Во все, чего не знаешь; ибо вера – это доверие разумного незнания. Верь во все, что знает Бог, и твоя вера охватит необъятность. Доверься своему небесному отцу во всем, что оставило за собой познание, и не беспокойся о бесконечных судьбах. Люби эту необъятную мудрость, дитем которой ты есть, люби других людей, которые ходят в невежестве, как и ты, на земле, и ограничь пока свои знания исполнением своих обязанностей; вскоре ты увидишь, как они вырастут сами и достигнут Бога, ибо Бог позволяет себя увидеть чистым сердцам.

– О! увидеть Бога! – воскликнул ученый дрожащими губами подобно человеку, который жаждет и ждет дождя с неба. – О! воссоединить, наконец, в моем мышлении все разрозненные лучи той истины, которую я так любил, и которая всегда от меня ускользала!... Но кто даст мне эту необъятную любовь, которая причащает человека к Богу, и приближает его к центру всяческого света?

– Ты заслужишь ее своими делами, – сказал ему Христос, – ибо если человек разрушает себя делами разрушения, если он губит себя делами ненависти, то он возрастает и спасается делами любви. Чтобы приблизиться к Богу, нужно идти, и святые поступки являются движениями вашей души.

– Какие поступки действительно святы? – спросил ученый, – молитва ли это и пост?

– Слушай, – сказал Христос, – и не спеши судить своих братьев, которые прошли в поисках и плаче. Человечество утверждено в желании через молитву и слезы. И те из его детей, которые первыми взалкали небесного, воздерживались от земного; но все это было только начало. Нужно учиться воздерживаться, чтобы научиться правильно пользоваться. Нужно сначала пожертвовать телом ради мысли, чтобы освободить мысль. Ибо духовное небо – это свобода души; но душа призвана царствовать над телом, а не разрушать его; так же и физического небо царствует над землей и не разрушает ее. Время молитвы и слез должно уступить место дню труда и надежды; ибо молитва древних была трудом, и нужно, чтобы наш труд был молитвой более действенной и более активной.

– Как же мне трудиться? – сказал философ, – я ничего не умею делать с пользой.

– Ты уже растратил в напрасных усилиях энергию своей мысли, – ответил Христос, – и ты, желающий все знать, ты даже не научился жить. Стань маленьким ребенком и иди в школу любви. Научись любить и творить добро, вот истинная наука жизни.

Вспомни легенду о Христофоре. Это был страшный великан, но так как он не умел пользоваться своей силой, он был слаб, как ребенок.

Итак, ему нужен был наставник, и он пошел на службу к королю, но король был болен и Христофор ушел от него.

Он стал искать того, кто заставляет страдать царей, и так как он не знал Бога, он сперва пристал к гению зла.

Но однажды на одной скале явился крест, и гений зла упал, как пораженный молнией.

Христофор тогда стал искать того, чьим знаком является крест, и один старик сказал ему, что он найдет его, если будет творить добро.

Итак, одним вечером нес одного ребенка, над которым склонился так, как если бы нес целый мир, ибо в особе этого бедного заблудшего сиротки он узнал великого Бога, которого он ждал.

Понял ли ты эту притчу?

– Да, Господи, – сказал философ, ставший христианином.

Так вот, иди и поступай, как Христофор, носи Христа, когда падает от усталости, или когда потоки мира противостоят его ходу. Пусть Христос для тебя будет страждущем человечеством. Будь оком слепому, рукой слабому и палкой старика; и Бог даст тебе ответ на великий вопрос человеческой жизни.

– Я так и сделаю, Господи, и отныне я чувствую, что я больше не буду один в мире. Но кому из моих братьев протяну я руку первому?

– Тому, кто несчастнее тебя, и кто угасает неведомо от тебя в маленькой комнатке, соседней к твоей. Иди же к нему на помощь, поговори с ним, чтобы он вознадеялся, полюби его, чтобы он поверил, заставь полюбить себя, чтобы он жил.

– Веди меня к нему, Господи, и поговори с ним ради меня.

– Иди и смотри, – сказал Спаситель, – и он легонько коснулся стены, которая разверзлась, как двойной занавес, и

ученый был перемещен в духе в соседнюю к своей комнату. Это была комната молодого поэта, который умирал в одиночестве.

III

УМИРАЮЩИЙ ПОЭТ

В то время был один молодой человек, который в ранний час слушал в своей душе эхо гармоний миров.

Итак, эта внутренняя музыка отвлекала его внимание от всего, принадлежащего этой смертной жизни, потому что он жил обществе, в котором еще не было гармонии.

Дитя, он был игрушкой других детей, которые принимали его за идиота; молодой человек, он едва ли находил руку, чтобы пожать свою, сердце, чтобы утешить свое.

Дни его проходили в продолжительном безмолвии и в глубокой задумчивости; он в странном исступлении созерцал небеса, воды, деревья, зеленые луга; затем его взгляд застывал, в его мысли разворачивались величественные картины, которые уносили его на спектакль природы. Тогда слезы сами текли по его бледным щекам, и если к нему приходили поговорить, он не слышал.

Поэтому с ним редко разговаривали и принимали его в основном за безумца.

Так он и жил, один с Богом и природой, разговаривая с Богом на языке гармонии, и позволяя падать на землю поэмам, которые никто не слушал.

Но материальные пужды жизни в конце концов поймали его в безвыходные сети; он проснулся на земле, еще осле-

пленный своими видениями неба; и когда он захотел пойти, он стал спотыкаться о людей и о венцы, пока не упал в одышке и в отчаянии.

Тогда-то он закрылся в своем убогом жилище и стал ждать смерти.

Тогда-то Христос заметил его и сжалился над ним.

Комната поэта была грустной, голой и холодной; он был наполовину одет в какие-то поношенные одежды; протянувшись на соломенной кровати, он дрожал от горячки, и его глаза светились тусклым огоньком.

Христос явился ему облаченным в белое платье, – символ безумия, – которое он принял от Ирода, а голова его была увенчана в одночасье окровавленным терновым венцом и нимбом славы.

– Брат, – сказал он бедному больному, глядя на него с невыразимой любовью, – почему ты хочешь умереть?

– Потому что невозможно больше жить на земле, когда увидел небо, – вздохнул поэт.

– Но ведь я, чтобы жить и страдать на земле, спустился с неба, – ответил Иисус.

– Вы сын Бога и вы сильный.

– Но я захотел быть сыном человека, чтобы испытывать голод, чтобы бояться и чтобы плакать. Разве я не проявил малодушие в Гефсиманском саду? Разве я не стонал на кресте, как если бы Бог оставил меня?

– И вот, – сказал больной, – я ухожу из жизни, как вы из Гефсиманского сада, и я лежу на кровати мук, как вы на кресте.

– Если бы я лишь молился моему Отцу в долинах, вдыхая ароматы роз, если бы я безмолвно опьянялся экстазами на Фаворе, то я не заслужил бы искупить мир на кресте, – ответил Спаситель. – Но я искал заблудших овец, и, чтобы остановить мои ноги, непрерывно ступающие по следам людских бед, понадобились гвозди палача. Понадобилось прибить мои руки, чтобы помешать им дать кусок хлеба изголодавшимся людям; и тогда, не имея ничего другого дать своим братьям, я позволил вытечь всей моей крови!

– Я пел, – сказал поэт, – но люди меня не слышали.

– Это оттого, что ты пел для себя одного, и оттого, что ты слишком пренебрег их пренебрежением. Нужно было, по примеру вечного Слова, больше снизойти, чтобы заставить себя услышать.

– Быть может, тогда они, вместо того чтобы предать меня забвению, распяли бы меня?

– И только тогда, мой брат, было бы прекрасно умереть, чтобы воскреснуть в славе!

– Учитель, вместо того, чтобы утешить меня в мой последний час, вы пришли напугать меня и укорить?

– Я пришел исцелить тебя и вдохнуть в тебя мужество жить, дабы ты заслужил спокойную и бессмертную смерть.

Отчего ты хочешь жить на небе в те дни, которые Бог тебе дал провести на земле?

Почему позволяешь ты погибнуть в смутных чаяниях необъятной любви своего сердца?

Почему обособляешься ты в гордыни своих грез, когда вокруг тебя кровоточат и трепещут реальные страдания?

Бог не дал тебе небесный бальзам, чтобы помазать голову; он не даровал тебе вина своей чаши, чтобы опьянить твой рот и отвратить его от горечей земли.

Ты должен был облегчать, открывать, утешать; ты должен был быть врачом душ, и вот ты, за то, что спрятал лекарства Бога, стал больнее других.

Тебя не поняли, сказал ты; но ведь это ты, несчастный молодой человек, не понял своих братьев.

Вот! твой ум был выше, а ты не сумел разговаривать с нищими духом! Ты считал себя великим, и ты боялся нагнуться, чтобы приблизить свои уста к ушам малых! Ты любил, и ты отворачивался от безобразий людей!

Встань же, бедный падший ангел, и возобнови свою миссию! Знай, что дух гармонии – это дух любви, о котором я объявил миру под именем утешитель. Если ты любишь Святой Дух, то будь отныне утешителем своим братьям, и чтобы иметь право и власть их утешать, научить страдать и трудиться с ними.

Я был больше тебя, и больше тебя поднимал свою душу к лону вечных гармоний; и однако я провел свою жизнь в труде с плотниками и в беседах с нищими, просвещая их ум, подвигая их сердца и исцеляя их болезни. Ты же до сих пор делал лишь поэзию в мечтах и словах, но пришло время делать поэзию в действиях! Ибо все, что делается любовью к человечеству, все, что связано с самоотречением, жертвованием, терпением,

мужеством и настойчивостью, – все это есть высшая гармония, это поэзия мучеников!

Вместо того чтобы смутно любить бесконечность, постарайся бесконечно любить своих братьев, возле тебя находящихся.

И вот один, которого я к тебе привел; он страдал, как и ты, и он пришел к отрицанию мысли, изолировав работу своей мысли, как ты пришел к отчаянию сердца, изолировав свою любовь!

Отныне вы будете оба, ибо не хорошо человеку быть одному.

Тогда философ, ставший христианином, приблизился к кровати больного, горячка которого вдруг прошла от кроткого и строгого слова Иисуса, и он ему сказал:

– Брат, прими мои услуги и половину хлеба, у меня оставшегося; завтра мы будем работать вместе, и когда я заболею в свой черед, вы окажете мне свои услуги и дадите мне хлеб.

– Брат, так как вы видели небо, не ломайте лестницу, по которой вы туда поднимались, скорее возьмите мою руку и ведите меня, ибо я много думал и много размышлял, и я теперь чувствую, что не достаточно любил.

Вы, чей голос является живым эхом вечной гармонии, вы дитя небесной любви, ибо уста говорят от избытка сердца.

Но любовь не может стать эгоистичной, не убив себя, и она не находит полноты жизни, если не отдаст всю себя другим.

Так живите же, чтобы я вас любил, ибо если я люблю, я буду счастлив; и, если вы любите Бога, то вы желаете счастья

тем, кто являются детьми Бога, как и вы. Гармония является в одночасье и наукой и поэзией, числовая точность является великим законом красоты, и величественные гармоник являются божественным основанием чисел; но все это, чтобы быть живым и реальным, должно прилагаться к тому, что есть.

Брат, материализм Бога в тысячу раз поэтичнее, чем идеализм человека. Будем искать Бога в человеке, и не будем отчаиваться в его судьбе; ибо сами эти беспорядки ведут его к гармонии, и если Бог зачислил нас в число тех, которые видят первыми, куда нужно идти этому заблудшему народу через пустынные места, то встанем же в голову этого великого и трудного движения, вместо того чтобы изолироваться и умирать.

– Брат, благодарю тебя, – сказал поэт, – и благодарю того, кто вдохновил тебя! Отныне я не буду больше бежать с поля брани, чтобы умереть в одиночестве, пока я могу еще сражаться; я буду считать себя трусом и дезертиром.

Если я паду в бою с оружием в руке, я умру полный мужества и благословляя Бога, и моя душа не одна предстанет перед верховным судьей.

С этого дня философ и поэт соединились святой дружбой, и они никогда не пренебрегают самой низкой работой, чтобы поддерживать свою жизнь.

Так они прошли через все классы общества и везде находили больные сердца, которые ожидали бальзама словом мужности и любви.

Везде они чувствовали, что они могут еще сделать добро, и скорби жизни казались им легкими; ибо они сносили их с мужеством, чтобы внушить мужество тем, кто страдали, как и они, а самоотречение давало им новые силы.

НОВЫЙ НИКОДИМ

В то время был один священник, который любил истину, и который искал добра со всей искренностью своего сердца.

Итак, как-то ночью, когда он бдел и молился, пришел Христос и сел возле него, и посмотрел на него с добротой.

– Учитель, вы ли это? – сказал пастырь. – Как долго я ищу вас, и вот вы пришли ко мне ночью!

Иисус ему ответил:

– Никодим пришел повидать меня ночью, потому что он боялся иудеев; и я знаю, что твоя жизнь зависит от новой синагоги, и я не хочу тебя скомпрометировать.

Ибо книжники, и фарисеи, и ложные богословы закона еще преследуют меня и преследуют тех, кто принимает меня.

– Господи, – сказал священник с грустью, – неужели славные годы, которые составляют прекрасные века Церкви, были бесплодны для будущего? Неужели истина всегда ускользает от пылких устремлений человека? Неужели святые и мученики заблуждались, потому что восемнадцать веков битв и обучения привели лишь к тому, что создали вам врагов из тех, кто были вашими служителями?!

Иисус ему сказал:

– Не все они мои враги, и мой Отец еще насчитывает среди них благородные души и чистые сердца.

Я буду приходить к ним, как я пришел к тебе, чтобы напомнить им признаки времен, и чтобы открыть им глаза, дабы они видели.

Я пришел объяснить тебе еще тайно то, что я тайно объяснил тому богослову ветхого закона, который также был человеком желания.

Я сказал ему, что входом в царство Божие является новое рождение.

Жизнь мира является непрестанно возобновляющимся рождением, и нужно, чтобы зерна года умирающего были брошены в землю, чтобы подготовить урожай года нарождающегося.

Но не должно наливать новое вино в старые сосуды.

Виноградник моего Отца никогда не бесплоден, и из года в год он возобновляет свои плоды, но он призывает виноградарей в разное время дня.

Поэтому я призывал верных богословов ветхого закона к новому рождению, ибо их старая мать, иудейская синагога, умирала, и чтобы родиться, нужно выйти из ее лона.

И те, которые поверили, покинули труп синагоги, оставшись соединенными с ее душой, и они стали первыми детьми вселенской Церкви.

Но вселенская Церковь является новым небом и новой землей, и чтобы обновить все, нужно сперва сразиться против всех властей земли и неба.

Поэтому первые христиане соорудили ковчег, чтобы сражаться против неистовства ветров и вздымания вод.

Этот ковчег был иерархической Церковью, святой католической Церковью, хранительницей символа единства.

Пока этот ковчег носился водами, он плыл под дыханием Бога, и в его лоне всякая живая душа нашла убежище; но как только он причалил, новая семья должна была выйти из него, чтобы населить мир, и вот об этом новом рождении я тебе сказал.

Священник ему сказал:

– Господи, должен ли я выйти из католической Церкви? Но тогда к какой другой Церкви могу я присоединиться?

– Я не говорю тебе выйти из католической Церкви, – ответил Иисус, – но я приглашаю в нее войти. Я говорю тебе отделиться от мрака, чтобы начать жить в свете. Я говорю тебе выйти из школы, чтобы войти в общество и применить там знания, которые ты приобрел!

Я не пришел нарушить древний закон, но исполнить, и я пришел теперь, чтобы исполнить новый закон.

Разве я не говорил: Сперва поверьте, и затем поймете, и вы познаете истину, и истина сделает вас свободными?

Разве я не говорил, что мое второе пришествие будет как молния, которая поразит глаза всех, и которая в одночасье засияет над всем миром?

Разве я не объявил, что придет дух ведения, и что он даст моим ученикам дополнение моих слов? И ваши символы, разве они не говорят, что дух ведения и дух любви должен осуществить новое творение и омолодить лицо земли?

Итак, дух любви, разве он не есть дух порядка и гармонии, который должен объединить всех людей и заставить их всех причаститься к божественному и человеческому единству?

Сбросьте же все оковы, которые мешают братьям идти к их братьям, опрокиньте разделяющие барьеры, расширьте изолирующие жилища, отбросьте учения, которые осуждают одних и отбирают других, выйдете из синагоги слепых, войдите в католическую Церковь, которая теперь больше не является сходкой священников и богословов, но мировым сообществом всех людей ведения и любви.

– Господи, – сказал священник, – я сделаю все, что ты мне скажешь. Куда мне идти первым делом, и с чего начать?

– Оставайся, где есть, – сказал Иисус, – и делай, что делаешь.

Наставляй детей, катехизируй бедных, посещай больных и молись за людей.

Да не изменится ничего в твоих делах, но да всеобщая любовь оживляет их и оплодотворяет!

Проповедуй милосердие и мир, проповедуй скромность и прощение оскорблений, проповедуй святые устремления к Богу и союз братьев!

Да будет любовь законом твоей души, и не налагай на совесть других бремен неудобноносимых!

Будь кроток и смирен сердцем, как мои первые ученики, когда будешь говорить к женщинам, детям и нищим; но будь нестигаем, как мои мученики, когда захотят тебя развратить или смутить!

То, что я сказал тебе, то я сказал для всех тех, которые, как и ты, верят в дух ведения и любви, и поэтому-то я обращаюсь со словом ко многим.

Не смешивайте дух воздержания с духом смерти, ибо я заповедал своим ученикам воздерживаться от богатств их отца лишь на некоторого время, пока они не научатся достойно им пользоваться.

Истинно говорю тебе, что я не пришел убить плоть, но спасти ее, подчинив духу.

Ибо не должно быть разделения между духом и плотью человека; Бог одинаково их сотворил и благословил.

Дух - это царь плоти; царь не должен царствовать для разрушения.

Органы и чувства подчинены уму.

Царь должен не позволять своим подданным творить зло; но он должен также иметь в виду их процветание и их счастье.

Влечение, разве оно не является общим законом бытия, и равновесие, разве оно не есть гармония влечений?

Так пусть же дух не разрушает плоти, и пусть плоть не покушается на дух.

Ибо одно и другое из этих излишеств будет смертью!

Итак, я не пришел принести смерть тем, кто живут, я пришел принести святость тем, кто были больны, и жизнь тем, кто были мертвы!

Сказав все это, Иисус исчез с глаз доброго священника, оставив его полного надежды и мужества; ибо он увидел силу Божию, из века в век укрепляющую немощи людей, и он понял, как религия всегда идет сквозь века, всегда возрастая и торжествуя.

V

ГРОБНИЦА СВЯТОГО ИОАННА

Тем временем Иисус с быстротой духа прошелся по всем странам земли.

Все были грустными и ожидающими. И везде Христос был еще один, как в Гефсиманском саду.

Он вошел, как нищий паломник, в базилику Святого Петра, где никто его не узнал, он подошел к могиле апостолов, чтобы посмотреть, созрели ли их мощи для воскресения; но прах святых был холоден, и они продолжали спать своим сном.

Итак, один из его апостолов, который, согласно преданию, никогда не должен был умереть, тот, символический портрет которого всегда изображает нам его молодым, и эмблемой которого является орел, так вот, его называют Апостолом любви и учеником любви.

Это он, говорят легенды первых веков, должен проснуться в конце времен, чтобы спасти мир, зажегши в нем священный огонь братской любви.

И действительно, говорят те же легенды, его останки не были найдены; верующие Эфеса хотели его погрести и сохранить у себя, но ангелы пришли и спрятали уснувшего апостола в пустынном месте Патмоса.

Итак, Иисус переместился на остров Патмос, который, казалось, был еще напуган звуком семи громов; и он подошел ко гроту, где спал его верный ученик.

У входа в гробницу неподвижно сидела некая небесная форма, как бы женщина, покрытая длинным голубым плащом, который покрывал ее голову и закутывал всю целиком, свисая на ней большими складками.

Ее бледные и немного вытянутые руки были крепко сжаты, а ее глаза, полные смиренной грусти и бесконечной надежды, были прикованы к гробнице.

Иисус подошел к ней и сказал:

– Мать моя, вы ли это? Вы, конечно же, знаете, что я должен был прийти сюда?

– Я это знала, сын мой, – ответил Мария, – ибо покоящегося здесь вы нежно любили; и перед тем как умереть, вы доверили меня ему, сказав: Вот твоя мать.

Теперь, чтобы я смогла возвратиться на землю в личности женщины, которые поймут то, что такое быть матерью, нужно чтобы ожил ученик любви, чтобы защищать меня. Ибо я должна, сын мой, в личности всех женщин ведения и любви, родить вас в свет во второй раз.

– Мать моя, – ответил Иисус, – помните ли вы, что сказал ангел женщинам, которые искали меня в гробнице:

«Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес» [Лк. 24:5-6].

– Вы знаете, что пророк Илия, согласно преданию иудеев, должен был вернуться на землю, чтобы подготовить пути.

Форма Илии преобразилась в его дух и пришла в личности Иоанна Крестителя.

Итак, истинно говорю вам, что вы живете теперь на земле в личности всех женщин, которые чувствуют, как в их лоне дрожит надежда будущего. Поэтому-то, мать моя, вы явились сегодня в последний раз в вашей символической фигуре.

Иоанн, ученик мой возлюбленный, завещал свой дух всем людям, полным веры и любви, которые хотят построить новый Иерусалим, святой город гармонии, и я истинно говорю вам, что они-то знают, как почитать их мать, и они достойны называться сынами женщины.

Ибо они подчинили свои сердца вдохновениям вашего сердца, они, желающие разделить труд всех детей великой семьи, каждый по своим симпатиям и способностям, дабы все вместе произвели мед в человеческом улье, который послужит пищей всем.

Они знают, что такое женщина, они, кто хотят освободить свою любовь от всякого рабства, дабы она никогда не занималась проституцией, и дабы источник рождения был чистым.

Встаньте же и идите, мать моя, идите на Голгофу, будьте при моем последнем символическом триумфе, а затем мы оживем во всем человечестве. Все женщины станут вами, и все мужчины станут мной, и мы оба будем одним.

И Христос, поднимая свою мать и неся ее на руках, как она столько раз носила его на своих, когда он был маленьким ребенком, покинул остров Патмос, и, идя по волнам моря, он направился к берегам Палестины.

В этот момент взошло солнце и осветило всю поверхность вод, и две небесные формы двигались, не отбрасывая тени и

не оставляя следов, как пара чудесных птиц, или как облачко, окрашенное цветами восходящей зари, и переливающееся отблесками радуги.

VI

ПРОЩАНИЕ С ГОЛГОФой

Иисус прошел через безлюдные поля Иудеи и остановился на иссохшей вершине старой Голгофы.

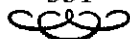
Там восседал один ангел с черными бровями и мрачным взглядом, закрывшись своими большими крыльями. Это был Сатана, царь старого мира.

Мятежный ангел был грустным и уставшим, и он с отвращением отворачивал свои глаза от земли, где зло было без гения, и где робкое разложение последовало за титаническими битвами великих древних страстей. Он чувствовал, что искушая людей, он наставляет сильных и обманывает лишь слабых; так что он удосуживаясь больше никого искушать, будучи мрачным под своей золотой диадемой, он лишь слушал, как падают души в вечность, подобно монотонным каплям вечного дождя.

Толкаемый неизвестной ему силой, он пришел и сел на Голгофе, и, грезя о смерти Богочеловека, он завидовал ему.

Это был могучий и прекрасный ангел, но он завидовал Христу, и эта зависть была изображена змеем, который погрузил свою голову в его грудь и грыз ему сердце.

Иисус и Мария встали перед ним и смотрели на него молча с великой жалостью. Сатана взглянул в свой черед на Искупителя и с горечью улыбнулся.

– Пришел, – сказал он ему, – второй раз умереть за мир, который не смог спасти с первого раза?

Неужто бесполезно пытался ты превратить камни в хлеб, чтобы накормить свой народ, и пришел, чтобы признаться мне в своем поражении?

Неужто ты сбросился с высокого Храма, и твоя божественность разбилась в твоём падении?

Неужто пришел ты мне поклониться, дабы властвовать над миром? Иди, теперь слишком поздно, и я не собираюсь тебя обманывать. Власть мира ускользнула от тех, кто поклонялись мне от твоего имени; да и я сам устал от царствования без славы. Если и ты пал духом, как и я, то сядь подле меня, и не думай больше ни о Боге, ни о людях.

– Я не пришел сидеть возле тебя, – сказал ему Христос, – я пришел поднять тебя, простить и утешить, чтобы ты прекратил быть злым.

– Я не желаю твоего прощения, – ответил ему злой ангел, – и это не я злой.

Злой тот, кто дал умам жажду к ведению, и кто закутал истину в непроницаемую тайну.

Тот, кто позволил их любви мельком взглянуть на идеальную деву, опьяняющая красота ввела их в бред, и кто дал ее им, чтобы тотчас же вырвать из их первых объятий, и заменить ее вечными оковами. Тот, наконец, кто дал свободу ангелам, и кто приготовил бесконечные мучения для тех, кто не захотел быть его рабами!

Злой тот, что убил своего невинного сына под предлогом мести за преступление виновных, и кто не простил виновных,

но заставил их совершить еще одно преступление и убить своего сына!

– Почему напоминаешь мне о невежестве и заблуждениях людей? – ответил Иисус, – я лучше тебя знаю, насколько они извратили образ Бога, да и ты сам хорошо знаешь, что Бог не подоен образу, который они себе о нем сделали.

Бог для того дал тебе жажду ведения, чтобы навсегда напоить тебя вечной истиной. Но почему ты закрыл глаза и стал искать день в себе, вместо того чтобы взглянуть на солнце?

Если бы ты искал свет там, где он есть, то ты увидел бы его; ибо в Боге нет ни тени, тайн; тени в тебе и тайны являются слабостями твоего ума.

Бог не для того дал свободу своим творениям, чтобы забрать ее, но он дал ее им в качестве супруги, а не незаконной любовницы; он хочет, чтобы ею обладали, а не чтобы ее насиловали, ибо эта целомудренная дочь неба терпит насилия, и когда ее девичье достоинство повреждено, то свобода умирает для того, кто ее не познал.

Богу не нужны рабы; мятежная гордыня сотворила рабство. Закон Бога – это царское право его творений; это титулы их вечной свободы.

Бог не убил своего сына, но сын Бога добровольно отдал свою жизнь, чтобы убить смерть; и поэтому он теперь живет во всем человечестве, и он спасет все поколения, ибо от испытания к испытанию он ведет человеческую семью в землю обетованную, и оно уже вкушает ее первые плоды. Так что я пришел объявить тебе, Сатана, что пришел твой последний час, если только ты не захочешь быть свободным и царствовать со мной над миром через ведение и любовь.

И ты не будешь больше называться Сатаной, ты вновь при-
мешь славное имя Люцифер, и я вложу звезду в твой лоб и све-
точ в твою руку. Ты будешь гением труда и мастерства, пото-
му что ты много сражался, много страдал и мучительно думал!

Ты распрострешь свои крылья от одного полюса к
другому, и ты воспаришь над миром; пробудится слава от
твоего голоса. Вместо того чтобы быть гордостью уединения,
ты будешь высшей гордостью самоотречения, и я дам тебе
скипетр от земли и ключ от неба.

– Я не понимаю тебя, – сказал демон, грустно покачав
головой, – и я не могу понять тебя; ты же хорошо знаешь, что
я больше не могу любить! И с чувством боли падший ангел
показал Христу рану, которая простиралась на всю грудь, и
змея, который грыз ему сердце.

Иисус повернулся к своей матери и взглянул на нее. Мария
поняла взгляд своего сына, она подошла к несчастному ангелу
и не побрезговала протянуть свою руку к нему и коснуться
его раненой груди.

Тогда змей выпал и издох у ног Марии, которая раздавила
ему голову; сердечная рана ангела зарубцевалась, и по
раскаивающемуся лицу Люцифера медленно спустилась слеза,
первая из им пролитых.

Эта слеза была ценна, как кровь Бога; и ею были искуплены
все богохульства ада.

Обновленный ангел пал ниц на Голгофе и слезно целовал
место, где когда-то возвышался крест.

Затем он поднялся, торжествуя надеждой и сияя любовью,
и бросился в руки Христа. Тогда Голгофа содрогнулась; ее

сухая вершина вдруг покрылась свежей и блестящей зеленью, и увенчалась цветами.

И на месте, где был крест, выросла молодая виноградная лоза и преисполнилась спелыми и благоуханными плодами.

Тогда Спаситель сказал:

– Вот виноградник, который даст вино всеобщего причастия, и он будет расти, пока его ветви не охватят всю землю.

Затем, взяв свою мать за руку, он протянул другую руку ангелу свободы и сказал ему:

– Пусть теперь возвратятся наши символические формы на небо, я не вернусь больше на смерть на эту гору, Мария здесь больше не будет оплакивать своего сына и Люцифера сюда не привлекут больше угрызения за его преступление, ныне изглаженное.

Отныне мы будем одним духом, – духом ведения и любви, духом свободы и мужества, духом жизни, который восторжествовал над смертью.

Тогда все трое взмыли сквозь пространство; и, поднимаясь в невероятные высоты, они видели землю и все ее царства, которые простирали свои дороги, одна к другой, как распростертые руки, они видели поля, уже позеленевшие от первых братских урожаев, и с Востока до Запада раздавалась таинственная прелюдия к песни союза. И на севере, на гребне белеющей горы они видели, как восстает исполинская форма человека, который воздымает свои руки к небу.

На этих руках еще видны недавние следы цепей, который он разорвал, и на груди его рубец, как у Люцифера.

Под его правой ногой, на самой острой вершине горы, еще трепещет труп ворона со свисшей головой и крыльями.

Эта гора – это Кавказ; и этот освобожденный исполин, воздевший свои руки, – это древней Прометей.

Итак, великие божественные и человеческие символы встретились и поприветствовали друг друга под одним небом; затем они исчезли, чтобы уступить место самому Богу, который пришел, чтобы навсегда обитать с людьми.

VII

ПОСЛЕДНЕЕ ВИДЕНИЕ

Над материальными формами и земной атмосферой есть область, где души вздымаются освобожденными от свои цепей.

Там-то эфирные благоухания, подчиняясь мысли, последовательно ее облачают во все прелести идеальной формы, и населяют чудесными красотами духовный мир поэзии и видений.

Из этой-то области мы заимствуем самые прекрасные сновидения нашего сна, и там вдохновение возносит гений великих поэтов во время их трудных бдений, и чувство гармонии заставляет их предчувствовать во все времена великие судьбы человечества.

Там-то живут образы и царят аналогии. Ибо поэзия – в образах; и гармония образов аналоговая по сути.

В этой-то идеальной области Эсхил увидел страдания Прометея, а Моисей слышал Иегову.

Там-то великий поэт Востока, орел с Патмоса, певец Апокалипсиса, увидел христианскую Церковь в виде мучающейся женщины, болезненно рожаящей человека будущего.

В этом-то чудесном мире поэзии и видений ему явился Бог, закутанный в свет и держащий в руке вечное Евангелие, которое медленно открывалось, тогда как бичи обрабатывали мириады ангелов-разрушителей, расчищая землю, чтобы дать место городу святого единства и гармонии, новому Иерусалиму, который спустится с неба на землю в готовом виде, потому что идея гармонии существует в Боге и реализуется сама на земле, когда люди ее поймут.

Славная фигура Христа, после того как прошла по земле, вновь поднялась в эту эфирную область, и там Искушитель показал когда-то мятежному ангелу, но отныне обновленному, великое сообщество мучеников.

Там находятся все жертвы человеческого деспотизма, все те, кто предпочли умереть, чем солгать против совести. Жертвы Антиохии, мученики древнего Рима и казненные новым Римом.

Одни – за законные верования, другие – за иллюзии и грезы, все они смело выходили навстречу тирании людей, и все были чисты пред Богом, ибо они пострадали за сохранение самого благородного и самого прекрасного из всех его даров – свободы!

Уже давно их души, одетые в белые платья, запятнанные кровью, томились под алтарем и требовали справедливости; но наконец пришел день, и все вместе, держа в руках пальмовые ветви, они выступили вперед, перед Искушителем.

Христос явился среди них, между своей матерью и ангелом покаяния, и спросил их, какую месть они хотят исполнить над своими гонителями.

– Господи, пусть их души будут отданы нам, дабы мы распоряжались ими вечно, как они распоряжались нами во времени.

Тогда Христос, вручив им ключи от неба и ада, сказал им:

– Души ваших гонителей у вас.

Тогда раздался крик радости и торжества, с высот неба до глубин бездны, и души мучеников открыли врата ада и протянули руку своим палачам.

Каждый отверженный нашел избранного в качестве своего покровителя; небо расширило свою ограду, и дева-мать заплакала от радости, видя, сколько детей прижимается к ней, которых она считала потерянными навсегда.

И пока все небо улыбалось этому величественному зрелищу, на земле можно было видеть, как восходит новое солнце, и ночь сворачивает свои покровы к Западу.

Мрачные тучи прошлого, наполненные призраками, рассеялись, – это были тени великих угасших монархий и исчезающих старых культов.

Между ночью и восходящей зарей сумерки осенили голову одного старика, который сидел с лицом, обращенным на восток. Это был странник всех христианских веков, проклятый варварской цивилизацией, тип отверженного, старый Агасфер, который отдыхал. Наконец народ обрел отечество, и вечный жид получил себе прощение.

Земля стала храмом Бога. Всемирное сообщество реализовало христианскую любовь. Все живут и работают за каждого, и каждый за всех.

Каждый наслаждается в мире плодами своих трудов, и никто из детей Бога не погибает от голода за столом своего отца, ибо равно распределяемый труд облегчает жизнь всем.

Сообщество во сто крат умножило богатства земли, и союз всех интересов дал трудам человека такое божественное направление и такую чудесную силу, что изменились сами времена года, и по обещанию апостола возникли новое небо и новая земля, и Иисус сказал ангелу свободы и гения:

– Вот дело, которое ты должен был исполнить. Вот новый город ведения и любви.

Земля готова, она дышит надеждой. Люди видят ее теперь так, как видели когда-то пророки – покрытой пеплом и костями; но новая жизнь уже бродит в этом пепле, и некая божественная дрожь пробегает по этим высохшим костям.

Вскоре они поднимутся по зову нового духа, и новый народ покроет собой поля земли. Тогда человечество выйдет из продолжительного сна, и ему покажется, что оно впервые видит день!

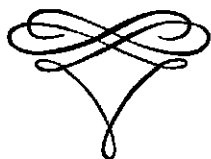
Сказав эти слова, Христос пал ниц перед престолом своего отца, говоря:

– Господи, да будет воля твоя на земле, как и на небе!

И Дева, которая является типом обновленной женщины, и ангел свободы, ставший гением порядка и гармонии, и все утешенные мученики, и все отверженные, раскаявшиеся и избавленные от своих мук, ответили все вместе тайным

словом, которое объединяет волю творений с волей Творца,
и все человеческие силы с божественным могуществом, –
Аминь!

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.....	5
СОДЕРЖАНИЕ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	15
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЕАЛЬНЫЕ ДУХИ.....	19
ИСТОРИЯ ИИСУСА ОТ ТАЛМУДИСТОВ.....	33
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	99
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	135
СОВРЕМЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ.....	195
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	233
О КАТОЛИЧЕСКОЙ ИСТИНЕ.....	235
ЧУДЕСА.....	249
ТРУДНОСТИ ДОГМАТА САМОГО ПО СЕБЕ.....	255
ВТОРАЯ ЧАСТЬ.....	259
ЭПИЛОГ, СОСТАВЛЕННЫЙ НА МАНЕР ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЛЕГЕНД И РЕЗЮМИРУЮЩИЙ ДУХ ЭТОГО ТРУДА	325

Элифас Леви

НАУКА О ДУХАХ

Верстка макета и дизайн обложки: Губин А.В.

Корректурa: Демакова А. А.

Подписано в печать 06.12.2013.

Формат 60х84^{1/16}. Гарнитура «Minion Pro».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,16

Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-904844-14-1

9 785904 844141

ИП Москвичев А. Г. 603001, г. Нижний Новгород, а/я 49

Отпечатано в типографии ООО «Типография «Поволжье»

Н. Новгород, ул. Академика Блохиной, 4/43

Заказ 13_1974.